

История Общество Политика 2026 №2(38)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 2(38)
2026**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2026. №2 (38)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2026

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2026
© Коллектив авторов, 2026

HISTORY SOCIETY POLICY

**N 2 (38)
2026**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2026. №2 (38)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/06/2026

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2026

© Authors, 2026

Содержание

МАТЕРИАЛЫ III НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«Империи эпохи Нового и Новейшего времени: опыт политического и социального развития», г. Брянск, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 20 марта 2026 г.

<i>Рагозин Г.С.</i> Империя Габсбургов во взглядах консервативных историков межвоенной Австрии	6
<i>Привалова Ю.А.</i> Джозеф Чемберлен радикал и империалист	13
<i>Шендыгаев Д.И.</i> Имперская идентичность в поисках компромисса: «британскость» и её внутренние противоречия на рубеже XIX-XX веков	19
<i>Хрулев С. П.</i> Роль немецкого дипломата Аго фон Мальцана в германо-литовских отношениях 1920-1924 гг.	25
<i>Попов И.Д.</i> Имперские корни баварского регионализма в период Веймарской республики	32
<i>Никифоров А.С.</i> Хорватское государство в идеологии усташского движения	39
<i>Порунов А.Е.</i> Политические и правовые проекты переустройства Германии в программах Круга Крейзау (1940-1943)	47
<i>Федосов А.В.</i> Вопросы империи в деятельности консервативной партии в межвоенный период	54

ПУТЬ В НАУКУ

<i>Мешикова М.А.</i> Военные закупки в США до 1916 года	63
<i>Перцева О.А.</i> Территориальные претензии Румынии к Австро-Венгрии и России (1881-1918)	69
<i>Понарьин И.И.</i> Сербская армия в 1915-1918 гг.	74
<i>Субботин И.Р.</i> Венесуэльский кризис 1902-1903 гг.	82
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	89

Материалы III научной конференции
«ИМПЕРИИ ЭПОХИ НОВОГО И НО-
ВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ:
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИ-
АЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»,
г. Брянск, Брянский государственный
университет им. акад. И.Г. Петров-
ского, 20 марта 2026 г.

УДК 94(436).091

Г.С. Рагозин

ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ ВО ВЗГЛЯДАХ КОНСЕРВАТИВНЫХ
ИСТОРИКОВ МЕЖВОЕННОЙ АВСТРИИ

Аннотация: Статья посвящена изменениям образа империи Габсбургов в Австрийской республике. За 1918-1938 гг. отношение к Дунайской монархии было предметом ожесточенных дискуссий историков и политиков. Ностальгия по империи и апологетика в ее адрес звучали, в первую очередь, в среде сторонников сохранения независимости Австрии как наследницы державы с особой миссией. Враждебное отношение к империи Габсбургов как к «анти-немецкому государству» бытовало в среде историков – сторонников Аншлюса. Все это сыграло свою роль в конституировании Первой республики, и затем обнаружило предпосылки к уязвимости австрийского государства перед Аншлюсом и его нацистским видением.

Ключевые слова: межвоенный период, Первая австрийская республика, «Корпоративное государство», историография истории Австрии, пангерманизм, консервативная историография, Хуго Ханч, Генрих Риттер фон Србик

Ragozin G.S. Reflections on the Habsburg empire in the Interbellum Austrian conservative historiography

Abstract: The paper deals with changes occurred in perception of the Habsburg empire in the First Austrian Republic. Historians and politicians demonstrated various attitudes towards the Empire between 1918 and 1938. Nostalgia on the Habsburg rule appeared to be typical among advocates of Austria as a sovereign nation and an heir of the unique statehood pursuing its special mission. On the contrary, historians advocating Anschluß have shown hostility towards the Habsburg empire as an “anti-German state”. The concepts presented between 1918 and 1938 played a significant role in constituting the First Republic, nonetheless demonstrating vulnerability of Austria towards Anschluß and its version adopted by the NSDAP.

Keywords: interwar period, First Republic of Austria, "Corporate State", historiography of the history of Austria, pan-Germanism, conservative historiography, Hugo Hanch, Heinrich Ritter von Srbik

Распад крупных государственно-территориальных комплексов, в т.ч. империй, сопровождается выходом наружу различных позиций по отношению к «государству-предшественнику». Они высказываются на политическом уровне, а также в ходе конструирования новой версии национального самосознания и связанных с ней понятий лояльности, принадлежности, гражданства и их легитимации. Все это справедливо по отношению к Австрии после распада империи Габсбургов и ряда конфликтов на пространстве бывшей империи в 1918-1921 гг. В ходе утверждения суверенитета и вплоть до аннексии Австрии нацистской Германией в австрийской исторической науке развивалась активная дискуссия о феномене империи Габсбургов и ее значении для австрийского государства и австрийских немцев.

Спор о характере империи Габсбургов стартовал сразу после ее распада, и отразился в исторической науке, политической жизни и внешнеполитической ориентации Австрийской республики. Он раскалывал и сообщество профессиональных историков, и политические партии в стране. При этом, в 1930-е гг. австрийские историки великогерманской ориентации начали втягиваться в дискурс НСДАП, тем самым содействуя Аншлюсу. Окончательная черта под этой дискуссией будет подведена лишь в 1945 г., когда при восстановлении независимости Австрии пангерманизм, Аншлюс и их нацистское прочтение были осуждены наравне с национал-социализмом и его политикой в отношении страны [21]. После этого постепенно начнется реинтеграция памяти о Габсбургах в историческое сознание австрийской нации.

В немецкоязычной, в т.ч. австрийской, а также мировой историографии тематика отношения к империи Габсбургов в Австрии развивается активно с 1960-х – 1970-х гг. Так Петер Бергер и Антон Карл Малли представляли процесс формирования австрийской политической нации как долговременный, уже с конца XVIII в., и рассматривали межвоенный период как постимперский переход с сохранением исторической преемственности и легитимности республики австрийских немцев [4]. Эту линию углублял Эрнст Брукмюллер, полагая истоки австрийской политической нации сложившимися уже в Средние века и развивавшимися позднее [7]. Период 1920-х – 1930-х гг. Брукмюллер характеризовал как «бегство от австрийского» к «германскому» вследствие шока от распада империи и падения монархии. И позиция ряда австрийских историков того времени, как он полагал, сыграла не последнюю роль в принятии австрийцами идеи Аншлюса.

Одну из наиболее устойчивых концепций, связанных с осмыслением феномена империи Габсбургов, выразил австрийский и американский историк Роберт Адольф Канн. Он характеризовал австрийское общество и его ментальность как заданные рамками «постимперского синдрома» - продолжением имперских ментальных установок и социальных практик в государстве, переставшем быть частью или ядром империи [18].

В исследованиях по этой тематике активно изучается взаимосвязь ситуации в австрийской исторической науке с Аншлюсом Австрии. Дискуссия о самоидентификации австрийских немцев, как подчеркнул политолог Герберт Дахс, во многом задавала тон в австрийской исторической школе, нередко оттесняя на задний план исследовательский компонент [9, S. 1-17]. Это было связано как с попытками политической эмансипации Австрии от Габсбургского наследия, так и с полярными позициями о будущем республики в политикуме и гуманитарной науке. Долгое время считалось, что этот спор сделал австрийское государство «нежизнеспособным», хотя в современной исторической и политической науках этот тезис признали не соответствующим реалиям [10].

В первой четверти XXI в. австрийские историки предприняли попытку осмысления того пути, который прошла австрийская историческая наука в первой половине XX в. на биографических материалах. Так трехтомник «Австрийские историки. Судьбы и карьеры 1900-1945 гг.» под редакцией Карела Грузы обратился к формированию профессиональной

культуры, взглядов и положения в сообществе наиболее значимых представителей исторической науки страны выбранного периода; к восприятию ими системы власти и общества последних десятилетий империи, Первой республики, «Корпоративного государства» и Третьего Рейха; к эволюции их представлений о теории и принципах исторических исследований, и их ключевых концепциях, в т.ч. в отношении имперского прошлого Австрии [17].

В русскоязычной историографии за последние тридцать лет исследователи концентрировались на таких составляющих, как позиция партий Австрии по вопросу австрийской государственности (О.И. Величко, С.В. Кретинин) [27; 29]; собственно австрийская идентичность и положение в ней идеи Аншлюса (Е.В. Сироткина, А.А. Борисова, О.В. Головашина) [26; 28; 31]; прочтение австрийской идентичности в период распада империи и становления республики идеологами и политиками ХСП (Г.С. Рагозин) [30]. Ситуация в сообществе профессиональных историков Австрии и ее влияние на политическую ситуацию широкого рассмотрения не получила.

Становление Австрийской республики в 1918-1920 гг. шло под значительным отпечатком травмы поражения в Первой Мировой войне и распада империи, а также связанных с ними кризисов и вооруженных конфликтов. Среди провозгласивших республику социал-демократов, в т.ч. в ближайшем окружении Карла Реннера, также были сильны настроения в пользу Аншлюса. В среде оппонентов СДПА из Христианской социальной партии было немало приверженцев точки зрения Игнаца Зайпеля, согласно которой австрийцы являлись «родом» немцев [22, S. 27]. По итогу борьба за сторонников Аншлюса между ХСП и СДПА привела к прочтению будущей республики как «свободной и единой немецкой Австрии». Его ХСП выразила, среди прочего, в проекте конституции Австрии в 1919 г. [11], а также выразив предположение о возможном воссоединении страны с Германией [12]. Подобного рода толки в руководстве консервативной ХСП закладывали предпосылки к расколу историков страны на два лагеря – сторонников и противников объединения Австрии и Германии.

Неотъемлемой частью этого спора стало отношение к империи Габсбургов. Споры историков 1920-х – 1930-х гг. в Австрии об имперском периоде, его роли в развитии австрийской государственности и становлении общности австрийских немцев были неотъемлемой частью жизни страны. Она сыграла свою роль в дискуссии о приемлемости пангерманизма и Аншлюса в австрийском политикуме и обществе в целом. Некоторые участники этой дискуссии по итогу сознательно пошли на сотрудничество с НСДАП и обслуживали ее представление об истории империи Габсбургов и Австрии в целом.

Консервативные историки Австрии 1920-х – 1930-х гг. спорили о характере империи Габсбургов, ее миссии и ее значении для общности австрийских немцев. Как уже было отмечено, позиции по этому вопросу носили полярный характер, который особенно проявился после прихода НСДАП к власти в Германии. После этого ряд австрийских историков стал активно пересматривать свои позиции в сторону «великогерманского» дискурса, т.е. соединения нарративов австрийской и немецкой истории в один, конечной целью которого было объединение двух государств. Сильнее всего это показали историки консервативного направления.

Еще до распада империи Габсбургов ее критика звучала в работах венского историка Вильгельма Бауэра, который считал Дунайскую монархию «единством чужих [Австрии] стран». Здесь Бауэр подчеркнул, что австрийские немцы прилагали колоссальные усилия к тому, чтобы удерживать разнородные этнические группы от конфликтов друг с другом, а также сохранить их как общности и способствовать их развитию. Крах империи в этом контексте представлял и банкротством той идеологии, которой придерживалась династия Габсбургов и имперские элиты [1. S. 369–382].

Бауэр озвучивал и иную позицию, согласно которой империя понималась примером «единства народов» в историческом контексте [3, S. 1-16]. Примером этого представляли взгляды эрцгерцога Карла и его роль в Наполеоновских войнах, когда за ним как полководцем следовали выходцы «из всех местностей Австрии». В то же время, Бауэр считал, что главное для австрийских немцев была именно «германская солидарность» в силу роли страны в защите немецких земель от иноземных вторжений [2, S. 16]. Поэтому Австрия у Бауэра по итогу «должна была стать частью Германии».

Постепенно к этой же точке зрения пришел другой значимый консервативный историк - Генрих Риттер фон Србик, исследователь истории германского вопроса, а также политической системы Меттерниха в Австрии [25]. На первых порах Србик был апологетом Клеменса фон Меттерниха как главы правительства в империи. Србик считал его курс основанным на совмещении антinationализма и немецкого национализма, что считалось им преемственностью от католической имперской идеи и универсализма. Эта позиция будет полностью пересмотрена, когда историк вступил в НСДАП и занял пост ректора Венского университета и президента Венской Академии наук после 1938 г.

Скольжение Србика в сторону «великогерманских взглядов» обозначится во время канцлерства Курта Шушнига. При подготовке четырехтомника «Германское единство» Србик полагал объединение Австрии с Германией возможным «по воле народа», а все предшествующие ему события – этапами этого пути [24]. До Србика такую позицию высказал Отто Бруннер, который считал неизбежным воссоединение Австрии и Германии, а «историческую миссию старой Австрии» - выполненной [8]. В современной историографии считается, что четырехтомник Србика был не только очередным этапом переосмысления роли канцлера Меттерниха и Австрийской империи в германском вопросе, но и программной работой, т.к. в ней Аншлюс изображался необходимым [20].

Подобное Србику постепенное принятие «великогерманской парадигмы» имело место у Виктора Библя. Историк, рассуждая о распаде Австро-Венгрии в 1918 г., назвал его «ноябрьской трагедией», которая не была внезапной. Предпосылки к распаду державы Габсбургов у Библя показали себя в полной мере уже во время революции 1848 г., однако они не смогли проявить себя в полной мере благодаря «наследству доброго императора Франца I». Под таковым понимался союз двора, силового блока управления, армии и церкви, а также статус императора как «патриарха». Однако корнем проблем, показавших себя в 1848 г., Библь назвал «отсутствие в империи внутреннего единства», которое стремились развивать почти все монархи, но достигли очень ограниченных успехов [5, S. 1-3]. Исключением здесь представлял Иосиф II, который смог ввести в политическую и социальную жизнь элементы гражданственности.

«Великогерманская» составляющая у Библя в «Распаде Австрии» проявилась в представлении «Австрии» как «воображаемого имени, которым не пользовались ни один народ, ни одна земля и ни одна нация» с отсылкой к творчеству драматурга и писателя Франца Грильпарцера [5, S. 5-6]. Атмосфера 1918 г. Библем изображалась как «желание австрийских немцев защитить себя от враждебности и ненависти» со стороны негерманских народов. Единственной надеждой для немцев Австрии у Библя представляли «Германия и ее армия» [6, S. 543]. Воссоединение двух немецких государств, которое пытались инициировать социал-демократы во главе с Карлом Реннером, Библь одобрял как реализацию права австрийских немцев на самоопределение, нарушенное победителями в Первой Мировой войне. «Австрийский немец» – писал Библь – «вернется в отеческий дом». Так историк продемонстрировал, что уход империи Габсбургов в прошлое был катастрофой, но без него невозможно воссоединение немцев в одно государство [6, S. 562].

«Австрийское» направление исторической науки Первой республики высказывало иные взгляды. Консервативный и связанный с Римско-католической церковью историк Хуго Ханч исследовал эволюцию австрийской имперской идеи [13]. В отличие от одного из своих учителей, Генриха фон Србика, Ханч был противником «воссоединения с прусским государством» и позиционировал себя как сторонник независимой Австрии. В отличие от Србика, который полагал провозглашение Франца II императором Австрийским в 1804 г. как «узурпацию», Ханч полагал этот жест «действительной защитой христианства и подлинной декларацией австрийской имперской идеи» [14. S. 146].

Наднациональная природа Австрийской империи для Ханча была доказательством ее легитимности и продолжением колонизаторской и цивилизаторской миссии Священной Римской империи и немцев высокого и позднего средневековья. Т.е. не отвергая общности австрийских немцев и немцев Германии, Ханч считал именно первых «преемниками Старого Рейха». Деятельность канцлера Меттерниха Ханчем изображалась как «благо» для народов империи, чьи силы были подорваны периодом Французской революции и Наполеоновских войн. Канцлер, по мнению Ханча, выражал волю основной массы подданных Габсбургов, заинтересованных в «определении и закреплении мира и порядка на вечное время» [16, S. 328-338].

Иными словами, историк определил положение дел 1815-1848 гг. в Австрии как «общественный договор». Легитимизм Австрийской империи и миссия австрийских немцев в ней в понимании Ханча укладывались в контекст лозунга «австрийцы – лучшая версия немцев», который сохранял популярность и в годы «Корпоративного государства» [15]. За данные взгляды и неприятие национал-социализма Ханч после Аншлюса подвергся преследованию нацистскими властями и был заключен в концентрационном лагере Бухенвальд.

Событием для «австрийского» направления стала защита в Венском университете диссертации Александрой Зигель Зигвилль в 1936 г. [23]. Соискатель обратилась к проблеме формирования «австрийской нации», в т.ч. средствами исторического знания на примере сочинений Йозефа фон Хормайра. Австрийцы были заявлены отдельной нацией, формирование которой отличалось от остального немецкоязычного пространства. Заслуга Хормайра, по мнению диссертанта, была в систематизации картины прошлого страны именно с позиции «австрийской свободы». Ее формирование уходило корнями в эпоху Бабенбергов (976-1246 гг.), и в последующем она эволюционировала. Работа сама по себе была специфической, т.к. термин «австрийская нация» не использовался даже такими патриархами «австрийского» направления, как Хуго Ханч.

За период от распада державы Габсбургов до аннексии Австрии Германией осмысление австрийскими историками феномена империи Габсбургов показало раскол в историческом обществе страны. Австрийские историки не всегда осмыслили проблемы развития империи в научном ключе. Это было связано с политизацией вопроса, а также со спорами «австрийского» и «великогерманского» направлений при постимперском синдроме в обществе. В целом, основные историки страны были согласны с катастрофическим характером распада империи и тем, что австрийские немцы от него пострадали сильнее других общностей, входивших в державу Габсбургов.

Полиэтничность и поликультурность империи понималась при этом амбивалентно: это и «миссия Австрии», и ее «бремя», которое ложилось на немецкоязычное сообщество. При этом, до 1938 г. позиция «великогерманцев» и «австрийского направления» в отношении Йозефинизма, эпохи Франца I и Меттерниха была в целом похожа. Йозефинская эпоха виделась началом гражданственности и выходом наружу вопроса о месте Австрии в немецкоязычной Европе. Царствование Франца I предстало восстановлением исторического права Австрии,

законностью, а после 1815 г. – и «эпохой мира». Этот император еще и представлял архетипом «императора - патриарха», а также преемника лучшего из традиции «Старого Рейха».

Постепенно в «великогерманском» направлении вызрела идея о «завершенности миссии Австрии» в связи с распадом империи и необходимостью воспользоваться правом на самоопределение для воссоединения с Германией. Все это закладывало предпосылки к закреплению Аншлюса в австрийском обществе как «главной цели». Оппозиция со стороны «австрийского направления» хоть и использовала тезис «Австрийцы – лучшая версия немцев», но подчеркивала легитимность и специфику австрийского государства, а также несовместимость австрийской и германской политической систем.

В обоих случаях имел место радикализм суждений относительно прошлого и будущего австрийского государства. Тем не менее, у «великогерманского» направления была более выражена консолидация по основным вопросам. Все это сыграло не последнюю роль в кризисе идентичности австрийских немцев, крахе «Корпоративного государства», аннексии Австрии Германией и попытке нацистских властей унифицировать «Дунайские и Альпийские гау» с остальными германскими землями средствами исторического знания, в т.ч. руками историков, ранее представлявших консервативное направление австрийской историографии.

Библиографический список

1. Bauer W. Das Deutschtum der Deutsch-Österreicher // Österreich. Erbe und Sendung im deutschen Raum / Hg. von J. Nadler, H. von Srbik. Salzburg – Leipzig: Pustet, 1936. S. 369–382
2. Bauer W. Der großdeutsche Gedanke in der österreichischen Geschichte // Die Anschlußfrage in ihrer kulturellen, politischen und wirtschaftlichen Bedeutung / Hg. von F.F.G. Kleinwächter, H. von Paller. Wien – Leipzig: Braumüller, 1930. S. 11-19.
3. Bauer W. Österreich // Österreich. Zeitschrift für Geschichte. - 1918/19. S. 1–16.
4. Berger P. Die Idee einer österreichischen Staatsnation bis 1938 // Der Donauraum. 1967. № 12. S. 57-71.
5. Bibl V. Der Zerfall Österreichs. Wien – Berlin -Leipzig – München: Rikola, 1922. Bd. 1. Kaiser Franz und sein Erbe. – 420 S.
6. Bibl V. Der Zerfall Österreichs. Wien – Berlin -Leipzig – München: Rikola, 1924. Bd. 2. Von Revolution zur Revolution. – 577 S.
7. Bruckmüller E. Nation Österreich: kulturelles Bewußtsein und gesellschaftlich-politische Prozesse. Wien: Böhlau, 1996. 465 S.
8. Brunner O. Die geschichtliche Funktion des alten Österreich // Die Anschlußfrage in ihrer kulturellen, politischen und wirtschaftlichen Bedeutung / Hg. v. F. F. G. Kleinwächter, H. von Paller. Wien-Leipzig: Braumüller, 1930. S. 1–11.
9. Dachs H. Österreichische Geschichtswissenschaft und Anschluß 1918–1930. Wien – Salzburg: Geyer, 1974. - 265 S.
10. Deak J. Dismantling Empire: Ignaz Seipel and Austria's Financial Crisis, 1922-1925 / Bischof G., Plasser F., Berger P. (Eds.). From Empire to Republic: Post-World War I Austria. New Orleans: New Orleans University Press, 2010. P. 123-141.
11. Der Christlichsoziale Verfassungsentwurf, eingebracht an der Sitzung der Nationalversammlung am 14. Mai 1919. Wien: Christlichsoziale Vereinigung, 1919. – 25 S.
12. Die politische und wirtschaftliche Lage. Berichterstatter Bundeskanzler Dr. Seipel. Der außerordentliche Christlichsoziale Parteitag, 28-29.10.1922. Цит. по: „Dieses Österreich retten..“. Protokolle der Christlichsozialen Parteitage der Ersten Republik. Wien – Köln – Weimar: Böhlau, 2006. S. 206-210.
13. Fellner F. Österreichs historische Mission und die Reichsidee. Werk und Wirken des Historikers Hugo Hantsch in der Diskussion um ein österreichisches Geschichtsbewußtsein // Brennpunkt Mitteleuropa. Festschrift für Helmut Rumpler zum 65. Geburtstag / hg. v. Ulfried Burz. Klagenfurt: Verlag Carinthia,

2000. S. 83–96.
14. Hantsch H. Die Entwicklung Österreich-Ungarns zur Großmacht. Freiburg in Breisgau: Herder, 1933. 382 S.
15. Hantsch H. Engelbert Dollfuß // Gestalter der Geschichte Österreichs / Hg. v. H. Hantsch. Innsbruck: Tyrolia, 1962. S. 611–623.
16. Hantsch H. Metternich und Europa // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. – 1934. Nr. 10. S. 328–338.
17. Hruza K. (Hg.). Österreichische Historiker. Lebensläufe und Karriere 1900–1945. Wien: Böhlau, 2008–2019. In 3 Bde.
18. Kann R.A. The Case of Austria // Journal of Contemporary History. 1980. Vol. 15. No.1. Imperial Hangovers. P. 37–52.
19. Mally A.K. Der Begriff „österreichischen Nation“ seit dem Ende des 18. Jahrhunderts // Der Donauraum. 1972
20. Pesditschek M. Heinrich (Ritter von) Srbik (1878–1951) // Hruza K. (Hg.). Österreichische Historiker. Lebensläufe und Karriere 1900–1945. Wien: Böhlau, 2013. Bd. 2. S. 289–290.
21. Proklamation über die Selbständigkeit Österreichs // Staatsgesetzblatt für die Republik Österreich. 1945. Nr. 1. 1.05.1945. S. 1–2.
22. Seipel I. Nation und Staat. Wien: Braumüller, 1916. – 220 S.
23. Siegl-Siegville A. Das Problem der Österreichischen Nation beim Freiherr Josef von Hormayr. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1936. 58 S.
24. Srbik H. von. Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. München: Bruckmann, 1935–1942. In 4 Bde.
25. Srbik H. von. Metternich. Der Staatsmann und der Mensch. München: Bruckmann, 1925. In 2 Bde.
26. Борисова, А. А. Проблема аншлюса в австро-германских отношениях в 1918–1923 годах : дисс... канд. ист. наук. – Воронеж, 2008. – 194 с.;
27. Величко О. И. Первый этап формирования австрийской нации (1918–1938 гг.): от «наднационального» имперского к национально-австрийскому самосознанию // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие : Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции, Воронеж, 16–17 мая 2018 года. – Воронеж: "Научная книга", 2018. – С. 144–148.
28. Головашина О. В. Проблема национальной самоидентификации австрийских немцев в 1918–1938 гг. : дисс... канд. ист. наук. – Тамбов, 2010. – 220 с
29. Кретинин, С. В. Национальный вопрос в Австро-Венгрии в оценках Карла Каутского, Карла Реннера и Отто Бауэра // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время : сборник научных трудов, Воронеж, 27–28 марта 2003 года. Том Выпуск 2. – Воронеж: Истоки, 2005. – С. 70–90.
30. Рагозин, Г. С. Дискуссия об австрийской идентичности и государственности в Христианской социальной партии (1916–1922 гг.) // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 82–92
31. Сироткина Е. В. Проблема национальной самоидентификации австрийских немцев в середине XIX - начале XX в : дисс... канд. ист. наук. – Тамбов, 2005. – 210 с.

Сведения об авторе:

Рагозин Герман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, e-mail: ragozin92@gmail.com

УДК 341.24

Ю.А. Привалова

ДЖОЗЕФ ЧЕМБЕРЛЕН РАДИКАЛ И ИМПЕРИАЛИСТ

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа политической трансформации воззрений Джозефа Чемберлена в контексте оформления его империалистических взглядов. Рассматриваются этапы его политической карьеры, которые повлияли на складывания его взглядов в области внешней политики. Обосновывается взаимосвязь внутриполитических и внешнеполитических воззрений в контексте имперской доминанты.

Ключевые слова: Великобритания XIX в., внешняя политика, Джозеф Чемберлен, англо-бурская война, имперская политика

Privalova Yu.A. Joseph Chamberlain Radical and Imperialist

Abstract: This article attempts to analyze the political transformation of Joseph Chamberlain's views in the context of shaping his imperialist views. The stages of his political career that influenced the formation of his views in the field of foreign policy are considered. The interrelation of domestic and foreign policy views in the context of imperial dominance is substantiated.

Keywords: Great Britain of the 19th century, foreign policy, Joseph Chamberlain, the Anglo-Boer War, imperial policy

Британская империя во второй половине XIX в. представляла собой динамично развивающееся государство, стремящееся к активному расширению колониальных владений. Внутриполитическое положение страны с активно развивающимся производством характеризовалось социальной динамикой, сопутствующим фактором которой было социальное расслоение общества, таящее в своей основе угрозу социального конфликта. Стремление к избеганию угрозы социального столкновения способствовало принятию Консервативной и Либеральной партиями Великобритании курса на поиски социального компромисса, в котором усматривался способ преодоления революции. Это ставило в основу деятельности британских политиков социальные вопросы. Вместе с тем, начиная с 1870-х гг. с деятельности кабинета Б. Дизраэли в области внешней политики простираются контуры образа империи. Имперский вектор британской политики становится определяющим в последней четверти XIX в.

Дж. Чемберлен в полной мере отражал в своей политической деятельности эти тенденции поздневикторианского общества. Его жизненный путь был извилист, но в конечном счете представлял собой движение от социальных реформ к империалистической политике. Этот харизматичный политик был депутатом парламента с 1894 по 1914 год, занимал пост министра местного самоуправления в правительстве Гладстона (1886г.), затем был министром по делам колоний и в правительстве Солсбери (1895г.), и правительстве Бальфура (1902г.)

Джозеф Чемберлен родился 8 июля 1836 г. в Лондоне в Хайбери, процветающем пригороде Северного Лондона, в доме № 3 по Кэмберуэлл-Гроув, в нонконформистской семье, принадлежащей к унитариям. Его отец, тоже Джозеф Чемберлен владел обувным производством [1. С.10]. Капитал отца оценивается в 20 000 фунтов стерлингов. Британский историк Дэвид Дилкс отмечал, что «он получил образование в школе университетского Колледжа (тогда тот был ещё в Юстоне) между 1850 и 1852 г., преуспевая в учебе и получая призы по французскому языку и математике» [6. Р.22]. Британский историк Джеймс Гарвин полагал что: «читать его научила мать, но следует отметить, что Джозефа отдали в школу только в возрасте восьми лет» [8. Р.28]. Пробыв в школке сестер, Шарлотта и Харриет Пейс всего один год, он до четырнадцати лет обучался в школе преподобного Артура Джонсона [8. Р.28]. Д. Дилкс отмечал, что: «старший Чемберлен был не в состоянии обеспечить высшее образование для всех своих детей, и в возрасте 16 лет Джозеф был отдан в подмастерья в Worshipful Company Cordwainers» [6. Р.22]. Советский исследователь Л. Е. Кертмана обращал внимание, что: «в

1852 г., когда Джозеф окончил среднюю школу, дающую право на поступление в университет, только его мать настаивала на продолжении образования. Отец же, у которого было пятеро сыновей, не считал возможным ставить старшего в привилегированное положение, а на обучение всех средств не хватило бы» [1. С.10]. Современник Дж. Чемберлена, Джон Моррисон Дэвидсон, христианский социалист и радикальный шотландский журналист, член Ассоциации шотландского самоуправления полагал, что «некоторое время он действительно учился в Университетском колледже, но в раннем возрасте шестнадцати лет занялся бизнесом» [7. Р.24]. Как отмечал британский исследователь А. Дж. П. Тейлор «Джозеф Чемберлен, сын сапожника-унитария, получил начальное образование в Лондоне, в одной из самых известных школ для инакомыслящих — в школе Университетского колледжа. После окончания школы он планировал поступить в Университетский колледж, но его отец был против «этой безбожной школы». Кроме того, отец отказался платить за обучение Чемберлена больше, чем он мог позволить своим младшим сыновьям, и вместо этого предложил Чемберлену двести фунтов, чтобы тот стал священником, но получил отказ» [1. С.10].

Большую роль в судьбе Дж. Чемберлена играло самообразование. Он много читал и был широко образован позже признавал даже его многолетний оппонент Джон Морли, который в своих воспоминаниях отмечал, что «если иметь в виду книги, которые стоит читать, то Чемберлен более начитан, чем большинство наших политических деятелей [9. Р.67]. Можно утверждать, что Дж. Чемберлен соответствовал викторианскому стандарту человека, который «сделал себя сам», был умён, амбициозен, способен анализировать ситуации и принимать собственные решения, а также нести ответственность за свои поступки.

Как отмечает британский исследователь Дж. Дилкс «после окончания школы Джозеф в возрасте 16 лет в качестве ученика стал работать в семейном бизнесе <...> производство качественной кожаной обуви. <...> Обучение йомига¹ Джозефа было суровым; строгая дисциплина повседневной жизни, которую он теперь усвоил, сослужила ему хорошую службу. Он был не только посвящен в технику ремесла, но и научился в офисе преуспевать в деловом администрировании» <...> [6. Р.22].

Его деятельность в коммерческой сфере позволила ему в 1869г. [1. С.10] стать совладельцем предприятия «Неттлфолд и Чемберлен» в Бирмингеме. По данным Гарвина «Молодой Джозеф Неттлфолд был очень способным инженером-механиком и организатором производства. Он руководил заводом; Чемберлен отвечал за коммерческую сторону и «организацию продаж», как это теперь называется. Один производил винты, другой занимался торговлей. ... В конечном счете, в коммерческом успехе фирмы в течение следующих двадцати лет наш "мистер Джозеф" был главной движущей силой» [7. Р.24].

Политическая деятельность Дж. Чемберлена началась в составе Либеральной партии. В 1865 году Чемберлен вступил в Бирмингемскую либеральную ассоциацию, где постепенно стал играть значительную роль, приобретая общенациональную известность в качестве крайнего радикала. «Я не испытываю большого ужаса при мысли о возможном становлении республики в нашей стране. Рано или поздно это случится» писал Дж. Чемберлен [12. Р.165]. Под впечатлением падения Второй империи во Франции он писал Чарльзе Уэнтворте Дилке, уже тогда члену парламента и приверженцу республиканской формы правления: «Республика должна прийти <...> и она придёт при нашем поколении» [12. Р.165]. Джозеф Чемберлен получил славу «красного республиканца», которого воспринимали едва ли не атеистом,

¹ Йомиг – наверное, «ученик» (проф. жаргон).

выступающим за свободу вероисповедания и, в первую очередь, за отделение школы, а позже и государства, от англиканской Церкви.

В 1869 году он становится членом бирмингемского муниципального совета и одним из основателей Национальной образовательной лиги, выступавшей за секуляризацию и расширение начального школьного образования. В опубликованной в 1873 г. статье «Либеральная партия и ее лидеры». Чемберлен предлагал тактику социальных реформ, отмечая, что «либеральная партия должна действовать иногда и вопреки сиюминутным материальным интересам отдельных предпринимателей и, чтобы предотвратить наступление анархии или революции, должна предпринимать усилия для удовлетворения справедливых требований рабочих» [1. С.10]. В ноябре 1873 г. Чемберлен был избран мэром Бирмингема, а затем ещё дважды переизбирался – в 1874 и 1875 гг. Именно здесь он проявил себя как блестящий администратор и социалист. В своей речи 13 января 1875 г. на Конференции муниципальных властей и других заинтересованных в санитарных условиях крупных городов лиц он отмечал: «Я утверждаю, что общество в целом обязано обеспечивать комфорт и благополучие всех своих членов. ... Мы должны опираться на местный опыт и местные организации, чтобы защищать слабых и обеспечивать нужды бедных, устранять неравенство в нашей социальной системе, смягчать суровые условия борьбы за существование и повышать уровень жизни большинства населения» [10. Р.165].

Прожитые в Бирмингеме годы для Джозефа Чемберлена были непростыми – довольно успешная деятельность в «Неттлфолд и Чемберлен», многообещающее начало политической карьеры, плодотворная работа в должности мэра Бирмингема, контрастировала с трагедиями в семье. Его первая жена Харриет Кенрик, с которой они поженились в 1861 г., родила ему двух детей и умерла через три дня после рождения второго ребёнка, будущего министра иностранных дел Джозефа Остина Чемберлена. Через 5 лет, в 1868 г. он женился на двоюродной сестре Харриет, Флоренс Кенрик. Но и она, родив четверых детей, в том числе будущего премьер-министра Артура Невилла Чемберлена, умерла после родов пятого ребёнка, который тоже умер. У Джозефа Чемберлена на руках остаётся шесть детей, старшей дочери тогда исполнилось только 13 лет, а младшей 2 года.

Муниципальная деятельность открыла Джозефу Чемберлену дорогу к политической карьере - 27 июня 1876 г. он был избран в палату общин от Бирмингема на дополнительных выборах. Джозеф Чемберлен возглавил радикальное крыло Либеральной партии.

Первой инициативой Дж. Чемберлена в парламенте была компания по установлению государственного контроля над торговлей спиртными напитками. Парламентская деятельность Дж. Чемберлена позволила ему выступать не только социальным реформатором, но и постепенно через проблему ирландского вопроса, в которой он стал придерживаться радикальной позиции, ставшей альтернативой либеральному курсу У. Гладстона. Отсюда начинается поворот к формированию на равне с социальными взглядами и националистических представлений, на которых в последствии сформировались его империалистические взгляды. Позднее, в 1903г он сказал, что «Британцы — величайшая из имперских рас, какие когда-нибудь знавал мир» [10. Р.165]. На этом основывалась его позиция британского империалиста конца XIXв. Он отмечал: «Мне кажется, что в наше время все силы брошены на то, чтобы сосредоточить всю власть в руках крупнейших империй, а второстепенным королевствам — тем, которые не идут в ногу со временем, — уготовано второстепенное и подчиненное положение. Если Великая Британия останется единой, ни одна империя в мире не сможет превзойти ее ни по площади, ни по численности населения, ни по богатству, ни по разнообразию ресурсов» [11. Р.2].

В 1880 г. Дж. Чемберлен становится министром торговли в кабинете У. Гладстона. Заняв этот пост, Дж. Чемберлен, с присущей ему неуёмной энергетикой, выступил с рядом

инициатив по законопроектам о транспортировке зерна, о справедливой системе оплаты труда моряков, о предоставлении права муниципалитетам самим решать вопросы энергообеспечения; им был создан Департамент банкротства для расследования несостоявшихся (несостоятельных) (сомнительных) коммерческих сделок. В 1886 г. Гладстон внес на рассмотрение парламента первый законопроект о гомруле (билль о гомруле). Законопроект предусматривал создание в Ирландии двухпалатного парламента, но сохранял за британским правительством контроль над внешней политикой, обороной, полицией и экономикой, включая право устанавливать налоги и таможенные пошлины. Дж. Чемберлен выступал против, считая, что самоуправление Ирландии приведет к распаду британской империи. Он отмечал, что: «я не могу признать, что пять миллионов ирландцев имеют больше прав на самоуправление без оглядки на остальную часть Соединенного Королевства, чем пять миллионов жителей метрополии» [10. Р.165]. Он внес на рассмотрение кабинета меморандум «Местное самоуправление в Ирландии», в котором предложил компромиссные варианты решения проблемы с целью лишить ирландский вопрос политической остроты. Но его инициатива не была подвержена. Ирландская националистическая газета «Unaited Ireland» в те дни писала: «Мы открыто заявляем мистеру Чемберлену, что если он мудр, то он будет подальше держаться от Ирландии. Мы не желаем видеть его здесь!» [11. Р.2]. В это же период Дж. Чемберлен сближается с представителями Консервативной партии, и вместе с лордом Харрингтоном возглавил группу либералов-юнионистов.

Выборы 1895 г. в Великобритании окончились поражением либералов. Премьером стал консерватор Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери, предложивший Чемберлену войти в правительство консерваторов. Он занял пост министра по делам колоний. На этом посту оформилось его политическое кредо, как одного из самых последовательных деятелей британского империализма. Он отмечал: «Наша могучая империя состоит из множества элементов: сотни королевств, некоторые из которых имеют цивилизацию столь же древнюю, как сама история, а некоторые только-только выходят из варварства, — все они объединились, чтобы сделать империю великой. И почти столько же форм правления, от новейшей демократии англосаксонской расы до тщательно ограниченного деспотизма африканского вождя, — все они под нашим флагом ищут защиты для жизни и собственности, а также справедливого суда. Мы многообразны в расовом, языковом и религиозном отношении; все мы верны одному престолу, все верим в общие интересы и привилегии империи, гарантом и символом которых является корона.» [10. Р.165]. Дж. Чемберле подчеркивал, что «Англия без империи! Вы можете себе это представить? В таком случае Англия уже не была бы той Англией, которую мы любим» [11. Р.2].

На посту министра колоний он находился 8 лет в кабинетах Солсбери и Бальфура и это были самые главные годы его политической карьеры., став одним из вдохновителем второй англо-бурской войны.

10 сентября 1899 г. Джозеф Чемберлен предъявил президенту Трансвааля Паулю Крюгеру ультиматум с требованием предоставления избирательных прав всем европейцам, прожившим в республике не менее пяти лет. Для буров, чья культура и независимость формировались десятилетиями, это требование означало потерю политического контроля над собственной территорией. Началась Вторая англо-бурская война 1889-1902гг. Давая оценку начавшейся войны, Дж. Чемберлен, выступая в палате общин 5 февраля 1900 года, на все нападки со стороны оппозиции заявил: «Война - это справедливая, благонравная и необходимая война. ... Тот, кто думает иначе, ставит под сомнение единство королевства» [11. Р.2].

За восемь лет работы министрам колоний Джозеф Чемберлен оказывал сильное влияние на внешнюю политику Великобритании. Здесь основная линия Чемберлена была направлена

против России и Франции, заключивших в 1893 г. союзный договор, и в пользу тесного сотрудничества Англии с Германией и США. В этой связи особенное значение имели переговоры Чемберлена с Германией в 1898-1901 гг., целью которых было заключение англо-германского договора о союзе. Однако рост противоречий между обеими странами, чрезвычайно остро обнаружившийся как раз в это время, воспрепятствовал осуществлению таких планов.

После Второй англо-бурской войны Великобритания предприняла попытки реформировать Британскую империю и укрепить её новыми идеями «имперского консенсуса». Джозеф Чемберлен был главным инициатором этого курса и разработал Тарифную программу, которая предусматривала принцип «имперских преференций» в торговле со своими подопечными территориями, что подрывало традиционную политику свободной торговли. В сентябре 1903 г. Чемберлен покинул правительство, после чего он целиком отдался агитации в пользу своей программы. Генеральным штабом этой кампании стала созданная им в 1903 г. "Лига тарифной реформы". Однако, к сожалению, широкой поддержки у населения его программа не получила. Либералы, верные своему традиционному фритредерству были против экспериментов, а большинство консерваторов, опасаясь потери голосов на выборах, предпочитало до поры до времени выжидать. Программа Чемберлена не имела успеха.

Вместе с "тарифной реформой" ушёл из политической жизни и Джозеф Чемберлен - в дни празднования его 70-летнего юбилея у него случился инсульт, и его парализовало – отнялась правая сторона тела. Несмотря на то, что его умственные способности не пострадали, он был вынужден оставить общественную жизнь. 2 июля 1914 г., за шесть дней до своего 78-летия, Чемберлен перенес сердечный приступ и умер на руках у жены в окружении родных.

В 1939 г. Уинстон Черчилль в книге «Мои великие современники» дал характеристику деятельности Джозефа Чемберлена: «Все, чем живет сегодня Великобритания, уходит корнями в его политическую деятельность. Он зажег маяк, который до сих пор горит, эхо горна, в который он протрубил, по сей день заставляет нерешительных солдат идти в бой» [4. С.45]. Политический курс Дж. Чемберлена на рубеже XIX-XX вв. способствовал оформлению империалистической стратегии Великобритании.

Библиографический список

1. Картман Л.Е., Джозеф Чемберлен и сыновья; Пер. с англ. – М., Мысль, 1990 г. С. 10
2. Такман Б., Европа перед катастрофой. 1890-1914; Пер. с англ. – М., 2016г С.192
3. Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848-1918., М.: Пер. с англ - М., Изд-во иностр. лит., 1958., С. 118
4. Черчилль У.С., Мои великие современники; Пер. с англ - М., АСТ, 2013 г. С.45
5. Chamberlain J. The liberal party and its leader // Fortnightly Review. Vol. 14. 1973. № 9. P. 289. Ibid., P. 291.
6. Dilks J. Neville Chamberlain: Volume 1, 1869–1929. L. Cambridge University Press, 1984. P. 22
7. Davidson J.M. Let there be light! / By J. Morrison Davidson. – L.1895: Reeves, P. 24
8. Garvin J. L, The Life Of Joseph Chamberlain., L.1933, Volume II, P.28
9. Morley John, Viscount, An appreciation and some reminiscences, L.1924, John Murray, Albemarle street? W. P. 67
10. Mr. Chamberlain's speeches. Edited by Charles W. Boyd, with an introd. by Austen Chamberlain, London, Constable and company LTD 1914, P. 165
11. Mr. Chamberlain's speeches. Edited by Charles W. Boyd, with an introd. by Austen Chamberlain, VOLUME II, L., Constable and company LTD 1914, P. 2

12. Petrie C. Joseph Chamberlain, Duckworth., L.1940, P.20
13. https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Чэмберлен,_Джозеф.

Сведения об авторах:

Привалова Юлия Александровна, учитель истории МБОУ СОШ № 56 г. Брянска, email: yu.privalova@yandex.ru

УДК 94(420)

Д.И. Шендыгаев

ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА: «БРИТАНСКОСТЬ» И ЕЁ ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Аннотация: Статья посвящена анализу «британскости» как идеологического инструмента, обеспечивавшего консолидацию Британской империи на рубеже XIX–XX веков. Рассматриваются ключевые механизмы конструирования имперской идентичности: школьное историческое образование, монархический церемониал, имперские ритуалы и героический пантеон. Показано, что каждый из этих инструментов выполнял функцию компромисса, временно сглаживая фундаментальные противоречия между национальным и имперским, аристократическим и буржуазным, протестантским ядром и католической периферией. Однако англоцентризм «британскости», подкреплённый социал-дарвинистскими иерархиями, обуславливал её слабую притягательность для кельтских регионов и небелого населения колоний. К началу XX века накопление этих противоречий подготовило кризис имперской идентичности.

Ключевые слова: история Великобритании, «британскость», англоцентризм, имперская идентичность, Британская империя, Викторианская Англия

Shendygaev D.I. Imperial Identity in Search of a Compromise: "Britishness" and Its Internal Contradictions at the Turn of the 19th–20th Centuries

Abstract: The article examines "Britishness" as an ideological instrument that consolidated the British Empire at the turn of the twentieth century. It explores the key mechanisms through which imperial identity was constructed: school history education, monarchical ceremonial, imperial rituals, and the pantheon of national heroes. Each of these instruments is shown to have functioned as a compromise, temporarily smoothing over fundamental contradictions — between the national and the imperial, the aristocratic and the bourgeois, the Protestant core and the Catholic periphery. Yet the Anglocentrism of Britishness, reinforced by Social Darwinist hierarchies, rendered it weakly attractive to the Celtic periphery and to the non-white populations of the colonies. By the early twentieth century, the accumulation of these tensions precipitated a crisis of imperial identity.

Keywords: History of Great Britain, Britishness, Anglocentrism, Imperial identity, British Empire, Victorian England

Под «британскостью» мы понимаем проект гражданской имперской идентичности, основанный на коллективном самосознании подданных Соединённого Королевства. Несмотря на то, что сам термин вошёл в научный и политический оборот сравнительно поздно – в конце XX столетия, – его смысловое наполнение имеет глубокие исторические корни, восходящие к моменту образования Великобритании и её империи. Институциональным фундаментом этого процесса послужил Акт об унии 1707 г., объединивший Англию и Шотландию и запустивший механизм формирования многослойной идентичности: он позволял индивидам совмещать общебританскую лояльность с локальной – английской, шотландской или валлийской – самоидентификацией. Однако современные трактовки «британскости» фиксируют существенное напряжение внутри этого конструкта: шотландцы, валлийцы и ирландцы всё чаще отказываются идентифицировать себя с «британскостью», усматривая в ней маскировку английского культурного и политического доминирования. Как следствие, в актуальном дискурсе «британскость» и «английскость» практически неразличимы, превращаясь в фактическую синонимию, поскольку оба понятия отсылают к общему имперскому и государственному наследию [1, р. 1-2].

В настоящее время британская идентичность наиболее популярна в Англии, в отличие от других стран Соединённого Королевства. Перепись населения, состоявшаяся в 2021 году, наглядно иллюстрирует сохраняющуюся асимметрию британской идентичности. В Англии

подавляющее большинство респондентов (71,1 %) определяют себя как британцев, тогда как в Уэльсе и Шотландии аналогичный выбор делают лишь 26,6 % и 22,1 % соответственно – здесь доминирует локальная, а не общебританская самоидентификация. Северная Ирландия даёт ещё более сложную картину: 31,9 % населения идентифицируют себя как британцев, 29,1 % – как ирландцев и 19,8 % – как североирландцев, что отражает не преодолённый до сих пор конфликт идентичностей. Таким образом, статистика подтверждает тезис о том, что «британскость» остаётся преимущественно англоцентричным концептом, чья притягательность для кельтской периферии Соединённого Королевства заметно ограничена [2, Census - Office for National Statistics].

Кристаллизация отчётливой британской идентичности приходится на середину XIX столетия и связана с викторианской эпохой. Её ключевыми маркерами выступали: во-первых, протестантизм, жёстко противопоставлявшийся католицизму; во-вторых, островное положение державы, предопределившее господство военно-морской мощи над малочисленной сухопутной армией; и, в-третьих, рефлексия собственного статуса как имперской метрополии. Консолидация этой общности происходила через конструирование образа значимого «Другого», роль которого исторически приняла на себя Франция. Череда масштабных войн с католической соперницей, достигшая апогея в наполеоновской эпопее, выступала одновременно и экзистенциальной угрозой, и фактором сплочения, принуждая жителей Британии осознать широту общих интересов и ценностей [3, р. 1-6].

Институт монархии, переживший в правление королевы Виктории существенный подъем престижа, выступил одним из ключевых механизмов формирования британской идентичности. В рамках данного процесса фигура монарха подверглась семиотической перекодировке: королева Виктория ассоциировалась одновременно с воплощением публичной власти и могуществом нации, и как эталон частной добродетели — безупречной супруги и матери, чей образ транслировал стабильность и моральную безупречность британского миропорядка [4, р. 20-22]. Акт 1876 г. о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии ознаменовал формальное слияние монархического института с идеей Британской империи. В начале XX века эта персоналистская связь служила основой для контроля над периферией. Артур Бальфур, занимая пост премьер-министра, концептуализировал эту роль наиболее емко, назвав британского монарха силой, способной символически объединить предельно гетерогенные и географически удаленные сообщества в рамках единой имперской структуры. Накануне Первой мировой войны лояльность британцев нации и государству все чаще артикулировалась через призму преданности короне и имперскому проекту в целом [4, р. 14-15].

Период правления королевы Виктории ознаменовался вступлением Британской империи в острую фазу экспансии, сопровождавшуюся активизацией международного соперничества великих держав за сферы влияния и рынки сбыта. В этих условиях целенаправленное формирование общего чувства идентичности, лояльности монархии и национальной гордости стало одной из приоритетных задач государственной политики. Её реализация опиралась на систему школьного образования, позволявшую воздействовать на сознание в возрасте, наиболее восприимчивом к интериоризации идеологических установок. Ключевая роль в воспитании национального самосознания и чувства принадлежности к единому имперскому целому отводилась преподаванию национальной истории, а школа рассматривалась как институциональное пространство, наилучшим образом приспособленное для достижения этой цели. [5, с. 107].

Содержание школьного исторического образования в Англии конца XIX — начала XX века определялось приматом политической истории, дополняемой элементами социальной и

экономической проблематики. Базовый курс выстраивался вокруг национальной истории, в которую были включены лишь фрагментарные сведения по истории Европы [5, с. 115-116].

На начальной ступени (возрастная группа от девяти до четырнадцати лет) преподавание основывалось на персонифицированном подходе: исторический процесс репрезентировался через биографии ключевых фигур – монархов и представителей аристократии, а также через знаковые военно-политические события, такие как война Алой и Белой Розы или Крымская война. В начале XX века методический арсенал пополнился привлечением патриотической поэзии, песенного материала и нарративов местной истории, что усиливало эмоциональную вовлеченность учащихся. Логика преподавания во многом задавалась установками Комитета по образованию, согласно которым к моменту завершения начальной школы (двенадцать лет) у ребенка надлежало сформировать базовые представления о нациях и национальностях, а также о ключевых исторических деятелях и событиях. Это требование побуждало к тематической концентрации на избранных сюжетах и периодах правления английских монархов.

На старшей ступени (от двенадцати до шестнадцати лет) вводился систематический курс истории Англии, который, однако, предполагал значительные экскурсы в историю других стран для обеспечения контекстуального понимания. Для начальной школы рекомендации предусматривали трехгодичный цикл, последовательно охватывавший историю Европы, локальную историю и историю Британской империи, что отражало стремление совместить национальный, локальный и имперский компоненты формирующейся британской идентичности [5, с. 116-117].

На протяжении XIX столетия значение патриотического компонента в историческом образовании неуклонно возрастало. Какие бы конкретные формы ни принимал этот патриотизм – будь то националистический уклон, ксенофобия либо, в отдельных случаях, пацифистские настроения, – большинство авторов школьных учебников последовательно воспевали достижения Британии и её роль в мировых процессах, воспроизводя тем самым доминирующий общественный дискурс [5, с. 124]. В имперском дискурсе англичанам устойчиво приписывался набор нормативных качеств – храбрость, честность, стойкость и твердость характера. Особое место в этом перечне занимало свободолюбие, которое интерпретировалось как движущая сила колониальной экспансии: именно оно, согласно доминирующему нарративу, позволило англичанам освоить и заселить отдалённые территории, а в конечном счёте – создать Британскую империю [6, р. III, 267-268]. Храбрость выступала отличительной чертой английского купечества и мореплавателей, заложивших экономический и геополитический фундамент Британской империи. В XVI столетии Фрэнсис Дрейк, Джон Хокинс, Уолтер Рэли, Томас Кавендиш и целая плеяда английских моряков настойчиво продвигали свои суда и интересы английской торговли в пределы Испанской Америки. [7, р. 135-136].

Формирование британской идентичности осуществлялось через сложную систему противопоставлений иным национальным сообществам. На самих Британских островах эта система выстраивалась иерархически: шотландцам отдавалось должное за мужество и свободолюбие, а их особый статус подкреплялся исторической памятью о том, что они не были по-настоящему завоёваны; валлийцы оставались на периферии дискурсивного внимания; ирландцы же занимали низшую ступень, закрепив за собой в английском сознании репутацию «неблагодарной» нации – ярлык, не устранённый даже фактом британской помощи в годы Великого голода 1845-1846 годов. Особую остроту религиозный критерий «британскости» приобрёл в ирландском контексте. Ирландия, юридически являвшаяся неотъемлемой частью Соединённого Королевства, была при этом преимущественно католической. Это создавало фундаментальное противоречие: ирландцы формально обладали статусом британских подданных, но их католическое вероисповедание служило непреодолимым барьером для включения

в «полную» британскую идентичность, ядро которой исторически формировалось вокруг протестантизма.

На континенте символическая грация сохранялась. Немцы как представители англосаксонской расы наделялись позитивными характеристиками. Французы, напротив, оценивались с неизменной настороженностью, коренившейся в логике международных отношений XIX столетия: в английском дискурсе им приписывалось перманентное реваншистское устремление за Ватерлоо, а союзничество периода Крымской войны интерпретировалось как продиктованное исключительно эгоистическими расчётами [7, р. 245]. Дополнительными фигурами противопоставления служили голландцы и испанцы, соперничество с которыми за морскую гегемонию оставило глубокий след в имперском сознании англичан [5, с. 125-127].

К концу XIX века тональность школьных учебников истории приобрела отчетливо джингоистский характер. Национальные чувства учащихся стимулировались акцентированием величия британских владений и имперских идеалов, а также контрастным сопоставлением достоинств англичан с качествами представителей других национальностей. Особую роль в этом дискурсивном сдвиге играли популярные во второй половине XIX столетия социал-дарвинистские теории, постулировавшие «естественные различия» между высшими и низшими расами. Показательным примером может служить учебное пособие, подготовленное при участии Редьярда Киплинга: в нём Англия метафорически уподоблялась райскому саду, а подрастающее поколение призывалось не только к патриотизму, но и к усвоению других викторианских добродетелей – религиозного благочестия и трудолюбия, – долженствовавших обеспечить дальнейшее процветание этого «Сада величия» [7, р. 249-250].

Одним из инструментов формирования британской идентичности являлись патриотические ритуалы, заключающиеся в праздновании Дня Британской империи 24 мая, приуроченный к дню рождения королевы Виктории, вывешиванием карт с изображением территории британской империи и ее доминионов. На отрезке между концом 1870-х годов и началом Первой мировой войны публичная репрезентация британской монархии пережила кардинальную метаморфозу. Если прежде монархический ритуал носил неумелый, частный и маловыразительный характер, то теперь он стал зрелищным, подчёркнуто публичным и пользовался массовой поддержкой – превратившись, в терминологии Хобсбаума, в образцовый пример «изобретённой традиции».

С 1877 г., когда Дизраэли инициировал присвоение Виктории титула императрицы Индии, и с 1897 г., когда стараниями Джозефа Чемберлена колониальные премьеры и воинские контингенты со всей империи прошли в процессии Бриллиантового юбилея, любое крупное королевское торжество мыслилось уже не иначе как событие имперского масштаба. Монархический ритуал окончательно ассоциировался с имперской идеологией. Эту трансформацию точно зафиксировал Бодли, отметивший, что в последние десятилетия викторианского царствования корона стала «эмблемой британской расы, поощряющей её распространение по лику земного шара» [8, р. 125-126].

Образ героя выступал одной из ключевых составляющих конструирования британской идентичности на рубеже XIX–XX веков. Центральное место в пантеоне имперских героев занимала фигура Горацио Нельсона, чья биография подавалась как назидательный образец для англичан. Акцентировалось, что, впервые выйдя в море в возрасте двенадцати лет, он был «слабоватым парнем, но полным отваги, духа и не знавшим, что такое бояться». Потеряв глаз и руку, Нельсон неизменно первым устремлялся в сражение и покидал поле боя последним; сама мысль о капитуляции была для него немыслима. Хрестоматийным примером этой доблести служил эпизод битвы у Копенгагена: когда командующий эскадрой адмирал Паркер, сочтя сражение безнадежным, поднял сигнал «прекратить бой», Нельсон демонстративно

проигнорировал сигнал и продолжил атаку, завершившуюся убедительной победой английского флота. За этот успех он был удостоен звания вице-адмирала и титула виконта. С немалым мужеством Нельсон принял свою гибель в Трафальгарском сражении, отказавшись снять адмиральские награды и заявив, что «с честью их завоевал и готов с честью погибнуть вместе с ними» [9, р. 76-80]. Наряду с Нельсоном канонической фигурой британского патриотического пантеона являлся Артур Уэлсли, герцог Веллингтон – прославленный участник Наполеоновских войн, снискавший лавры победителя при Ватерлоо. Однако имперский героический нарратив не ограничивался образами военачальников: он целенаправленно включал и фигуру простого солдата, чья стойкость и самопожертвование на полях сражений интерпретировались как неотъемлемая составляющая британского национального этоса [5, с. 130].

Имперский пантеон героев включал и фигуру изобретателя, чей образ целенаправленно связывался с идеей величия и процветания Британской империи. Эта модель героизма покоилась на постулировании у англичан неразрывной пары добродетелей – природного таланта и неустанного трудолюбия. Каноническим примером здесь выступал Джордж Стефенсон, вошедший в историю как «отец железных дорог». Его биография, подававшаяся в учебных текстах как назидательный нарратив, иллюстрировала возможности социального восхождения в имперском обществе: будучи сыном небогатого семейства и в детстве зарабатывая на жизнь пастушеством, Стефенсон сумел благодаря личной целеустремлённости и трудовой этике добиться богатства, всемирной славы и посмертного признания [5, с. 130-131].

Пантеон национальных героев дополнялся выдающимися деятелями литературы, науки и искусства. Среди литераторов первенство отводилось поэтам — лорду Байрону, сэру Вальтеру Скотту (чьи исторические романы аттестовались как лучшие из когда-либо созданных), Кэмпбеллу, Роджерсу, Шелли, Кольриджу, Саути и Вордсворту. Наивысшей оценки удостоивались Байрон — как обладатель величайшего дарования и тончайшего чувства прекрасного, и Вордсворт — чья поэзия характеризовалась как наиболее назидательная и благотворная по своему влиянию; отмечалось также, что он основал совершенно новую поэтическую школу и снискал множество последователей. Кольридж и Саути особо выделялись как мастера изящной прозы.

В области науки в указанные царствования наиболее выдающимися представителями признавались сэр Джон Гершель, сэр Гемфри Дэви, Уатт, Брюстер, Эйри, Фарадей, Бриндли, Ренни, Мурчисон и Бакленд. Гершель характеризовался как великий астроном, исполненный любви ко всякой отрасли знания. Дэви приписывались многочисленные открытия в электричестве, гальванизме и химии; особо подчёркивались ясность и точность его экспериментальных рассуждений, позволившие совершить ряд изобретений, спасших жизни тысяч соотечественников. Хрестоматийным примером служила история создания предохранительной лампы: настойчиво прослеживая шаг за шагом результаты опытов с рудничным воздухом, Дэви сумел положить конец катастрофическим взрывам рудничного газа. Наконец, Уатту приписывалось открытие свойств пара, благодаря которому стало возможным применение паровых машин в промышленном производстве [10, р. 181].

Подводя итог, можно констатировать, что «британскость» в конце XIX – начале XX века функционировала как сложно организованная идеологическая система, мобилизовавшая для своего утверждения целый спектр институтов и практик: школьное образование, монархический церемониал, имперские ритуалы, учебную литературу и героический пантеон. Каждый из этих инструментов работал на снятие конкретного противоречия.

Монархия в её пореформенном облике служила компромиссом между конституционной традицией метрополии и автократическим правлением в колониях: корона выступала одновременно как гарант свобод британцев и как сакральный центр имперской лояльности для

неевропейских подданных. Школьная история примиряла имперский универсализм с локальным патриотизмом через трёхчастный цикл «Европа – локальная история – Британская империя». Героический пантеон соединял аристократический идеал военной доблести с буржуазными ценностями трудолюбия и предприимчивости.

Однако несущая способность этих компромиссов была ограниченной. Англоцентричное ядро «британскости» отторгало кельтскую периферию – ирландцы-католики исключались из неё по религиозному признаку, а шотландцы и валлийцы, как показывают современные данные, так и не стали её устойчивыми носителями. Социал-дарвинистские иерархии делали невозможной полноценную интеграцию небелого населения колоний. Накопление этих противоречий к кануну Первой мировой войны создало ситуацию, в которой риторика имперского единства всё заметнее расходилась с реальностью фрагментирующейся идентичности, что и предопределило последующий кризис британскости как имперского проекта.

Библиографический список

1. Empire and After: Englishness in Postcolonial Perspective. Edited by Graham MacPhee and Prem Poddar. N.-Y., Oxford: Berghahn Books, 2007. 211 p.
2. Census - Office for National Statistics. <https://www.ons.gov.uk/census> (дата обращения: 15.06.2026)
3. Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707–1837. Linda Colley. - New Haven; London: Yale University Press, 1992. – 429 p.
4. Ward P. Britishness since 1870. L., N.-Y.: Routledge, 2004. – 256 p.
5. Соколов А.Б. Урок истории в английской школе (XVIII – начало XXI века): от воспитания джентльмена к мультикультурализму и критическому мышлению / А.Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2024. – 440 с.
6. Piers Plowman Histories. Junior Book VII. The Nation and its Government from 1485 to the Present Day. L. George Philip & Son. 1916. – 296 p.
7. Fletcher C., Kipling R. A. School History of England. Oxford: Clarendon Press, 1911. – 250 p.
8. The Invention of Tradition. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge.: Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
9. Stories From English History. No. I. By T.J. Livesey. L.: Burns and Oates. 1881. – 80 p.
10. English (The Granville) history readers. No. III. History of England. From the War of the Roses to the Present Time. Edited by T.J. Livesey. L.: Burns and Oates. 1882. – 220 p.

Сведения об авторе:

Шендыгаев Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, e-mail: shendygaev@inbox.ru

УДК 94 (100)

С.П. Хрулев

РОЛЬ НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА АГО ФОН МАЛЬЦАНА В ГЕРМАНО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1920-1924 ГГ.

Аннотация: Опытный германский дипломат Аго фон Мальцан, в первые месяцы после падения монархии и формирования нового республиканского строя, стал одним из проводников т.н. восточной политики. В рамках которой были установлены дипломатические контакты с большевиками. Целью Мальцана стало восстановление отношений с Москвой, что ему и удастся осуществить в ходе заключения Рапалльского договора от 1922 года. Но в рамках своей работы, Мальцан активно взаимодействовал с дипломатами из соседних стран, которые могли бы послужить мостом между Германией и Россией. Одной из таких стран стала новообразованная Литовская республика. С первых лет существования независимой Литвы Аго фон Мальцан активно участвовал в налаживании германо-литовских отношений. Поле деятельности дипломата можно разделить на два центральных направления: решение виленского и мемельского вопросов. Целью Мальцана на литовском направлении являлась как защита германских территорий и немецкого меньшинства, так и поддержание политической стабильности в восточной Европе и конкретно в балтийском регионе.

Ключевые слова: А. фон Мальцан, Вильно, Германия, Литва, Л. Желиговский, Мемель

Khrulev S.P. The role of the German diplomat Ago von Maltzahn in German-Lithuanian relations of 1920-1924

Abstract: The experienced German diplomat Ago von Maltzan, in the first months after the fall of the monarchy and the formation of a new republican system, became one of the leaders of the so-called Eastern policy. Within the framework of which diplomatic contacts were established with the Bolsheviks. Maltzan's goal was to restore relations with Moscow, which he will be able to accomplish during the conclusion of the Rapallo Treaty of 1922. But as part of his work, Maltzan actively interacted with diplomats from neighboring countries who could serve as a bridge between Germany and Russia. The newly formed Republic of Lithuania became one of these countries. From the first years of Lithuania's independence, Ago von Maltzan actively participated in the establishment of German-Lithuanian relations. The field of activity of a diplomat can be divided into two central areas: solving the Vilna and Memel issues. Maltzan's goal in the Lithuanian area of his activity was both the protection of German territories and the German minority, and the maintenance of political stability in the Baltic region.

Keywords: A. von Maltzan, Vilna, Germany, Lithuania, L. Zheligovsky, Memel.

Литва как ключевой игрок в балтийском регионе привлекла внимание Мальцана ещё во время своей борьбы за независимость (1918-1920 гг.). Так как германский дипломат был ответственен за вывод германских частей из соседней Латвии, он быстро осознал стратегическую важность Литвы. Последняя могла стать не только транзитным мостом на пути из Германии в Советскую Россию, но и уравновесить польское влияние в регионе.

В самый разгар советско-польской войны в мае 1920 года Мальцан вёл нелёгкие переговоры с министром иностранных дел Литвы Аугустинасом Вольдемарисом по поводу незаконного преследования германских граждан. В связи с чем Мальцан выражал опасения по поводу того, что националистические выпады против литовских немцев приведут к охлаждению двусторонних отношений. Министр пытался убедить дипломата в том, что высылка производится только по отношению к подозреваемым в большевистской пропаганде. Но Мальцан, вежливо, но решительно заявил Вольдемарису, что германское правительство не может пойти на уступки в вопросах нарушения прав своих граждан. Мальцан заявил, что в случае продолжения незаконных действий – республика будет вынуждена ввести санкции против Литвы [5, с. 235]. Дипломат явно подозревал, что высылка производится не по политическому, а по национальному признаку. К тому же, как указывает Мальцан, литовский министр был достаточно

скептически настроен по отношению к возможной большевистской угрозе и к потенциальному захвату Вильно Красной армией [5, S. 235]. Так как в это время шло контрнаступление Красной армии на польские силы. Уже 10 июля поверенный в делах в Ковно Шенберг докладывал Мальцану, что литовское правительство крайне легкомысленно относится к перспективе большевизации страны, не веря в достаточную военную мощь красных. Более того, в настроениях местных элит наличествует удовлетворение и радость по поводу польских поражений [5, s. 383].

В период с 1920-1922 гг., деятельность Мальцана была посвящена попыткам разрешить разразившийся конфликт вокруг литовского города Вильно – т.н. Вильнюсский или Виленский вопрос. Вильнюсский вопрос - международный конфликт, возникший из-за польско-литовского территориального спора вокруг города Вильно ближайших территорий. С первых дней в польско-литовское противостояние были втянуты ведущие европейские державы Франция, Германия и Советская Россия [3].

Пиковой стадии конфликт достиг в октябре 1920 г. в рамках польского контрнаступления на советские позиции, когда отряды генерала Л. Желиговского захватили Виленский край. Фактически, польское правительство инсценировало т.н. «мятеж», в результате которого около 14 тысяч бойцов польской армии вышли из повиновения и тремя колоннами двинулись на Вильно. Неподготовленная и немногочисленная литовская армия после нескольких небольших столкновений была вынуждена оставить город и отступить. В ответ на протесты Лиги наций, правительство в Варшаве и лично Юзеф Пилсудский стали отрицать свое участие в данной акции. Генерал Желиговский был даже де-юре признан мятежником. Уже с первых дней польско-литовского конфликта Мальцан вступил в переговоры с советским представителем в Германии Виктором Коппом касательно оказания помощи Литве. Оба дипломата осознавали опасность присоединения к Речи Посполитой Виленского края, что еще более затрудняло создание сухопутного коридора между РСФСР и Советской Белоруссией с германской Пруссией. Именно поэтому, германские военные на прибалтийской территории с 1919 г. не столько боролись с большевиками, но и стремились «пробить искусственную плотину» между Россией и Германией из созданных Антантой прибалтийских стран» [4, с. 117].

По мнению ряда историков, локальный конфликт из-за Вильнюса был лишь частью глобального польско-литовского противостояния, истоки которого уходят во вторую половину XIX в. Уже к тому моменту литовское дворянство было практически полностью полонизировано. Традиционная же культура Литва сохранилась в крестьянских массах. Именно из простонародья, чаще всего и происходили литовские национальные активисты, на которых ополченная знать смотрела с недоверием, считая себя культурно частью большого польского пространства. Ввиду вышесказанного, новая литовская элита относилась с некоторым недоверием как к своей старой аристократии, так и к имперским амбициям Пилсудского.

Фактически, среди современных историков, уже не возникает сомнений что за выступлением Желиговского стояли власти Второй Речи Посполитой. На материалах польских архивов, исследователи делают вывод о том, что о подготовке мятежа было известно не только Пилсудскому, но и многим руководителям польского МИДа, в частности Игнацию Падеревскому. Подобный волонтаристский шаг польского руководства привёл к дестабилизации восточноевропейского балтийского региона. Вильнюсский инцидент окончательно испортил польско-литовские отношения и внёс разлад в лагерь союзников, осложнив англо-французские отношения [3].

Но достаточно сдержанная позиция западных держав объяснялась господствующим среди европейских элит пренебрежением к Литве. На западе новое государство воспринималось исключительно как польская область, лишь по случайности ненадолго обретшая

независимость. Именно поэтому, появление литовской делегации на Парижской мирной конференции удивило представителей великих держав, поскольку литовцам не отправляли официального приглашения. Ряд исследователей полагает, что причиной подобного отношения может являться работа польской пропаганды, которая развернула в Европе антилитовскую кампанию.

Большинство европейских политиков и дипломатов не желали разбираться в сложных хитросплетениях восточноевропейской политики. Именно поэтому, все планы по поводу создания польско-литовской федерации или включение Литвы с правом автономии в состав Польши путём проведения плебисцита потерпели крах. Только к концу 1922 года, уже после того, как Виленский край вошёл в состав Польши, европейские лидеры окончательно осознали, что идея польско-литовского политического единства являлась идеалистической фикцией. Уже в марте 1923 г. на очередной конференции, представители Антанты приняла резолюцию, согласно которой Вильнюс и прилегающие к нему территории вошли в состав Второй Речи Посполитой [3].

Действия генерала Желиговского вполне могли быть частью стратегических планов Франции, которая стремилась окружить Веймарскую республику союзными странами, дабы отделить ее от Советской России и создать антибольшевистский «санитарный кордон». К тому же, на протяжении всей своей карьеры Люциан Желиговский пропагандировал идею, согласно которой Литва в будущем может стать сердцем большого славянского государства под началом Польши. Разумеется, генерал осознавал этнические, культурные и языковые отличия литовцев от славян, но в своих размышлениях он опирался на успешный исторический опыт Великого княжества литовского. Литва же не представляла для французского правительства особой ценности, ввиду как военной слабости, так и слишком мягкой позиции по отношению к коммунистической угрозе с востока. В период польско-литовского конфликта во франко-польской прессе развернулась пропагандистская кампания против Мальцана и его коллег. Суть обвинений сводилось к якобы заключенному с подачи дипломата договору с советским правительством об оккупации Данцига и «Польского коридора», отделившего Пруссию от основного массива германских земель и давшего Польше выход к Балтийскому морю [2, с. 133]. Большая часть журналистских материалов оправдывали действия частей Желиговского. В конфликт вмешалась Лига Наций, в которой одну из ведущих ролей играл Париж. Боевые действия между Литвой и Польшей были остановлены. Причем в тот момент, когда литовские войска прорывались к Вильно. В итоге, благодаря политике Франции и Польши, усилия Коппа и Мальцана на литовском направлении успеха не имели. На оккупированных территориях Виленского края было создано марионеточное государство Срединная Литва, которое в конце марта 1922 г. вошло в состав Польши. Лига Наций признала это в феврале 1923 г. После захвата города польскими войсками Литва и Польша будут находиться в состоянии войны до 1927 г., а полноценные дипломатические отношения между странами возобновились лишь в 1938 г [3].

Мальцан возобновил контакты со своими литовскими коллегами после заключения 16 апреля 1922 года Рапалльского договора, который возобновлял полноценные дипломатические отношения между Берлином и Москвой. Дипломат осознавал важность Литвы как транзитного пункта и соединяющего звена между двумя государствами. Заключение Рапалльского договора усилило внешнеполитические позиции двух стран. В частности, 27 апреля Мальцан и глава МИД Вальтер Ратенау встретились с представителем Литвы Наускасом. Обсуждался широкий фронт нарождавшихся экономических связей между Советской Россией, Германией, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией. При этом, уже на начальном этапе, из потенциального союза исключалась Польша. Литовские представители выступили за полноценное

возобновление германо-советских связей, что приведёт к росту торговли и укрепит политическую стабильность в Европе [7, s. 156].

А чуть ранее - 17 апреля Мальцан начал разрабатывать проект договора Юнкерса и Советского правительства. Для чего дипломат планировал связаться с литовскими представителями, чтобы добиться разрешения Литвы на пролёт самолётов Юнкерса через свою территорию [7, s. 121]. Параллельно, Мальцан пытался сократить количество слухов о подрывной деятельности германских коммунистов, так как опасался, что их разрастание сорвёт переговоры с Литвой о транзитном мосте в Россию [8, s. 658].

Что касается литовского направления, то приоритетной задачей для Мальцана после мятежа Желиговского стало разрешение проблемы принадлежности города Мемель.

Со второй половины 1922 года, Мальцан стал уделять особое внимание так называемому мемельскому вопросу. Город Мемель (Клайпеда) был отторгнут от Германии по результатам Версальских соглашений и стал подмандатным Лиги наций, которая в свою очередь передала его под управление французской администрации.

Ещё летом 1919 года, уже после подписания Версальского договора, в двух его статьях 28-й и 99-й, обозначалось создание в северной части Малой Литвы Мемельланда (Клайпедского края), после чего тот передавался который был отделён странами-победительницами непосредственно под мандат Лиги Наций. Главными инициаторами отделения края от Германии стали французы. Объясняя позицию французского правительства, премьер-министр Жорж Клемансо указывал на то, что большинство жителей Мемельланда являются литовцами, которые стремятся к объединению со своей родиной. Но не смотря на столь дружеские заявления официального Парижа, французы не стремились передавать край под власть Литвы. Во многом, это объясняется нежеланием осложнять отношения с Польшей. Пилсудский был согласен на включение Клайпедского края в состав Литвы, но только при дальнейшем поглощении Литвы Польшей. Но на данной территории проживало значительное количество прусских литовцев, не питавших особых симпатий к полякам и желавших воссоединения с исторической родиной. К тому же, Клайпеда являлась единственным возможным портом Литвы на Балтийском море. Вопрос принадлежности города волновал, как Берлин, так и Москву. Так, Чичерин утверждал, что Франция готова передать Мемель Литве в обмен на унию с Польшей. Поглощение Литвы подорвало бы германо-советские позиции в регионе и разрушило бы ряд торговых связей. По мнению наркома, наилучшим сценарием было бы оставить Мемель независимым городом [1, л. 249].

Ещё в октябре 1922 года, Мальцан отрицал обвинения от представителя германо-литовского Мемельского союза по поводу того, что в Министерстве иностранных дел, якобы преобладают настроения, согласно которым присоединение Мемельской области к Литве рассматривается как серьезное зло [7, s. 462]. Также Мальцан поддержал предложения своих коллег по усилению германского культурного влияния в Мемельском регионе, хотя и выступил против выделения обширных сумм на подобные нужды из бюджета республики [7, s. 463].

За всеми действиями вокруг Мемеля Мальцан видел руку Франции. По мнению дипломата, французы пытаются превратить город в «яблоко раздора» между немцами и литовцами. Именно поэтому, Мальцан считает контрпродуктивным открыто заявлять германские претензии на Мемель. Напротив, стоит умеренно поддерживать требования Литвы чтобы сорвать планы Франции [6, s. 222].

Но вскоре на территории края началось восстание, по результатам которого, город Мемель вошёл в состав Литовского государства на правах автономной территории. Несмотря на то, что сам город изначально принадлежал Германии, Мальцан был не против его включения в состав Литвы, так как последняя являлась потенциальным союзником против Польши и

Франции. Но столь быстрый успех восстания, а также та лёгкость, с которой Лига Наций признала свершившийся факт, заставила дипломата усомниться в искренних намерениях литовских патриотов. Осторожный Мальцан изначально не исключал того факта, что восстание могло быть инспирировано из Парижа для провокации Германии, поэтому новость о событиях в Мемеле заставила его приостановить действие германо-литовского договора о сотрудничестве. Но убедившись в подлинности литовского бунта, он выразил свою поддержку передаче города под власть Каунаса [2, с. 187].

Но в этой связи стоит отметить, что позиция Мальцана видоизменялась с течением мемельского кризиса. Так, ещё в самом начале литовского восстания, он опасался, что с переходом Мемеля под контроль Литвы этот город будет навсегда потерян для Германии. Дипломат предполагал, что французское управление не имеет перспектив и будет недолговечным [8, s. 49]. Возможно, данная позиция Мальцана была продиктована не только германским патриотизмом, но и разумными опасениями, что Мемельское восстание может быть использовано не только французами или поляками, но также и большевиками для разжигания кризиса в регионе. В начале конфликта, Мальцан откровенно высказывал предположение, что за литовским маршем на Мемель видна рука Москвы. Опасения дипломата быстро подтвердились, уже после литовской аннексии, в польской политической элите вновь зазвучали голоса, призывающие к агрессивным действиям против Германии. Так, влиятельный депутат польского Сейма Войцех Корфанты активно агитировал за вторжение в Верхнюю Силезию, в то же время польские войска начали стягиваться к Гродно. Таким образом, хотя Мальцан и принял передачу города Литве, он опасался, что подобный инцидент подтолкнёт к активным антигерманским действиям как польских националистов, так и радикальных большевиков [8, s. 52]. Но несмотря на некоторые подозрения Мальцана, Москва официально отрицала своё участие в походе на Мемель [8, s. 48]. Напротив, Крестинский уверял Мальцана, что за решительными действиями литовцев стоят французы. По мнению советского представителя, Франция намерена навязать Литве соглашение с Польшей чтобы выстроить препятствие между Германией и Россией. Но по мнению Мальцана, в долгосрочной перспективе планы французов несбыточны, так как экономическое благополучие Литвы напрямую зависит от Германии и СССР [8, s. 69]. К тому же, Мальцан заявил, что Франция и Румыния выступили против планов Польши по военной интервенции в Литву [8, s. 76].

К тому же, на момент 1923 года, политическая ситуация осложнялась двумя факторами: экономическим и культурно-религиозным. Во-первых, значительная часть клайпедских литовцев имели тесные торговые связи не с Литвой, а с Восточной Пруссией, поэтому разразившееся восстание было встречено ими с позиции пассивных наблюдателей. Во-вторых, подавляющее большинство жителей Мемельланда (около 95%) являлись протестантами, тогда как Литва оставалась преимущественно католическим государством с полонизированной элитой. Осознание данных обстоятельств вселяли в Мальцана некоторый оптимизм по поводу судьбы региона. Параллельно, будучи легистом, Мальцан убеждал своих коллег избегать жёсткой анилитовской риторики, ожидая окончательного решения литовского правительства по поводу региона [8, s. 165]. В интересах же Германии проведение в Мемеле плебисцита [8, s. 166]. Мальцан говорит о намерении официального Берлина, в случае решения плебисцита о присоединении к Литве – отстоять особый статус Мемеля. Дабы сохранить регион в культурной орбите Германии. А в перспективе – вернуть в состав страны [8, s. 165].

В апреле 1923 года Мальцан поддерживает своих коллег Орловски и Куна в их предложениях по воздействию на литовское правительство по следующим вопросам: прекратить депортации немцев из Мемеля, отменить роспуск немецко-литовского союза, вывести войска из региона и отозвать в столицу антигермански настроенного мемельского политика Эрдмонаса

Симонайтиса [8, s. 463]. Мальцан отмечает, что первый и второй пункты должны быть представлены на встрече с премьер-министром Литвы Эрнестасом Галванаускасом. В целом, Мальцан и его коллеги призывали к укреплению литовско-германского взаимопонимания и мирным двусторонним переговорам [8, s. 464]. Опасаясь разрастания двустороннего конфликта и окончательной потери Мемеля, Мальцан в своём послании в женевское консульство он настаивает на совместной работе с Лигой наций по поводу мирного разрешения кризиса [9, s. 363].

В конце 1924 года Мальцан был назначен послом в Вашингтоне, что прервало его работу на литовском направлении. Но до последних дней пребывания Мальцана в Германии, виленский и мемельский вопросы продолжали оставаться в поле его деятельности. Вопрос принадлежности Вильно оставался крайне болезненным для обеих стран, так как польская оккупация Виленского края продолжала мешать торговым взаимодействиям с Москвой через Литву. По мнению Мальцана необходимо было скорейшее урегулирование вопроса в соответствии с основными положениями Прав наций на самоопределение. По мысли дипломата наиболее оптимальным путём было бы присоединения Вильно обратно к Литве, а Западной Беларуси к Советской Белоруссии. Но по словам Мальцана, поскольку баланс между литовскими и белорусскими претензиями на Вильно еще не был достигнут, и, кроме того, христианско-демократическое правительство в Ковно придерживается политики взаимопонимания с Польшей, дипломат был склонен к откладыванию данных планов на неопределённый срок.

Касательно Мемеля, Мальцан также вынужден признать, что окончательное решение о статусе региона не будет принято в ближайшее время. Необходимо проведение дополнительных консультаций и обсуждений между германскими, литовскими и советскими представителями. По словам дипломата, он пока не готов «распространяться о мемельском вопросе. Эта территория настолько тесно и разнообразно связана с нашими интересами, что мне необходимо было бы обсудить ее более подробно, в ходе чего я также должен был бы сначала узнать, есть ли у России новые точки зрения на этот вопрос» [10, s. 202].

Таким образом, работа германского дипломата на литовском направлении была посвящена поддержанию политической стабильности в балтийском регионе. В своей деятельности Мальцан опирался на принципы национального самоопределения и недопустимости решения территориальных споров военными методами. Дипломат, пытаясь отстоять интересы как своей страны, так и германского меньшинства в Литве, активно участвовал в разрешении конфликтов вокруг Вильно и Мемеля. В своей работе он использовал многочисленные связи как с литовскими, так и с советскими коллегами, пытаясь выработать компромиссную позицию. Но если в вопросе принадлежности Вильно Мальцан занимал чёткую пролитовскую позицию, то мемельский кризис вызывал у дипломата противоречивые чувства. Не смотря на свои симпатии к Литовской республике, Мальцан опасался, что древний немецкий город, в случае аннексии литовцами, окончательно будет потерян для его родины. Именно поэтому он и настаивал на проведении плебисцита в регионе, дабы Мемель получил особый статус в рамках республики, чтобы защитить местных немцев и сохранить регион в орбите влияния Германии. Но, к сожалению, усилия Мальцана не увенчались успехом. Виленский край окончательно стал частью Польши в 1922 году, а Мемель вошёл в состав Литвы в 1923 году, став, как и предсказывал дипломат, яблоком раздора между Берлином и Каунасом на долгие годы вперёд.

В конечном итоге, при посредничестве СССР Вильно вместе с окрестностями вернётся в состав Литвы только осенью 1939 года. В свою очередь Клайпеда ненадолго вернётся в состав Германии весной 1939 года, после того как литовское правительство будет вынуждено принять ультиматум Гитлера о возвращении Клайпедской области. Город вновь будет переименован в Мемель. После окончания Великой Отечественной войны, по результатам

Потсдамской конференции область стала частью Советского союза и была передана Литовской ССР.

Библиографический список

1. АВПРФ Ф. 0418 Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 249.
2. Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: РОССПЭН, 2019. 277 с.
3. Манкевич М. А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы // Балт. рег. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vilnyusskiy-vopros-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-istoriografiya-problemy> (дата обращения: 31.01.2026).
4. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1919–1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 435 с.
5. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND III 1. Januar bis 30. September 1920 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1985.
6. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND IV 1. Oktober 1920 bis 30. April 1921 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1986.
7. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND VI 1. März bis 31. Dezember 1922 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1988.
8. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND VII 1. Januar bis 31. Mai 1923 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1989.
9. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND IX 16. November 1923 bis 6. April 1924 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1991.
10. Akten zur deutschen auswärtigen politik 1918-1945. Serie A: 1918-1925. BAND XI 5. August bis 31. Dezember 1924 VANDENHOECK & RUPRECHT IN GÖTTINGEN 1993.

Сведения об авторе:

Хрулев Степан Павлович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. E-mail: stepanhrulyov@yandex.ru

УДК 94(430).085

И.Д. Попов

ИМПЕРСКИЕ КОРНИ БАВАРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: В центре статьи — баварский регионализм, анализируемый через призму конституционных инициатив Мюнхена. Делается вывод, что для баварских правящих кругов эталоном являлась кайзеровская модель федерализма. Противостояние Баварии с Берлином носило не сепаратистский, а реформаторский характер: его целью было ослабление унитаристских положений веймарской конституции и восстановление федеративного баланса имперского периода. Сама же регионалистская повестка Баварии имела реставрационную направленность, будучи ориентированной на дореволюционные конституционные порядки.

Ключевые слова: Бавария, Веймарская республика, Баварская народная партия, баварский регионализм, Германская империя

Popov I.D. Imperial Roots of Bavarian Regionalism during the Weimar Republic.

Abstract: The article focuses on Bavarian regionalism, analyzed through the prism of Munich's constitutional initiatives. It is concluded that the Wilhelmine model of federalism served as a benchmark for the Bavarian ruling circles. The confrontation between Bavaria and Berlin was reformist rather than separatist in nature; its objective was to weaken the unitarist provisions of the Weimar Constitution and restore the federal balance of the imperial era. The Bavarian regionalist agenda itself was restorative, oriented toward the pre-revolutionary constitutional order.

Keywords: Bavaria, Weimar Republic, Bavarian People's Party, Bavarian regionalism, German Empire

В период Веймарской республики Бавария традиционно ассоциировалась с партикулярной политикой и отличалась довольно сложными отношениями с федеральными властями. Политика баварского земельного правительства характеризовалась ярко выраженным регионализмом и последовательной борьбой за расширение земельной компетенции. В 1921 и 1922 гг. между Берлином и Мюнхеном дважды возникали открытые конфликты по вопросу введения чрезвычайного положения и федеральных конституционных ограничений [19, 20]. Очередной конфликт на этой почве в 1923 г. привёл к печально известному Пивному путчу. Он стал возможен ещё и потому, что после подавления Баварской советской республики (апрель - май 1919 г.) Мюнхен всё активнее поддерживал правые и крайне правые силы, которые не только питали ненависть к коммунистам и другим левым радикалам, но и отвергали легитимность самой Веймарской республики. В историографии сложившийся в Баварии режим покровительства правым силам, просуществовавший до 1924 г., получил наименование «ячейки порядка» (Ordnungszelle) [8, S. 200; 18, с. 323-325].

В этой связи Баварию нередко воспринимали как оплот реакции и сепаратизма. Подобные оценки можно найти уже в советской историографии [16, с. 208; 13, с. 44; 22, с. 165; 17, с. 76]; эти же установки поддерживались и в ГДР. Оценки западногерманских историков зачастую не сильно отличались от этой позиции: не расценивая баварское руководство в категориях сепаратизма и реакции, они всё же отмечали безответственность мюнхенских политиков, их ярко выраженный партикуляризм и политическую близорукость во взаимодействии с правыми силами. Подобное понимание можно встретить и в учебной литературе [3, S. 53; 6, S. 438].

Куда меньшая часть исследовательских работ фокусируется не на конфликтах Мюнхена с Берлином, а на усилиях Баварии по реформированию веймарского федерализма. Если в Западной Германии такие труды стали появляться сразу после окончания Второй мировой

войны [7], то на постсоветском пространстве — лишь в начале XXI в. В центре внимания этих работ находилась преимущественно конструктивная повестка Баварии за 1924-1932 гг. Учёные видели в ней тенденцию к ориентации на модель кайзеровского федерализма, однако развёрнутого анализа выдвигавшихся требований, как правило, не проводилось. Например, исследователь В. И. Васильев отмечал, что Бавария проявляла особую активность в продвижении конституционных реформ и настаивала на возвращении к ключевым федеративным элементам кайзеровской модели государственного устройства [14, с. 113-114, 119-120]. Схожие оценки даёт и белорусский историк О.Г. Субботин, подчеркивая, что под руководством БНП Бавария систематически добивалась пересмотра Веймарской конституции, по крайней мере, в сторону восстановления утраченных привилегий [21, с. 66-67]. Данные утверждения внешне могут показаться весьма парадоксальными, ведь общеизвестно, что Бавария в числе последних (и во многом вынужденно) вошла в образованную Пруссией германскую федерацию и традиционно слыла основным антагонистом пруссачества и малогерманского пути объединения. Чтобы определить степень влияния кайзеровского наследия на баварскую политику, необходимо рассмотреть основные проявления баварского регионализма в период Веймарской республики.

Разобраться с этим вопросом поможет анализ идеологической платформы баварских правящих кругов и тех конституционных предложений, которые они направляли в Берлин. С марта 1920 г. и вплоть до прихода нацистского режима в 1933 г. парламентские и правительственные коалиции в регионе неизменно формировала Баварская народная партия (БНП) — прокатолическая консервативная сила с выраженной баварской ориентацией. Она выделилась в ноябре 1918 г. из Партии Центра и последовательно отстаивала децентрализованную модель федерализма. Во многом от её программных установок [5] отталкивались и проекты баварского правительства по реформе федерализма. Наиболее известными из них являются правительственные меморандумы 1924 [12] и 1932 [4] гг. и предложения о конституционной реформе на общеимперских конференциях и совещаниях 1926 [1] и 1928 [2] гг.

В своих официальных заявлениях и программных документах Баварская народная партия поначалу не выдвигала прямых призывов вернуться к Конституции Германской империи 1871 г. Тем самым давалось понять, что прежняя федеративная модель имела определённые недостатки (в частности, гегемония Пруссии, недостаточные механизмы политического влияния отдельных земель, в том числе и на собственные границы). Однако после Пивного путча 1923 г. баварские власти всё чаще стали рассматривать дореволюционное устройство как наиболее оптимальный образец конституционного порядка. Так, уже в первых строках баварского правительственного меморандума 1924 г. подчёркивалось, что кайзеровская конституция не только «щадилась государственную самостоятельность и особую жизнь государств-членов союза», но и олицетворяла «наибольшее могущество» Германии. Более того, отмечалось, что «поражение [в Первой мировой войне] и революция по своим причинам совершенно не зависят от бисмарковской конструкции рейха и не служат доказательством несостоятельности бисмарковской конституции» [12, S. 231].

В конкретных предложениях БНП, которые были сформулированы сразу же после принятия Веймарской конституции, также угадывался знакомый образ кайзеровского федеративного устройства. Например, в правительственном меморандуме 1924 г. Бавария указывала, что имперская конституция в 1919 г., в отличие от ситуации 1870-1871 гг., не была результатом соглашения земель, входивших в федерацию, а принималась «с пренебрежением к союзным договорам, заключённым в 1870 г.» [12, S. 235]. Данный факт автоматически превращал германские земли из государств-учредителей империи в административные единицы, статус которых определялся исключительно имперским законодательством — причём сами земли по

сути отстранялись от его принятия. В этой связи веймарский федерализм Бавария часто характеризовала в категориях «централизма» и «унитаризма».

В таких условиях на первый план закономерно выдвигался вопрос реформы Рейхсрата как инструмента восстановления суверенитета земель и договорного характера федерации. По сравнению с кайзеровским Бундесратом, который выступал высшим органом власти империи и включал представителей всех государств-членов, веймарский Рейхсрат был лишён основных законодательных функций и сведён преимущественно к консультативным полномочиям при имперском правительстве [10, Art. 61, 67-69]. Уже в программных материалах БНП содержалось предложение наделить Рейхсрат полномочиями, равноправными с Рейхстагом: такое условие считалось минимально необходимым для участия в коалиционных правительствах [5, S. 11]. И всё же партия считала оптимальным решением возрождение Бундесрата: этот некогда действовавший институт, гарантировавший суверенитет земель, в восстановленном виде должен был выполнять роль барьера против «вредных проявлений неограниченного парламентаризма». Предполагалось наделить Бундесрат, как минимум, полномочиями одобрять все имперские законы и подзаконные акты, контролировать внешнюю политику и деятельность рейхспрезидента, а также давать согласие на роспуск Рейхстага [5, S. 8-9, 13]. Как известно, в кайзеровской конституции 1871 г. также было предусмотрено обязательное согласие Бундесрата на принятие имперского закона и издание общих административных предписаний для его исполнения [9, Art. 5, 7].

В связи с этим показательно, что идея реформирования представительства земель в империи неизменно оставалась в повестке всех баварских предложений. Так в правительственном меморандуме 1924 г. предлагалось укрепить статус веймарского Рейхсрата «до уровня прежнего Бундесрата», который вновь должен был стать «носителем федеративного принципа» и «в значительной степени быть задействованным в управлении империей» [12, S. 258-259]. Однако по мере того, как в Берлине росло сопротивление этой идее, позиция баварских властей становилась всё более взвешенной и уступчивой. К примеру, уже в предложениях 1926 г. речь шла лишь об укреплении положения Рейхсрата [1, S. 1280]. В меморандуме 1932 г. баварские власти и вовсе сосредоточились на законодательном равноправии Рейхсрата и Рейхстага, хотя и говорилось о стремлении к тому, чтобы Рейхсрат «как можно больше соответствовал образу Бундесрата» [4, S. 428].

Важным полномочием кайзеровского Бундесрата Бавария считала одобрение «имперской экзекуции», под которой подразумевалось право силового принуждения земель имперским центром, чтобы заставить их соблюдать федеральные обязательства либо восстановить порядок и единство государства. Именно этот вопрос являлся основной причиной конституционных конфликтов Баварии с Берлином 1921-1923 гг. [19; 20; 8, S. 215-217], которые, собственно, и подогревали стереотипы «баварского сепаратизма». На практике же во всех этих конституционных конфликтах речь даже близко не шла об отделении от Германии. Бавария резко критиковала ст. 48 Веймарской конституции, которая давала президенту республики бесконтрольно пользоваться правом чрезвычайного положения и тем самым ограничивать широкий круг конституционных прав без одобрения земель. «Имперское принуждение» к порядку не сводилось к санкции за нарушение конкретных союзных обязательств (как это было в ст. 19 кайзеровской конституции) [9, Art. 19], а трактовалось широко — как мера по «восстановлению общественной безопасности и порядка». Благодаря этому имперские власти могли использовать данный механизм для вмешательства во внутреннюю политику земель. Правящая БНП выступала против такой практики и отстаивала право земельных правительств самостоятельно объявлять чрезвычайное положение на своей территории, а также использовать для этого дислоцированные там подразделения рейхсвера [5, S. 11].

Частично это требование подразумевало возврат к порядкам кайзеровского рейха. Хотя право объявлять «имперское принуждение» принадлежало императору (ст. 68), ст. 66 допускала, что земельные власти могли использовать расквартированные на их территории войска «для полицейских целей» [9, Art. 66]. При этом Бавария, согласно Ноябрьским договорам 1870 г., находилась в ещё более привилегированном положении: в мирное время император не имел права вводить на её территории военное положение, поскольку командование местными армейскими гарнизонами оставалось в руках баварского короля — а значит, он мог самостоятельно обеспечивать поддержание внутреннего порядка [11, §5 (III)]. До Пивного путча 1923 г. баварские власти последовательно отстаивали именно такой принцип регулирования чрезвычайных ситуаций [5, S. 8-9, 13]. Однако в конституционных предложениях 1924 г. уже допускалось два возможных варианта: 1) вернуться к принципам кайзеровских времён, которые рассматривались как «порядок вещей, никогда не дававший повода к каким-либо неудобствам»; 2) признать право президента на введение чрезвычайного положения — при условии, что первичные меры по восстановлению порядка будут принимать земельные правительства, а имперское вмешательство последует лишь в том случае, если местные власти не смогут справиться с ситуацией [12, S. 244].

Впоследствии проблема чрезвычайного положения утратила былую остроту, и Бавария в своих заявлениях ограничивалась призывом к более чёткому разграничению компетенций центра и земель в данной сфере [1, S. 1279, 1281]. Однако после государственного переворота в Пруссии 20 июля 1932 г. баварское правительство вновь обратилось к этому вопросу в очередном меморандуме и даже подало жалобу в Государственный суд на действия Берлина. Тогда имперские власти, руководствуясь, в частности, ст. 48 Веймарской конституции, отстранили прусское правительство и назначили имперского комиссара. В связи с этим фокус критики в отношении ст. 48 сместился: теперь Бавария требовала не только чёткого разграничения компетенций между землями и Рейхом, но и полного пересмотра системы назначения имперских комиссаров. Как и прежде решение проблемы виделось в передаче вопросов безопасности и порядка в руки земель, а полномочия центра предлагалось «чётко установить в своих рамках» и ограничить «действительно необходимыми чрезвычайными обстоятельствами» [4; S. 429].

Связанная с критикой права «имперской экзекуции» проблема самостоятельности армейских частей в Баварии стала одной из центральных в дни Пивного путча 1923 г. Эту линию, как известно, отстаивал командующий баварским рейхсвером Отто фон Лоссов. Его отстранение Берлином заметно обострило тогда политический кризис. Лоссов, как уже говорилось выше, по сути, апеллировал к одному из «резерватных прав» Баварии, закреплённых Ноябрьскими договорами 1870 г. и служивших условиями вхождения в состав Германской империи. В число таких прав входили также постоянное место в армейском комитете Бундесрата [11, §6 (II)]; собственное законодательство в отношении налогов на пиво и крепкие спиртные напитки [11, §13 (II)]; регулирование права проживания [11, §1 (III), SchlProt. I]; независимые почта и телеграф [11, §6, 19-21 (II), §1,4 (III)]; контроль над железными дорогами [11, §6 (II), §1,3 (III)] и собственные дипломатические представительства [11, SchlProt. VII, VIII]. Веймарская конституция ликвидировала многие из этих прав: Бавария лишилась собственных вооружённых сил, а за железнодорожной, почтовой и телеграфной системой был установлен имперский контроль [10, Art. 170-171, 178]. Как в программах БНП, так и в конституционных предложениях баварского правительства неизменно фигурировало стремление восстановить практически каждое из этих «резерватных прав». Бавария регулярно добивалась восстановления права дипломатического представительства, права контроля над железными дорогами,

почтой и телеграфом, а также увеличения земельной доли пивного налога [1, S. 1284, 1286; 4, S. 430-431; 5, S. 5, 10-11, 13; 12, S. 248-250, 255-257;].

Налоговая политика также оставалась камнем преткновения в отношениях Баварии с Берлином. Веймарская конституция давала империи право создавать финансовые управления в землях, закрепляла за центром исключительную компетенцию в любых налоговых вопросах и позволяла устанавливать общие принципы взимания налогов [10, Art. 8, 11]. Фактически это означало возможность прямого вмешательства в фискальную сферу земель. Уже через 5 дней после принятия веймарской конституции это право было реализовано в специальном «Законе о финансовом управлении Рейха», инициатором которого стал министр финансов М. Эрцбергер. Финансовая реформа М. Эрцбергера не только повысила имперские сборы, но и долю центра в ряде чувствительных для земель налогов, заметно сократив региональные финансы. Реформа привела перестройке налогового права и позволила ещё больше сосредоточить в руках имперского центра основные источники финансовых доходов [15, с. 187-189].

На протяжении практически всего периода Веймарской республики Бавария выступала главным критиком проведённой реформы и предлагала перейти к модели земельного финансового управления, при которой все налоговые поступления находятся в ведении земель и управляются ими. Данная модель также восходит к кайзеровскому рейху: империя в целом выстраивалась на принципах земельного финансового управления — земли сами собирали налоги на своей территории, а затем, при необходимости, перечисляли часть средств в центр. Был чётко определён перечень налогов и сборов, доходы от которых поступали в имперскую казну. Если же этих средств не хватало, империя покрывала дефицит за счёт матриккулярных взносов (*Matrikularbeiträge*) — обязательных отчислений от земель, размер которых рассчитывался пропорционально численности населения каждого государства. Требования перераспределения налогов и финансовой компетенции в пользу земель неизменно оставались в период Веймарской республики ключевым требованием Баварии [1, S. 1285; 4, S. 426, 429-430; 5, S. 6, 11, 13; 12, S. 245-250], а её предложения по реформированию государственных финансов каждый раз отсылали именно к финансовой системе кайзеровского рейха.

Особое беспокойство Баварии вызывало вмешательство имперского центра в религиозную, образовательную и культурную политику. Баварская народная партия полагала, что в сфере образования необходимо существенно ограничить компетенцию центральной власти, и настаивала на том, что регулирование школьного надзора, целей преподавания, педагогического образования, а также вопросов о типах школ и их структуре должно оставаться в ведении земель [4, S. 426; 5, S. 7;]. Для Баварии было также важно сохранить конфессиональные школы, в связи с чем она считала необходимым заключить отдельный Конкордат с Католической церковью, чтобы избежать посредничества имперского центра в религиозных вопросах [5, S. 7]. Беспокойство вызывало и перераспределение финансирования культуры в пользу Берлина в ущерб региональной культуре [1, S. 1279, 1285-1286; 5, S. 7]. Требования самостоятельности в области культуры, образования и церковных дел опирались также на дореволюционный опыт. Статья 4 кайзеровской конституции, содержащая перечень сфер имперского законодательства, не включала в него вопросы образования, школ, университетов, науки и искусства. Эти сферы автоматически относились к исключительной компетенции отдельных государств-членов [9, Art. 4], и на них распространялся фундаментальный принцип федерального устройства империи: всё, что прямо не передано центру, остаётся в ведении земель.

Таким образом рассмотрение основных позиций баварского регионализма в Веймарский период выявляет определённый парадокс: несмотря на то, что вхождение в состав Германской империи происходило под политическим давлением, а само имперское устройство ранее подвергалось критике из-за доминирования Пруссии, в условиях Веймарской

республики именно кайзеровская модель федерализма воспринималась в Баварии как более предпочтительная. Протест баварских элит носил реформистский, а не сепаратистский характер: их требования были нацелены не на разрушение германского единства, а на трансформацию унитаристского вектора Веймарской конституции в сторону усиления прежних федеративных начал. Соответственно, регионалистская повестка Баварии имела отчётливо реставрационную направленность, нацеленную на возрождение конституционных порядков кайзеровского времени.

Библиографический список

1. Aufzeichnung des Reichsministers des Innern über eine Besprechung zwischen Mitgliedern der Reichsregierung und der Bayerischen Staatsregierung am 17. April 1926 in München // Akten der Reichskanzlei: Die Kabinette Luther I und II: 15. Januar 1925 bis 20. Januar 1926, 20. Januar 1926 bis 17. Mai 1926. Band 2: Oktober 1925 bis Mai 1926 / bearb. von K.-H. Minuth. Boppard am Rhein: Boldt, 1977. S. 1278–1287.
2. Der Bayerische Ministerpräsident an den Reichskanzler. München, 12. November 1928 // Akten der Reichskanzlei. Band 1: Das Kabinett Müller II: 28. Juni 1928 bis 27. März 1930. Band 1: Juni 1928 bis Juli 1929: Dokumente Nr. 1 bis 256 / bearb. von M. Vogt. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1970. S. 218–222.
3. Berg R. Selbmann R. Grundkurs Deutsche Geschichte : Ein Lehr- und Arbeitsbuch für die Kollegstufe in Bayern : Bd. 2: 1918 bis zur Gegenwart : 13. Jahrgangsstufe / 2. Aufl. – Berlin : Cornelsen Verlag Hirschgraben, 1988. 384 S.
4. Denkschrift des Bayerischen Ministerpräsidenten Held zur Verfassungs- und Reichsreform. München, 20. August 1932 // Akten der Reichskanzlei. Band 1: Das Kabinett von Papen: 1. Juni bis 3. Dezember 1932. Band 1: Juni bis September 1932; Dokumente 1 bis 129 / bearb. von K.-H. Minuth. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1989. S. 421–431.
5. Denkschrift über eine Revision der Reichsverfassung im föderalistischen Sinne. Der Fraktion dargeboten von der Mittwochvereinigung der Geisterarbeiter der Bayer. Volkspartei in München (9. VI.1920). München: Verlag der Politischen Zeitfragen Dr. Franz A. Pfeiffer, 1920. 13 S.
6. Die deutsche Geschichte : Band 3: 1756–1944 / W. von Albert, J. Gaile, M. Forster [u.a.]. – Augsburg : Weltbild, 2002. – 480 S.
7. Schwend K. Bayern zwischen Monarchie und Diktatur. Beiträge zur Bayerischen Frage in der Zeit von 1918 bis 1933. München: Pflaum, 1954. XVIII, 590 S.
8. Tremml M. Geschichte des modernen Bayern : Königreich und Freistaat / 3., neu bearb. Aufl. – München : Bayer. Landeszentrale für polit. Bildungsarbeit, 2006. 560 S.
9. Verfassung des Deutschen Reichs (1871) // Deutsches Reichsgesetzblatt. 1871. Nr. 16. S. 63–85.
10. Die Verfassung des Deutschen Reichs. Vom 11. August 1919 // Reichsgesetzblatt. 1919. Nr. 152. S. 1383–1418.
11. Vertrag, betreffend den Beitritt Bayerns zur Verfassung des Deutschen Bundes, nebst Schlußprotokoll // Deutsches Reichsgesetzblatt. 1871. Nr. 5. S. 9–26.
12. Zur Revision der Weimarer Reichsverfassung. Denkschrift der Bayerischen Staatsregierung vom Januar 1924 // Menges F. Hans Schmelzle: bayerischer Staatsrat im Ministerium des Äußeren und Finanzminister; eine politische Biographie mit Quellenanhang. München: Beck, 1972. S. 231–260.
13. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М.: Мысль, 1978. 208 с.
14. Васильев В. И. Германский федерализм: проблемы развития. М.: Компания Спутник +, 2000. 407 с.
15. Евдокимова Т.В., Невский С.И. Институциональные реформы и экономическая политика кабинетов Веймарской республики в 1919–1924 годы // Экономическая политика. 2016. № 3. С. 176–208.
16. Кульбакин В. Д. Очерки новейшей истории Германии. М.: Соцэкгиз, 1962. 671 с.

17. Орлова М. И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М.: Издательство Московского университета, 1973. 432 с.
18. Попов И.Д. Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918-1933) в советской и постсоветской историографии // Научный диалог. 2019. №8. С. 308-344.
19. Субботин О. Г. Конфликт Баварии и Рейха 1921 г. // Новая и новейшая история Европы и США: проблемы, поиски, исследования: сб. науч. ст. / БГПУ. Минск, 2006. С. 145–148.
20. Субботин О. Г. Конфликт Баварии и Рейха 1922 г. // Вести БДПУ. Серия 2. 2007. № 1. С. 49–53.
21. Субоцін А. Г. Палітычны каталіцызм у Баварыі (1918–1933 гг.) // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2012. № 2. С. 65–69.
22. Трухнов Г. М. Классовая борьба в Германии в 1922–1923 годах. Минск: Издательство БГУ, 1969. 243 с.

Сведения об авторе:

Попов Иван Дмитриевич, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), e-mail: i.d.porov@narfu.ru

УДК 94

А.С. Никифоров

ХОРВАТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ИДЕОЛОГИИ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена представлениям об устройстве хорватского государства в идеологии усташского движения. Рассматриваются основные политические и идейные установки усташей, их взгляды на национальный вопрос, государственный суверенитет, территориальные границы и роль хорватской нации в усташской государственности. Показано, что концепция хорватского государства формировалась под влиянием националистических, авторитарных и фашистских идей, а также в связи с политической ситуацией в межвоенной Югославии и международным контекстом 1930-х — начала 1940-х гг.

Ключевые слова: усташское движение, хорватское государство, идеология, хорватский национализм, Югославия, межвоенный период, фашизм, политическая мысль.

Nikiforov A.S. The Croatian state in the ideology of the Ustaša movement

Abstract: The article examines the concept of the Croatian state in the ideology of the Ustaša movement. It analyzes the movement's principal political and ideological positions, including its views on the national question, state sovereignty, territorial boundaries, and the role of the Croatian nation in the future state order. The study shows that the Ustaša vision of Croatian statehood was shaped by nationalist, authoritarian, and fascist ideas, as well as by the political context of interwar Yugoslavia and the international setting of the 1930s and early 1940s.

Keywords: Ustaša movement, Croatian state, ideology, Croatian nationalism, Yugoslavia, interwar period, fascism, political thought

Период 20-х-30-х гг. XX в. для народов Балканского полуострова на политической арене был ознаменован сербско-хорватскими противоречиями, которые во многом определяли внутривнутриполитическую жизнь сначала в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (далее Королевство СХС), а позже — в Югославии. Сложившаяся политическая система и организация партий и движений, преимущественно построенных по национальному признаку, только усложняли развитие еще молодого к тому времени югославянского государства. Например, деятельность таких политических сил, как Хорватская крестьянская партия (далее — ХКП)¹ и Хорватское объединение², была нацелена на политическую и экономическую автономию от белградских властей.

¹ Хорватская крестьянская партия (ХКП) — политическая организация Хорватии первой половины XX в., выражавшая интересы хорватского населения в Королевстве СХС (Югославии). До 1925 г. носила название Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП), отстаивая идею независимой крестьянской республики. В межвоенный период партия являлась главным оппонентом белградского централизма и боролась за федерализацию государства. В 1939 г. добилась создания автономной Хорватской бановины. В годы Второй мировой войны (под руководством В. Мачека) придерживалась тактики пассивного сопротивления («политика выживания»), оказавшись зажатой между усташским режимом и партизанским движением. См.: Фрейдзон В. И. Социально-политич. взгляды Антуна и Степана Радичей в 1900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904–1905) // Уч. записки Ин-та славяноведения, 1960, т. 20.

² Хорватское объединение (Hrvatska zajednica) — хорватская политическая партия, образованная в 1919 г. путем слияния партии права Миле Старчевича и Прогрессивной демократической партии. Лидерами выступали Иван Лоркович и Матко Лагиня. Партия представляла интересы хорватской городской интеллигенции и буржуазии. Первоначально занимала умеренные позиции, но после принятия Видовданской конституции (1921 г.) перешла в оппозицию к Белграду. В 1921–1925 гг. входила в коалицию «Хорватский блок» вместе с республиканской партией С. Радича. См.: Ramet, Sabrina. *The Three Yugoslavias*. — Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2006. — p 136.

Особую популярность среди хорватских активистов получило Движение усташей (или усташское движение). Являясь по своему характеру «правого уклона» течением, усташа объединяли радикальные и реакционные политические силы, выступавшие против существования югославского государства [18, С. 23]. Лидером усташей был Анте Павелич, сторонник создания независимого хорватского государства, построенного на принципах территориальной целостности Далмации, собственно Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также части районов Словении.

Усташское движение в своей деятельности исходило из представления о подрыве влияния Белграда на хорватские земли и авторитета короля Александра I Карагеоргиевича с последующим и неминуемым распадом югославского государства.

Основные идеи усташей о нации и собственном государстве были изложены в документе, изданном А. Павеличем в 1933 г. и известном как «Принципы движения усташей» («Načela ustaškog pokreta»). Первоначально этот документ состоял из пятнадцати принципов; с конца 1940 г. в него были внесены небольшие изменения, так что после 1941 г. в нем насчитывалось уже семнадцать принципов [цит. по 7, S. 124–128]. «Принципы» в дальнейшем стали для усташей догмой и сформировали политико-идеологическое ядро, вокруг которого впоследствии строилась «конституционно-правовая система» Независимого государства Хорватия (далее, НГХ).

«Принципы» усташей основывались на двух центральных концепциях: этнической самобытности хорватской нации и историческом государственном праве Хорватии. Исходя из этих двух фактов А. Павелич заявлял, что Хорватия имеет право на независимую государственность. Первый принцип недвусмысленно гласил: «Хорватская нация [народ] является самостоятельным этническим образованием, это нация, существующая сама по себе, и с этнической точки зрения она не тождественна никакой другой нации, а также не является частью или племенем какой-либо другой нации» [цит. по 7, S. 124]. Следующие два принципа относились к национальным и территориальным названиям хорватского народа и земли — хорват (Hrvat) и Хорватия (Hrvatska). По мнению А. Павелича, этническое название хорват «появилось в древний исторический период, когда [хорваты] прибыли на свою нынешнюю родину до 1300 года» [цит. по 7, S. 124]. Принципы пять и шесть гласят, что хорваты прибыли на свою нынешнюю родину, которую они «завоевали», как «совершенно свободный» и «совершенно организованный» народ, как в «военном», так и в «родовом» смысле.

Седьмой принцип гласил, что хорваты сохраняли свое государство «на протяжении веков вплоть до конца [Первой] мировой войны»; поэтому они имеют право восстановить «свое собственное совершенно свободное и независимое хорватское государство» на своей «всей этнической и исторической территории» [цит. по 7, S. 124–125], с правом использовать все методы; «никто, кто не является по происхождению и крови членом хорватской нации, не может решать хорватские государственные и национальные вопросы в независимом хорватском государстве» [цит. по 7, S. 125]. Также декларировалось и о роли крестьянства как «об основе и источнике всей жизни, составляет хорватскую нацию... в Хорватии тот, кто не происходит из крестьянской семьи, в девяноста девяти случаях из ста не является хорватом по происхождению или крови, а иностранным поселенцем» [цит. по 7, S. 125]; и «моральная сила хорватской нации заключается в упорядоченной и религиозной семейной жизни...» [цит. по 7, S. 125].

В 1935 редактор хорватской эмигрантской газеты «Хорватский домобран» («Hrvatski domobran») Анте Валента¹ написал текст, в котором он более подробно разъяснил «Принципы» усташей, обратив внимание на одиннадцатый принцип. А. Валента утверждал, что иностранцы в хорватском государстве будут пользоваться «всеми правами на жизнь», но они будут лишены какого-либо влияния на «судьбу Хорватии», даже если их предки прибыли в Хорватию много поколений назад [цит. по 7, S. 127]. Только потомки тех иностранцев, которые полностью ассимилировались в хорватскую нацию «по духу» и «по крови» (т. е. через смешанные браки), в будущем независимом хорватском государстве будут считаться коренными хорватами [цит. по 7, S. 127]. Любопытно отметить тот факт, что одиннадцатому принципу сами усташе не всегда следовали буквально. Среди примерно пятисот рекрутов межвоенного движения усташей было небольшое число лиц нехорватского этнического происхождения (например, Нарцис Ессенский (словак), Йосип Мецгер (немец) и Владо Зингер (еврей) [16, S. 172]. В то же время годом ранее, в 1934 г., идеолог усташского движения Миле Будак в своей книге писал, что ассимилированные потомки иностранцев, лояльно проявлявшие хорватские национальные чувства, являются «лишь почтенными исключениями, которые подтверждают совершенно естественное правило» [2, S. 59].

Таким образом, «Принципы» стали отправной точкой в идеологическом обрамлении усташского представления хорватского государства. По замечанию историка Хольма Зундхауссена, в документе выражено представление о том, что хорваты являются «данной Богом, бессмертной общностью по крови, которая заселила свои земли 1400 лет назад» и «приобрела неотъемлемые права на территорию» [17, S. 213]. Однако Зундхауссен упускает из виду, что движение усташей стремилось доказать, что хорваты являются отдельной этнолингвистической нацией, и именно поэтому в принципах усташей содержится несколько важных отсылок к «этнической принадлежности», «крови», «происхождению», «семье» и «иностранным поселенцам».

Будучи в эмиграции, будущий поглавник² Независимого Государства Хорватия испытывал затруднения в поисках поддержки для политической дестабилизации Югославии и тем самым в решении «хорватского вопроса». О необходимости выведения хорватских земель из-под диктатуры Карагеоргиевичей и привлечь внимание международного сообщества к национальному вопросу в Югославии, Павелич попытался обратиться напрямую к руководству Третьего рейха. Одной из этих попыток стал меморандум, известный как «Хорватский вопрос», направленный в Министерство иностранных дел Германии в октябре 1936 г. Тогда руководство на Вильгельмштрассе не придало значения документу до начала апреля 1941 г., когда немцы занялись подготовкой своего нападения на Югославию.

А. Павелич в меморандуме подчеркивал идеологическое родство хорватов с национал-социализмом и утверждал, что сербы и хорваты представляют собой культурно и расово различные народы. Он обосновывал тезис о том, что Югославия была создана незаконно в 1918

¹ Валента, Анте (ок. 1930-х – 1990-е гг.) — хорватский политик и общественный деятель, связанный с усташским движением и националистическими кругами, соредатор «Хорватского домобрана», вовлечён в боснийский конфликт. См.: *Jareb J. Publikacije domobranksko-ustaškog pokreta u izbjeglištvu i iseljeništvu 1929. – 1944. – II. dio, // Časopis za suvremenu povijest, sv. 26, br. 3, (1994.), S. 413–425., здесь – S. 413–414.*

² Поглавник (Poglavnik, хорв. «глава», «вождь») — титул лидера усташского движения Анте Павелича. Введен в употребление в начале 1930-х гг. в эмиграции как аналог итальянского «дуче» и немецкого «фюрера», подчеркивающий принцип вождизма. В период существования Независимого государства Хорватия (1941–1945 гг.) являлся официальным наименованием главы государства, обладавшего неограниченной законодательной и исполнительной властью, стоящего над государственным аппаратом и армией.

г. без демократического мандата хорватского народа, а сербская гегемония в государстве противоречит принципу национального самоопределения. Павелич перечислял общих врагов (масонство, еврейство и коммунизм) и призывал германское руководство оказать поддержку усташскому движению в достижении независимости Хорватии, представляя её как потенциального союзника Третьего рейха на Балканах.

Идеология усташского движения также акцентировала внимание на расовом вопросе. Строительство так называемой национальной идентичности «хорватского арийства» [4, Р.37] сопровождалось некоторыми особенностями. В первую очередь в усташской идеологии для обозначения «чистокровного хорвата» использовались этнолингвистические теории об особом происхождении хорватского народа (в конечном итоге на вооружение было принято ирано-готское происхождение хорватов). Попытка доказать арийство хорватов сопровождалась отрицанием славянских элементов в хорватской крови. Расовый теоретик Владимир Дворникович (1888–1956) упоминал «динарский расовый тип», подчеркивая такие его черты, как мужественность, воинственность, грубость и сила [5, Р. 108]. Другим компонентом в обозначении арийского духа была практика заимствования расовых идей югославизма в противовес великосербской политике, проводимой королем Александром I Карагеоргиевичем.

Обосновать особую хорватскую государственность подкреплялось попыткой определить типаж идеального «арийского» хорвата. Хорватский социолог и историк Иво Пилар¹ указывал, что в отличие от сербов хорваты сумели сохранить нордическое и арийское наследие своих славянских предков, поскольку не скрещивались с темнокожими цыганскими племенами. Он также попытался идентифицировать «арийского» хорвата с антропологической точки зрения, определив хорватское «арийство» наличием светлых волос и голубых глаз.

Центральной фигурой, занимавшейся разработкой вопросов «расовой идеи» в самой Хорватии, был общественный деятель и основатель Хорватской партии права (партии «правашей») Анте Старчевич². В развиваемых им идеях и программных положениях хорватского национализма особое место занимали такие понятия, как «расовая чистота» и «еврейский вопрос» [1, Р. 37]. По мнению Старчевича, хорватский народ не может достичь национальной свободы и государственной независимости по двум причинам: 1) ростовщический гнет и главенствующее положение в хозяйственной деятельности евреев душит экономику Истрии и Далмации; 2) из-за присутствия в регионе масонских, еврейских и сербских элементов хорватский народ не представляет из себя единого культурно-политического пространства [15, S. 152].

¹ Пилар, Иво (1874–1933) — хорватский юрист, историк, публицист и политик, основатель хорватской геополитической школы и идеолог антисербского национализма начала XX века, автор «Южнославянского вопроса» с критикой сербского гегемонизма. См.: *Никифоров А.С.* Еврейское население и «арийство» в Независимом Государстве Хорватия (1941–1945). // *Славянский альманах*. – 2020. – С. 282–296.

² Старчевич, Анте (1823–1896) — хорватский политик, основатель Хорватской партии права (1861 г.) совместно с Эвгеном Кватерником; идеолог хорватского национализма и сербофобии в Австро-Венгрии. См.: *Беляков С.С.* Становление и развитие идеологии хорватского этнического национализма: конец 50-х – начало 80-х гг. XIX в. // *Вопросы всеобщей истории*. – 2008. – Т. 10. – С. 78

Уже в усташской идеологии Миле Будак¹ заявлял, что Йосип Франк² как ведущий функционер партии «правашей» не мог надлежащим образом придать хорватскому национальному освобождению расовый характер поскольку сам был крещеным евреем [2, S. 67]. Поэтому лидеры усташей уделяли особое внимание нормативно-правовой системе, которая была имплементирована в нацистской Германии в рамках Нюрнбергских расовых законов 1935 г. Согласно им, гражданством Рейха мог обладать лишь тот, кто имел «германскую» или «родственную ей» кровь³.

М. Будак куда более концептуально пытался определить упомянутый тип государственного национализма, проведя аналогичное различие между государством и народом (который он отождествлял с «родиной») в своем эссе 1934 г. «Некоторые мысли об организации свободного и независимого хорватского государства» («Nekoliko misli o uređenju slobodne i nezavisne hrvatske države»), заявляя, что «мы строим государство, чтобы оно соответствовало нашим взглядам и устремлениям, нашим желаниям и потребностям» [3, S. 5]. Государство состоит из всех законов, уставов и институтов, тогда как Родина состоит из вековых традиций, воспоминаний, событий и песен, вместе с нашей землей, которая наполнена соками и костями наших прадедов, на которой каждый ком земли пропитан кровью наших предков, [земля], которая примет наши кости и кости наших потомков» [3]. Высказывание Будака проводит четкую границу, что государство предстает как искусственный, рациональный и проективный конструкт («состоит из всех законов, уставов и институтов»), который создается «по мерке» актуальных политических целей («наших взглядов и устремлений»). В противоположность этому, Родина трактуется как органическое, сакральное и вечное тело, поскольку состоит не из институтов, а из «традиций, воспоминаний, событий и песен», то есть коллективной памяти и культуры, неразрывно сросшихся с конкретной территорией [3, S. 133].

Значительное внимание вопросу расы в хорватской истории он выразил в своем политическом трактате 1934 г. под названием «Хорватская нация в борьбе за суверенное и независимое хорватское государство» [2, S. 67]. М. Будак отметил, что многие основатели и ведущие деятели иллирийских и югославских движений XIX в., такие как Людевит Гай⁴ и Йосип Юрай Штротсмайер⁵, были потомками ассимилированных иностранцев, «которые не несли ни

¹ Будак, Миле (1889–1945) — хорватский политик, писатель, публицист и идеолог усташского движения, автор плана этнических чисток сербов, один из ближайших соратников Анте Павелича. См.: Brozović D., Ladan T. Mile Budak // Hrvatska enciklopedija (хорв.) – LZMK, 1999.

² Франк, Йосип (1844–1911) — хорватский адвокат, юрист и политик австро-венгерского периода, лидер «Чистой партии права» после смерти Анте Старчевича, идеолог хорватского национализма и сербофобии в Австро-Венгрии. См.: Беляков С. С. Усташа: между фашизмом и этническим национализмом. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – С. 98.

³ Закон о гражданстве Рейха от 15 сентября 1935 г. (§2, п. 1). См.: Stadtarchiv Nürnberg A 1 1935 Sept. 15 (1). / A 1 1935 Sept. 15 (3).

⁴ Гай, Людевит (1809–1872) был ключевым идеологом хорватского национального возрождения в концепции «иллиризма». Его главнейшей заслугой является создание и реформа единого хорватского литературного языка на основе штокавского диалекта, что заложило основу для современной хорватской языковой нормы. Политическая деятельность Гая, направленная на культурное и политическое объединение южных славян, а также его издательская работа (газета «Novine hrvatske» и литературное приложение «Danica») сделали его центральной фигурой в формировании хорватской национальной идентичности XIX в. См.: Фрейдзон, В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). – СПб.: Алетейя, 2001.

⁵ Штротсмайер, Йосип Юрай (1815–1905) — хорватский епископ, политик и меценат, сыгравший определяющую роль в культурном развитии нации. Его политическая программа сочетала борьбу за хорватскую

единого хорватского атома ни в крови, ни в сердце» [2, S. 12]. По мнению М. Будака, Л. Гай и Ю. Штросмайер и им подобные принадлежали к одному из двух основных типов расово чуждых групп в Хорватии: с одной стороны, это были потомки «австрийских» (габсбургских) офицеров и чиновников «различных национальностей», которые в конечном итоге ассимилировались в хорватской нации в культурном смысле, хотя они и не обладали никакими «хорватскими расовыми характеристиками» [2, S. 18]; другая группа состояла из православных сербов, которые были потомками «различных балканских этнических отбросов», включая цинцарцев, греков, армян, румын, валахов и цыган [2, S. 56].

По словам М. Будака, с одной стороны, «австрийские» поселенцы были культурно ассимилированы, а их «хорватство» («hrvatstvo») полностью отличалось от национального самосознания «истинных хорватов старого происхождения (koljenovići)» [2, S. 13]. Как утверждал М. Будак, «хорватство» хорвата старого происхождения основано «в его крови, в его костях, в его плоти, в его душе и связано с землей [и] могилами более двадцати поколений дедов и прадедов» [2, S. 13]. С другой стороны, расово чуждая австро-венгерская группа сумела обеспечить себе политическую власть и преобладающее культурное влияние в Хорватии в период Габсбургов [2, S. 13]. М. Будак пришел к выводу, что «инициаторами, идеологами и носителями иллирийских, югославских и сербско-хорватских движений среди хорватского народа были [ассимилированные] хорваты, которые не несли в себе ни капли хорватской крови» [2, S. 15]. Он также подчеркивал вопрос расы в хорватской истории, но он не предоставил никаких подробностей о точном этнолингвистическом и расовом происхождении хорватов, кроме установления различия между «хорватской расой» и «балкано-азиатским» расовым элементом.

Задачу отслеживания точного этнорасового происхождения хорватского народа взял на себя другой идеолог усташей, юрист и политолог Младен Лоркович, ведущий член эмигрантской группы усташей в Германии. В 1939 г. «Матица хорватская» («Matica hrvatska») ¹ опубликовала книгу М. Лорковича «Народ и земля хорватов» [11] — интеллектуальное начинание любого усташа межвоенного периода времени. В этой книге Лоркович попытался проследить этническое происхождение исторических хорватских земель и историю этнических хорватских общин на всех континентах. Книга была полна статистических данных об этническом составе и росте населения хорватских регионов. М. Лоркович написал свою книгу отчасти в ответ на создание автономной хорватской бановины в составе Югославского государства в августе 1939 г. при непосредственном участии политического противника Владко Мачека ². По мнению М. Лорковича, Хорватская бановина имела не решила вопрос статуса независимости хорватской государственности и имела неестественные границы, поскольку бановина не включала большую часть Боснии и Герцеговины, где большинство населения составляли «мусульманские хорваты» [11, S. 6]. Как отмечает Нада Кисич Коланович, книга М. Лорковича «своим экспансивным национализмом в значительной степени была духовным произведением

государственность с проектом югославянского культурного объединения. Главным наследием Й. Ю. Штросмайера стало создание ключевых национальных институтов — Югославянской академии наук и искусств и Загребского университета, что обеспечило хорватам автономию в сфере науки и просвещения.

¹ В межвоенный период (1918–1941 гг.) Матица хорватская (хорв. Matica hrvatska) продолжала свою деятельность как ключевое литературно-научное и культурно-просветительское общество, играя важную роль в поддержании хорватской национальной идентичности в рамках Югославии.

² Мачек, Владко (1879–1964) — хорватский и югославский политик, юрист, лидер Хорватской крестьянской партии (ХКП) с 1928 г. после убийства Степана Радича, инициатор Соглашения Цветковича–Мачека и противник усташского режима.

своего времени», а также представляла собой «политическую хореографию создания хорватского государства» [8, S. 128] в 1941 г.

Согласно М. Лорковичу, иллирийцы и кельты представляли собой вторую и третью «волны» миграции расово «арийских» народов на территорию современной Хорватии (фракийцы составили первую волну миграции арийского народа на Балканы, которая началась в раннем бронзовом веке) [11, S. 36]. В течение раннего и позднего каменного века Далмация и Паннония были заселены неарийскими расами; М. Лоркович отметил, что эти расы, вероятно, имели «древнее [до]европейско-ближневосточное» происхождение [11, S. 36]. Что касается этнического вклада готов, он заметил, что большинство историков и филологов отвергли готскую теорию протохорватского происхождения [11, S. 36]. Однако сторонники этой теории также первыми обратили внимание на неславянское происхождение протохорватской правящей касты и на свидетельства многочисленных гото-хорватских этнических связей, особенно в Боснии [11, S. 36-37].

Тесно с этой идеей связано представление о борьбе за освобождение от искусственного югославского государства, в котором хорваты столкнулись с четырьмя главными врагами — «сербским государственным правительством, международным масонством, еврейством и коммунизмом» [9, S. 240]. В ранее упомянутом меморандуме «Хорватский вопрос» немецкому правительству, А. Павелич попытался заручиться поддержкой национал-социалистов для поддержки деятельности усташей. Апеллируя к немецкой ревизионистской политике отмены Версальского договора, который способствовал созданию югославского государства, по словам А. Павелича это государство «унаследовало традиционную враждебность» сербов к Германии [9, S. 238]. Некоторые положения меморандума были преувеличены в угоду национал-социалистам, но идеи, высказанные в документе А. Павелича, более или менее соответствовали другим усташским идеологическим текстам 1930-х гг. Консолидация усташской идеологии с национал-социализмом таким образом должна была быть осуществима А. Павеличем вопреки насильственно навязанной югославской идеи хорватскому народу [9, S. 237]. А. Павелич также утверждал, что «хорваты, как правило, имеют не славянское, а готское происхождение, что роднит их с Третьим рейхом» [9, S. 237].

Таким образом, расовые элементы усташской идеологии в межвоенный период времени носили как биологический, так и культурный (или духовный) характер вкупе с идеологическим сходством национал-социалистической расовой теории. По словам Аарона Джиллетта, идея расового представления была «основана на обращении к интуиции, мифам, историческому анализу и различным иррациональным философиям» и «обычно подчёркивала главенство расового «духа» над физическими аспектами расы» [4, P. 188].

Подводя итог, стоит выделить следующее. В усташской интерпретации для хорватского государства важное место занимал вопрос о сущности самих хорватов. Усташское представление о корнях хорватского народа основывалось на тезисе о его государственности, базирующейся на этнолингвистической и расовой основе. Усташки стремились обосновать и развить некий подлинный «хорватский расовый тип», который дополнил бы представление о «чистокровном хорвате». Поиски этого идеального «расового типа» базировались на более ранних исследованиях, проводимых интеллектуалами, расовыми антропологами и учеными конца XIX в.

Помимо этого, идеология усташей строилась на том, что хорваты одновременно являлись и этнической группой, обладающей общим происхождением и общей культурой, и отдельной нацией, обладающей как историческим государственным правом, так и соответствующим современным национальным сознанием. В представлении усташских идеологов

хорватская нация наделялась особыми биологическими и духовными особенностями, которые также обуславливали черты европейских расовых типов [14, S. 122]. Помимо этого считалось, что формированию хорватской этничности способствовала принадлежность к белой индоевропейской расе, именованной «арийской» (правда, это ничем не подтверждалось) [12, S. 3].

Библиографический список

1. Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. – Ithaca and London, 1984. – P. 37.
2. Budak M. Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. – Ohio, 1934. – S. 67.
3. Budak M. Nekoliko misli o uređenju slobodne i nezavisne hrvatske države. – Nezavisna Država Hrvatska – Godišnjak, 1934. – S. 127–138. Режим доступа: https://www.sistory.si/cdn/publikacije/38001-39000/38776/NDH_godisnjak_1934.pdf
4. Gillette A. Racial Theories in Fascist Italy. – London: Routledge, 2002. – P. 188.
5. Gross M. Ravnopravnost bez jednakovrijednosti (Prilog pitanju mentaliteta i ideologije hrvatskih Cionista na početku 20. stoljeća) // Dva stoljeća povijesti i culture Židova u Zagrebu i Hrvatskoj. – Zagreb, 1998. – P. 106–126.
6. Jareb M. The NDH's Relations with Italy and Germany // Journal of Croatian Studies. – 2006. – Vol. 45–46. – P. 155.
7. Jareb M. Ustaško-domobranski pokret od nastanka do travnja 1941. godine. – Zagreb: Školska knjiga, 2006. – S. 124–128.
8. Kisić Kolanović N. Mladen Lorković: Ministar urotnik. – Zagreb, Golden Marketing, 1998. – S. 128.
9. Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. – Zagreb: Globus, 1978. – S. 240.
10. Krizman B. Ustaše i Treći Reich, Vol. II. – Zagreb: Globus, 1983. – S. 367.
11. Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. 1939. – Split: Marjan tisak, 2005.
12. Narodna politika. – 1920. – 15.01. – S. 3.
13. Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1978. – Nolit, 1981. – S. 84.
14. Pilar I. Južnoslavensko pitanje: Prikaz cjelokupnog pitanja / prijevod F. Pucek. – Varaždin, 1990. – S. 122.
15. Starčević A. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 152.
16. Stuparić D. Tko je tko u NDH: Hrvatska 1941–1945. – Zagreb: Minerva, 1997. – S. 172, 268, 359.
17. Sundhaussen H. Der Ustascha-Staat: Anatomie eines Herrschaftssystems // Österreichische Osthefte. – 1995. – № 37. – S. 523
18. Беляков С. С. Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. – М.: Гуманитарный университет, 2009. – С. 23.
19. Закон о гражданстве Рейха от 15 сентября 1935 г. (§2, п. 1). См.: Stadtarchiv Nürnberg A 1 1935 Sept. 15 (1). / A 1935 Sept. 15 (3).

Сведения об авторе:

Никифоров Алексей Сергеевич, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: aleksvelkoro@gmail.com

УДК 94 (430)

А. Е. Порунов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЕКТЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ГЕРМАНИИ В ПРОГРАММАХ КРУЖКА КРЕЙЗАУ (1940-1943)

Аннотация: В статье на основе архивных материалов Федерального архива Германии, мемуаров Фрей фон Мольтке и опубликованных источников анализируются политические и правовые проекты послевоенного переустройства Германии, разработанные участниками антинацистского «Кружка Крейзау» в 1940–1943 гг. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью в российской историографии содержательной стороны деятельности германского сопротивления: длительное время в отечественной науке преобладала трактовка заговора 20 июля 1944 г. как попытки недовольных генералов устранить Гитлера, что не учитывало многообразия социального состава движения и его политических программ. Цель исследования — реконструировать ключевые идеи политических документов кружка и выявить правовые принципы, на которых предполагалось строить новое германское государство. В работе последовательно проанализированы четыре программных документа: манифест Карло Мирендорфа «Социалистическое действие» (1942), набросок политического манифеста от 23 апреля 1942 г., «Инструкция для переговоров о наказании нарушителей права сообществом народов» от 23 июля 1943 г. и «Основы внешней политики для послевоенного времени» от 14 июня 1943 г. Особое внимание уделено юридическим дискуссиям внутри кружка о механизмах переходного правосудия: в условиях невозможности нарушить принцип «nulla poena sine lege» члены кружка предложили осуждение нацистских преступников за «обычные преступления» (*gemeine Verbrechen*) и использование концепции «несовершенного закона» (*lex imperfecta*), позволявшей дать квалификацию преступлениям против человечности без придания закону обратной силы. В заключении делается вывод, что «Кружок Крейзау» разработал не разрозненные реформы, а целостную модель послевоенного устройства Германии, сочетающую социальную справедливость, федерализм, демократические институты, христианскую этику и возвращение к нормам международного права. Предложенные членами кружка принципы предвосхищали послевоенные дискуссии о природе «преступлений против человечности» и сохраняют историко-правовое значение для понимания альтернатив послевоенному правосудию в Германии.

Ключевые слова: «Кружок Крейзау», Хельмут Джеймс фон Мольтке, антинацистское сопротивление, заговор 20 июля 1944 г., политические проекты, правовые проекты, переходное правосудие, историография германского сопротивления

Porunov A. E. Political and Legal Projects for the Reconstruction of Germany in the Programmes of the Kreisau Circle (1940-1943)

Abstract: Based on archival materials from the German Federal Archives, the memoirs of Freya von Moltke, and published sources, this article analyses the political and legal projects for the post-war reconstruction of Germany developed by participants of the anti-Nazi "Kreisau Circle" between 1940 and 1943. The relevance of the topic stems from the insufficient coverage in Russian historiography of the substantive content of the German resistance's activities: for a long time, domestic scholarship was dominated by an interpretation of the 20 July 1944 conspiracy as an attempt by disgruntled generals to eliminate Hitler, which failed to account for the diverse social composition of the movement and its political programmes. The aim of this study is to reconstruct the key ideas of the Circle's political documents and to identify the legal principles upon which a new German state was to be built. The work sequentially analyses four programme documents: Carlo Mierendorff's manifesto "Socialist Action" (1942), the draft political manifesto of 23 April 1942, the "Instruction for Negotiations on the Punishment of Violators of Law by the Community of Nations" of 23 July 1943, and the "Foundations of Foreign Policy for the Post-War Period" of 14 June 1943. Special attention is paid to the legal debates within the Circle concerning mechanisms of transitional justice: under conditions where the principle of *nulla poena sine lege* could not be violated, Circle members proposed the prosecution of Nazi criminals for "ordinary crimes" (*gemeine Verbrechen*) and the use of the concept of an "imperfect law" (*lex imperfecta*), which allowed for the qualification of crimes against humanity without retroactively applying the law. The conclusion asserts that the Kreisau Circle developed not piecemeal reforms, but a coherent model for the post-war organisation of Germany, combining social justice, federalism, democratic institutions, Christian ethics, and a return to the norms of international law. The principles proposed by the Circle's members anticipated post-war debates on the nature of "crimes against humanity" and retain historical and legal significance for understanding alternatives to post-war justice in Germany.

Keywords: Kreisau Circle, Helmuth James von Moltke, anti-Nazi resistance, 20 July 1944 conspiracy, political projects, legal projects, transitional justice, historiography of the German resistance.

Тема антинацистского сопротивления внутри Германии, а в частности заговор 20 июля 1944 года в российской исторической науке на данный момент имеет огромный исследовательский потенциал, так как, традиционно советской наукой эта проблема рассматривалась через призму марксистской методологии и политического курса, проводимого государством. Таким образом, в отечественной исторической науке долго бытовало мнение, что заговор 20 июля – это попытка «разочаровавшихся в войне генералов убить Гитлера» [6, с. 9], о чём свидетельствует книга М. А. Мильштейна «Заговор против Гитлера (20 июля 1944 года)». Однако данный тезис разбивается о социальный состав движения сопротивления. Во-первых, движение «20 июля 1944 года» объединяло в себе не только генералитет и офицеров вермахта, но и гражданских лиц, что уже делает ошибочной его характеристику как исключительно военного сопротивления недовольных генералов. Во-вторых, данное движение соединяло в себе не просто «салонную оппозицию» [6, с. 9], а, как показывают современные исследователи данной проблемы, людей, которые были разными по своему происхождению и роду деятельности. Помимо различных военных, офицеров и представителей военной аристократии, движение сопротивления в Германии включало в себя финансистов, юристов и иных гражданских служащих, пасторов и богословов протестантского толка, представителей экуменического движения и в том числе католических священников. [8, с. 96] Однако если сам факт участия юристов и политиков в сопротивлении уже известен, то гораздо менее изученным остается содержание их политических и правовых проектов. Соответственно вполне органично можно задать вопросы: «Каковы были ключевые идеи этих проектов?» и «На каких правовых принципах предполагалось строить новое государство?»

Так, одним из центров оппозиции стал «Кружок Крейзау», который возглавлял Хельмут Джеймс фон Мольтке, правнук знаменитого прусского и российского фельдмаршала, военачальника периода Франко-прусской войны, – Хельмута Карла фон Мольтке.

Для того чтобы понять, почему Хельмут Джеймс фон Мольтке стал противником национал-социалистического режима, нужно обратиться к его биографии. Помимо того, что родом он восходил к знаменитому немецкому полководцу, его родители входили в протестантскую религиозную организацию «Христианская наука». Отец был одним из переводчиков на немецкий язык книги основательницы этой организации. Мать Дороти, в девичестве Роуз-Иннес, была англичанкой; ее отец, сэр Джеймс Роуз-Иннес, был верховным судьей Южно-Африканского союза. [8, с. 96] Сам же Хельмут фон Мольтке получил прекрасное юридическое образование в университетах таких городов, как: Бреслау, Вена, Гейдельберг и Берлин. [8, с. 96]

Закономерно, что после прихода к власти Адольфа Гитлера Хельмут фон Мольтке, убежденный демократ и специалист по международному праву, стал частью антигитлеровской оппозиции, о чем свидетельствуют воспоминания его жены Фрей, в которых говорится, что осознание конца Германии для Хельмута фон Мольтке пришло еще в 1938 году, в связи с аншлюсом Австрии, а укрепилось оно с началом самой войны в 1939 году. [3, S. 40] Нужно также отметить, что именно Аншлюс стал отправной точкой в уничтожении Германией международного права, что было зафиксировано уже после Второй мировой войны на Нюрнбергском процессе. [7, с. 582] И не случайно, это событие послужило мотивацией для юриста, специализирующегося на международном праве, создать кружок, который будет разрабатывать политические программы, которые должны были реинтегрировать Германию в международное правовое поле.

В материалах расследования Народного трибунала указывается, что с началом войны Х. фон Мольтке осознаёт, что Германия находится на грани катастрофы, которая связана с «ухудшением военного положения». [2, Bl. 7] В свою очередь, данное заявление можно

подвергнуть критике, так как ухудшение военного положения в Германии пришлось на конец осени-начало зимы 1941 года, в то время как Хельмут фон Мольтке совместно с Петером Йорк фон Вартенбургом, как уточняет Фрея фон Мольтке, «начали систематически заниматься этой темой» в январе 1940 года. [3, S. 41] При этом она же отмечает, что «А настоящий импульс, первый шаг — поиск людей, готовых участвовать в чём-то подобном, — получил только после победы Германии над Францией летом 1940 года, на пике военных успехов Германии, а не тогда, когда стало очевидно, что Германия проиграет войну». [3, S. 41]

Из данных тезисов мы можем сделать вывод, что организация оппозиционной ячейки происходила задолго до событий на Восточном фронте, соответственно и мотивация «Кружка Крейзау» лежала куда глубже, нежели простое недовольство решениями главы государства во внешнеполитических делах.

Переходя к политическим проектам кружка, нужно упомянуть и социальный состав этой оппозиционной ячейки. Кружок состоял из юристов, финансистов, иезуитов, деятелей социал-демократической партии Германии и видных профсоюзных активистов. Это разнообразие превратило Крейзау в платформу для достижения демократического консенсуса, что позволило составить различные по своей структуре и наполнению политические программы.

Одной из таких программ является составленная социал-демократом Карло Мирендорфом концепция «Социалистического действия». Тезисы программы состояли из 9 пунктов:

«Социалистическое действие» призывает в этот тяжелый час трудящийся народ в городе и деревне и наших храбрых солдат к борьбе, будучи убеждено, что спасение общего отечества от политического, морального и экономического упадка возможно только через:

1. Восстановление права и справедливости.
2. Устранение принуждения совести и безусловную терпимость в вопросах веры, расы и национальности.
3. Уважение к основам нашей культуры, которая немыслима без христианства.
4. Социалистическое устройство экономики, чтобы реализовать человеческое достоинство и политическую свободу и создать гарантию существования для служащих и рабочих в промышленности и сельском хозяйстве, а также для крестьян на их земле, что является предпосылкой социальной справедливости и свободы.
5. Экспроприацию ключевых предприятий тяжелой промышленности в пользу немецкого народа как основу социалистического устройства экономики, чтобы покончить с пагубным злоупотреблением политической властью со стороны крупного капитала.
6. Самоуправление экономики при равноправном участии трудового народа как основополагающий элемент социалистического строя.
7. Защиту сельского хозяйства от опасности стать игрушкой капиталистических интересов.
8. Сокращение бюрократического централизма и органическое построение рейха на основе земель.
9. Искреннее сотрудничество со всеми народами, особенно в Европе, с Великобританией и Советской Россией». [1, Bl. 3-4]

Таким образом, можно сделать вывод, что центральной идеей данного документа было стремление к возрождению демократических институтов, сплочению всех противников нацистского режима независимо от их политических и религиозных взглядов. Важно, что данный документ представляет собой один из вариантов переустройства немецкого общества, обсуждавшихся в «Кружке Крейзау». Однако автор этого манифеста вскоре после его написания трагически погиб во время бомбёжки города Лейпцига союзниками 4 декабря 1943 года.

Впрочем, следует отметить, что данный документ – это версия манифеста Мирендорфа, социал-демократа, который заявил о создании надпартийного объединения «Социалистическое действие». Но не только идеи социал-демократии обсуждались членами «Кружка Крейзау». Мы также можем обратиться к другим политическим проектам, один из которых – документ с пометкой «2. ter Entwurf vom 23.4.1942». [1, Bl. 5] Дословный перевод названия: «второй набросок» политического манифеста движения сопротивления от 23 апреля 1942 года.

В данном документе резкая критика обрушивается на самую суть национал-социалистического режима, и начинается данный документ с фразы: «Наказание для правонарушителей». [1, Bl. 5]

В первых двух абзацах документа мы можем видеть такие строчки:

«Как правонарушитель подлежит наказанию тот, кто нарушает существенные принципы божественного или естественного права, международного права или преимущественно согласованного в сообществе народов позитивного права таким образом, который позволяет признать, что он пренебрегает обязательной силой этих правовых положений.

Правонарушителем является также тот, кто отдает приказ на совершение правонарушающего действия, в ответственной должности подстрекает к этому или издает общие учения или указания правонарушающего характера». [1, Bl. 5]

Стоит отметить, что отдельно здесь выделяется божественное право. Под божественным правом понимают комплекс представлений об особом трансцендентальном миропорядке либо нормативном предписании, выступающем по отношению к позитивно-правовому регулированию в качестве основы, содержательного и категориального базиса. [4, с. 136] Таким образом, божественное право вносит в общество фундаментальные законы, на которых строится это самое общество. К примеру, шестая заповедь «Не убий» в качестве основной правовой нормы легла в основу законодательства стран, которые исповедовали христианство, а позже с развитием колониальных христианских империй, данная правовая норма распространяется по всему земному шару.

Немецкая идентичность изначально строилась на христианстве начиная со Священной Римской империи германской нации, и конечно же, Германия, как одна из центральных держав Европы всегда являлась центром христианской теологии, подтверждением этому служит тот факт, что в XVI веке Германия становится одним из центров реформаторского движения, где Мартин Лютер переосмысливает католические догматы.

Параллельно с призывами возродить божественное право, членами кружка Крейзау проводилась и критика условий Версальского мирного договора. В частности, статьи 229, которая говорила о подсудности отдельных лиц, которые нарушали нормы права против стран-победительниц. Сама статья гласила: «Совершившие действия против граждан одной из Союзных и Объединившихся Держав будут переданы военным судам этой Державы. Совершившие действия, направленные против граждан нескольких Союзных и Объединившихся Держав, будут переданы военным судам, состоящим из членов, принадлежащих к военным судам заинтересованных держав». [4, с.83]

Одновременно с этим члены кружка пишут о том, что «Таким образом, здесь речь шла не о наказании судами сообщества народов, а органами держав-победительниц». [1, Bl. 6]

И действительно, как отмечали члены кружка, решение об изоляции Германской правовой системы сыграло на руку растущему в немецком обществе 20-х годов XX века ресентименту. В свою очередь, выход из подобного правового кризиса, который привел к установлению нацистской диктатуры, мы можем также узнать из второй части критики 229 статьи Версаля: «В противоположность тогдашнему ошибочному решению, которое практически делало невозможным участие немецких инстанций, сейчас должно быть найдено нравственное,

достойное решение, вырастающее из смысла права. Только такое решение может стать краеугольным камнем мира, а не угрожать ему». [1, Вл. 6]

Таким образом, «Кружок Крейзау» считал нужным создание коллективных органов судебной и исполнительной власти, для возрождения мира и порядка в Европе. Это в свою очередь говорит о том, что Х. фон Мольтке в качестве идеала построения новой Германии видел государство, которое своими корнями уходит в демократические устои, заложенные ещё в Веймарской республике.

При этом решением этой судебной проблемы «Кружок Крейзау» видел в обращении к Гаагской палате третейского суда. [1, Вл. 6] Это в свою очередь подтверждает открытость членов кружка к возрождению норм международного права в Европе.

Касаемо дальнейшего восстановления норм права в Германии члены кружка писали в документе «Инструкция для переговоров о наказании нарушителей права сообществом народов» от 23.07.1943 о том, что ключевой проблемой в межвоенный период было «неудовлетворительное рассмотрение и обработка дел военных преступников». [1, Вл. 9] В итоге решением данной проблемы уже в новой Германии служило:

1. Объявление нарушителей права «вне закона».
2. Выдача военных преступников союзным войскам
3. Суд над нарушителями права, в том числе и над военными преступниками
4. Возмещение ущерба пострадавшим сторонам. [1, Вл. 10]

Перед юристами кружка встал вопрос о правомерности такого наказания. Противоречие возникло в применении принципа «*nulla poena sine lege*» (закон не может иметь обратной силы). Издание новых законодательных норм, по которым бы судили нацистское руководство, прямо противоречило бы этому принципу. И для действительного возрождения традиций правового государства нужно проявить принципиальность и отказаться от придания новому закону обратной силы. [1, Вл. 10] Как решение данной проблемы, авторами документа предлагается судить нацистских преступников по уже имеющимся законам, которые в немецкой судебной системе проходили бы под категорией «*gemeine Verbrechen*», т.е. «обычные преступления», такие как убийства, пытки и т.д.

Второй же принцип, который бы помог судить нацистских преступников, был «*lex imperfecta*», он же «несовершенный закон». Членами кружка Крейзау предлагалось, чтобы суд рассматривал дела нацистов по старым уголовным статьям и мог вынести дополнительную деклараторную часть приговора. В свою очередь, суд может официально и публично объявить, что подсудимый является «правопорушником», то есть его деяния подпадают под определение нового закона, но само наказание за это объявление не назначается. Это позволило бы дать юридическую квалификацию преступлениям именно как преступлениям против человечности или права.

Следующий документ «Кружка Крейзау», который следует рассмотреть, – это «Основы внешней политики для послевоенного времени». Он был составлен 14 июня 1943 года и состоит из шести пунктов, которые отражают мировоззрение кружка. Прежде всего следует отметить преамбулу: «Справедливый и прочный мир не может быть основан на насилии. Он может быть обретен только через обязывающее осознание человеком божественного порядка, который несет его внутреннее и внешнее существование». [1, Вл. 14] Здесь прослеживается полное отрицание насилия, присущее христианской этике, основы которой заложены в Нагорной проповеди Иисуса Христа.

Первый пункт данного манифеста гласит: «Слом тоталитарного посягательства на свободу совести и признание неотъемлемого достоинства человеческой личности как основы правопорядка и мирного устройства, к которым следует стремиться. Каждый человек действует в

полную меру своей ответственности в различных социальных, политических и международных сферах жизни. Право на труд и собственность находится под общественной защитой независимо от расовой, национальной и религиозной принадлежности». [1, Вл. 14] В данном тезисе прослеживается неприятие реалий Третьего рейха и его политики, которая нарушает естественные права человека.

Второй пункт: «Основной ячейкой мирного сосуществования является семья. Она находится под общественной защитой, которая помимо воспитания охватывает также материальные блага жизни: питание, одежду, жилье, сад и здоровье». [1, Вл. 14] В этой части манифеста прослеживается, что члены кружка Крейзау рассматривали семью как основу общества, что можно трактовать как консервативный тезис.

Третий пункт манифеста: «Труд должен быть организован так, чтобы он способствовал развитию личной ответственности, а не давал ей атрофироваться». [1, Вл. 14] В указанном пункте можно прослеживается критика коллективизма, царившего в немецком обществе при нацистской диктатуре.

Четвертый пункт гласил: «Личная политическая ответственность каждого требует его участия в принятии решений в рамках возрождаемого самоуправления малых и обозримых сообществ». [1, Вл. 14] В данном тезисе отражается стремление членов кружка Крейзау видеть дальнейшее развитие Германии в духе демократического государства, где демократические институты функционируют даже в самых малых сообществах.

Пятый пункт: «Особая ответственность и верность, которую каждый человек несет перед своим национальным происхождением, своим языком, духовным и историческим наследием своего народа, должны уважаться и защищаться. Однако они не должны злоупотребляться для политического сплочения власти, для унижения, преследования или подавления чужой национальности». [1, Вл. 15] Этим тезисом авторы документа подводили итог своей главной цели – восстановлению норм права в Германии.

Таким образом, проанализировав документы кружка, мы можем прийти к нескольким выводам. Во-первых, кружок Крейзау состоял не только из демократов и католических священников, но и из социалистов, что нашло отражение в программных проектах и подчеркивает важность демократической основы в функционировании данной оппозиционной ячейки.

Во-вторых, можно сказать, что политические идеи кружка отличались разнообразием, но при этом имели ряд устойчивых оснований. Документы «Социалистическое действие» Карло Мирендорфа, «Основы внешней политики для послевоенного времени», а также наброски политических манифестов демонстрируют стремление соединить социальную справедливость, федеративное устройство рейха и признание семьи в качестве базовой ячейки общества. Ключевым мировоззренческим принципом стало отрицание насилия, опиравшееся на христианскую этику и идею божественного права. Кроме того, кружок настаивал на отказе от «правосудия победителей» в духе Версальской системы и выступал за создание коллективных судебных органов.

В-третьих, можно утверждать, что правовые принципы построения нового государства были разработаны с особой тщательностью. Центральной проблемой признавалась невозможность нарушить фундаментальный принцип правового государства – отсутствие обратной силы закона. Выходом из этого противоречия предлагалось осуждение нацистских преступников по существующим уголовным статьям – как за «обычные преступления», затем применение принципа «несовершенного закона», который объявлял подсудимого «правопорушником». Это позволяло дать юридическую квалификацию преступлениям как преступлениям против человечности, не наделяя новый закон обратной силой.

Следовательно, на основе анализируемых документов, можно сказать, что «Кружок Крейзау» предложил не просто набор разрозненных реформ, а внутренне связанную модель переустройства Германии. Политические проекты создавали ценностный и институциональный контекст. Правовые механизмы, в свою очередь, обеспечивали возможность переходного правосудия без разрушения основ правового государства. Разработанные членами кружка принципы предвосхитили некоторые дискуссии о природе «преступлений против человечности» и сохраняют историко-правовое значение для понимания альтернатив послевоенному правосудию в Германии. При этом необходимо учитывать, что в данной статье был проанализирован лишь фрагмент сохранившегося наследия «Кружка Крейзау». Дальнейшее изучение других материалов кружка – включая его внешнеполитические меморандумы, религиозные тексты и переписку участников – позволит расширить и уточнить представленные выводы.

Библиографический список:

1. BArch N 1750/1.
2. 2. BArch R 3001/186868.
3. 3. Freya von Moltke. Erinnerungen an Kreisau, 1930–1945. – München : C.H. Beck, 1997. – 270 S.
4. 4. Ивентьев С. И. Божественные права и свободы человека. Информация // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 24. – С. 136–139.
5. 5. Ключников Ю. В., Сабанин А. Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова. – М. : Литиздат НКВД, 1925. – 83 с.
6. 6. Мильштейн М. А. Заговор против Гитлера (20 июля 1944 г.). – М. : Воениздат, 1962. – 128 с.
7. 7. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М. : Юридическая литература, 1999. – Т. 8. – 582 с.
8. 8. Хавкин Б. Л. Немецкие интеллектуалы против нацизма. Граф Гельмут Джеймс фон Мольтке и «Кружок Крейзау» // Интеллигенция и мир. – 2024. – № 4. – С. 96–109.

Сведения об авторах:

Порунов Артемий Евгеньевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: porunov123@gmail.com

УДК 94

А.В. Федосов

ВОПРОСЫ ИМПЕРИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация: После Первой Мировой войны Британия столкнулась не только с проблемами в экономике и перестройкой внутреннего политического устройства. Особой перенастройки требовали и имперские взаимоотношения. Законодательные международные договоры и конституционные обычаи, которые по-прежнему регламентировали деятельность Империи, уже не соответствовали времени, и это дестабилизировало положение колоний и доминионов. Это вызывало тревогу у убежденных империалистов в Консервативной партии. Поддержание Империи требовало подробного обсуждения и переговоров с правительствами доминионов, и автономных государств, однако влиятельные правительственные и деловые круги были более озабочены европейскими проблемами, в частности репарациями и усилиями Ллойд Джорджа добиться какой-либо устойчивости в торговых и финансовых отношениях между европейскими государствами. Призывы же расширять и финансировать имперскую торговлю не находили отклика по меньшей мере до принятия Вестминстерского статута, когда взаимоотношения внутри Империи приобрели значение, но не потому, что они устанавливали четкие регламенты, а потому, что были одобрены.

Ключевые слова: Британская империя, Британское Содружество наций, Консервативная партия, имперская федерация, имперские преференции, межвоенный период

Fedosov A.V. Imperial Issues in the Conservative Party's Activities During the Interwar Period

Abstract: After the First World War, Britain faced not only economic problems and the need to restructure its domestic political system. Imperial relations also required significant adjustments. The legal international treaties and constitutional customs that still governed the Empire were no longer relevant, leading to instability in the colonies and dominions. This caused concern among staunch imperialists within the Conservative Party. The maintenance of the Empire required detailed discussions and negotiations with the governments of the dominions and autonomous states, but influential government and business circles were more concerned with European issues, particularly reparations and Lloyd George's efforts to achieve stability in trade and financial relations between European states. Calls for expanding and financing imperial trade were not met, at least until the adoption of the Westminster Statute, when relations within the Empire gained importance, not because they established clear regulations but because they were endorsed.

Keywords: British Empire, British Commonwealth of Nations, Conservative Party, Imperial Federation, imperial preferences, interwar period

Консервативная идеология Англии потворствовала масштабным завоеваниям, а затем создала миф об уникальности Британской империи по сравнению с другими, в основание которого было положено мессианство и расовое превосходство англичан, имперский патернализм и социал-империализм. А со второй половины XIX в. роль империи рассматривалась не иначе, как только в контексте развития мировой цивилизации. Однако с этого времени развитие доминионов и их движение к большей независимости вынудило английские правящие круги рассматривать их не только с позиции получения прибылей, но и создания неких партнерских отношений. Поэтому еще до Первой мировой войны в Англии шел поиск объединяющей имперской идеи. Одной из таких идей была идея создания имперской федерации, т.е. единого федеративного сверхгосударства из всех доминионов, которая имела бы общий парламент и управление, а граждане – единое гражданство. Считалось, что таким образом, можно сохранить единство, сохраняя демократическое правление. И в 1884 год была создана Лига Имперской Федерации, хотя противники из среды этнонационалистов настаивали на создании «Большей Британии», которая включала бы самоуправляющиеся колонии и доминионы только с преимущественно белым населением. Лига, объединявшая политиков, журналистов и интеллектуалов из разных политических лагерей стремилась избежать

партийной борьбы, и она не была напрямую связана с Консервативной партией, хотя некоторые её идеи и цели пересекались с консервативной имперской идеологией. Консерваторы рассматривали империю как источник политической, военной и экономической мощи страны, что гарантировало Великобритании статус великой державы, обеспечивая ей доступ к ресурсам, рынкам и возможности перераспределения избыточного населения. Важную роль в этом играли идеи Дизраэли о централизованной и милитаризованной империи. В дальнейшем сторонником имперской федерации был Л. Эмери [1, р. 4-5, 16-20, 30-31, 48]. Однако из-за разногласий Лига была распущена и одним из главных препятствий на пути этой идеи был колониальный национализм. Джозеф Чемберлен, государственный секретарь по делам колоний сочувствующий идее имперской федерации выдвигал свои предложения о постоянном совете Империи, который был бы своего рода юридически обязательным актом, и который устанавливал бы общие руководящие принципы для имперского парламента, но они были отклонены из-за опасений, что это подорвёт автономию колоний. В дальнейшем были отклонены и предложения о централизации вооружённых сил Империи и о таможенном союзе. А предложения об имперской преференциальной торговле были отклонены британскими либеральными правительствами из-за их приверженности международной свободной торговле, и только с 1932 года они были реализованы. Таким образом поддержка имперской федерации пошла на убыль еще до ПМВ.

В 1913 г. Х. Сесил писал: «Империалистические симпатии консерваторов, как уже отмечалось, привели их к желанию объединить империю в некую форму более тесной федеративной организации; и было высказано предположение, что они могли бы взять на вооружение политику своих оппонентов по гомрулю и, с некоторыми корректировками, сделать ее началом схемы Имперской Федерации. Если бы Соединенное Королевство было разделено на четыре государства: Англию, Шотландию, Ирландию и Уэльс, над ними должен был бы работать центральный имперский парламент, и, возможно, со временем великие доминионы за морями могли бы направить в этот парламент своих представителей. Такова идея некоторых изобретательных людей и хотя она с первого взгляда показалась привлекательной вся партия решительно отвергла ее» [2, р. 239].

Таким образом можно утверждать, что в Консервативной партии в тот период не было собственных идей по реформированию империи. А те, которые все же возникали, касались только взаимоотношений метрополии и доминионов. Общего подхода к этим вопросам в партии не было, как, впрочем, и к понятию «консерватизм», которое у каждого консерватора было свое [3, р. 66]. Первая Мировая война ослабила позиции Великобритании не только как экономического центра империи, но и подорвала ее монопольное положение в доминионах, что предопределило значительные изменения в отношении между метрополией и доминионами, которые перехватывали инициативу в вопросах развития империи у метрополии. К тому же дисбаланс в их экономическом развитии создавал сложности в определении единого политического вектора. Кроме того, доминионам не нравился перекосящий торговлю с метрополией. Вследствие этого доминионы стали расширять свои внеимперские торговые связи со странами Антанты и США. За годы войны американские монополии существенно потеснили английских конкурентов на рынках империи, и метрополия мало что могла противопоставить этому. Растерянность и неопределенность правящих элит Англии от навалившихся внутренних политических и экономических проблем растянулась до тридцатых годов XX века. И только растущие настроения правительств доминионов в пользу большей независимости, привели сначала к Декларации Бальфура 1926 года, а затем и Вестминстерскому статуту 1931 года.

Но в эти документы уже были заложены принципы Британского Содружества как союза самоуправляющихся наций, которые разрабатывалась Лайонелом Кертисом, членом движения

Круглого стола с 1915 года, которое имело огромное влияние на политику и экономику Англии как с довоенного времени, так и во время всего межвоенного периода. Однако его принцип об «управлении каждым каждым и всех всеми», как образчик западной жизни, как цель человеческого существования, к которому должны стремиться все общества был положен им в основу его Содружества наций еще с 1909 г. [4, р. 7] И в конце концов мир должен объединиться вокруг Британской империи. Кертис верил в мировое сообщество в форме Содружества наций [5, р.951-953]. А в 1916 г. в своей работе «Содружество наций» он писал: «Государство, будь то автократия или содружество, в конечном счете основывается на долге, а не на личных интересах и силе. Основной принцип государства – это чувство преданности...» [6, р. 8].

Эти теоретические новации мало заботили руководство доминионов, хотя их политика подталкивала империю к «смерти». По мере роста производства и экономической обособленности в доминионах росло и стремление к самоопределению во внутри- и внешнеполитических делах, однако традиция назначения генерал-губернаторов ограничивала их внутреннее самоуправление. Великобритания назначала генерал-губернаторов во все доминионы, и они имели право приостанавливать или отменять законы, принятые парламентом доминиона, а также право роспуска самого парламента, и в этом вопросе они не всегда следовали желаниям премьеров доминионов, что означало на практике формирование кабинета парламентской оппозиции с одобрения метрополии. Более того, законы, принятые парламентом доминионов, противоречащие законам метрополии признавались недействительными. Доминионы имели право издавать законы, относящиеся только к их собственной территории, но это затрудняло решение вопросов, связанных с международным судоходством, авиацией и т.д. К тому же английский парламент имел право принимать законы, относящиеся к доминионам, а высшей апелляционной инстанцией по делам, возникавшим в них, был не суд доминионов, а судебная коллегия Тайного Совета Великобритании. И, наконец, внешняя политика империи, в том числе и доминионов, велась только правительством метрополии, которое назначало послов в иностранные государства, вело переговоры с иностранными правительствами, подписывало договоры, объявляло войны и заключало мир от имени всей империи. Таким образом, внутреннее самоуправление доминионов было ограниченным, а во внешней политике они совсем не имели голоса, но по мере роста и укрепления позиций национальной буржуазии, метрополия была вынуждена привлекать их к обсуждению общеимперских политических вопросов.

В 1917 г. в Лондоне по инициативе Ллойд Джорджа был учрежден имперский военный кабинет, в состав которого входили представители Англии и премьер-министры доминионов, где они наконец получили право напрямую контактировать с премьером метрополии. Ранее такое общение осуществлялось только через министерство колоний и воспринималось в доминионах как унижение. Таким образом, возник институт высоких комиссаров, представителей правительств доминионов в Лондоне. К тому же мартовская Имперская конференция приняла важное решение об отношениях между Англией и доминионами, которые после войны должны подвергнуться изменениям «сохраняя полностью все существующие права по самоуправлению и полному контролю над внутренними делами, должны быть основаны на полном признании доминионов, как автономных наций Имперского содружества... За каждым доминионом... должно быть признано право на равный голос во внешней политике империи и должна быть предусмотрена организация постоянной консультации во всех серьёзных вопросах общеимперской политики» [7, р. 36]. В результате этих изменений между метрополией и доминионами возникли полноценные межгосударственные отношения. В 1919 г. доминионы уже принимали участие в работе Парижской конференции и Версальский договор они подписали уже от своего имени. С начала 1920-х гг. в политических кругах Англии наблюдалось стремление к увеличению роли внутриимперских торговых отношений, несмотря на

определенные препятствия. Так, в 1917 г. Индия добилась права введения тарифных барьеров, направленных на стимулирование индийского производства и защиту внутреннего рынка от импорта шерсти и некоторых других видов товаров из метрополии, что делало индийский рынок не привлекательным для британского экспорта. Поэтому программы экономической интеграции, которые еще в начале XX в. выдвигал Дж. Чемберлен, после 1918 г. уже не встречали поддержки со стороны имперских элит, а активная индустриализация наиболее сильных доминионов: Канады, Австралии и Индии сделала невозможной прежнюю внутриимперскую систему разделения труда. Тем не менее, в 1930-е гг. имперский рынок получил значительный импульс к развитию, но в основном благодаря смене экономической парадигмы метрополии. Но назвать первые послевоенные изменения в имперских отношениях достаточными и стабильными нельзя, поскольку метрополия была вынуждена решать свои собственные проблемы особенно в экономике.

Для Консервативной партии вопросы Империи сохраняли свою актуальность на протяжении всего межвоенного периода, что видно из ее партийных манифестов. В них декларируется необходимость введения имперских преференций, обеспечения экономического единства и имперской обороны. Однако, если рассматривать выступления лидера консерваторов Болдуина в этот период, то кроме воззваний и призывов в его работах «Глядя вперед» (1924 г.) «Об Англии, и прочие выступления» (1926 г.) нет ни одной практической рекомендации в деле решения проблем империи кроме «размахивания флагами», по его же выражению [8, р. 71]. Однако несколько иные оценки послевоенных настроений мы наблюдаем у Л. Эмери знакомого с ситуацией вокруг имперских проблем. «Было создано Эмиграционное управление и принят Имперский закон об эмиграции [1922 год]. Все эти мероприятия требовали подробного обсуждения и переговоров с правительствами доминионов, и автономных государств. Нужна была также широкая пропаганда в защиту принципа более правильного размещения населения в Британской империи как одного из основных элементов политики широкого развития империи... Меня слушали, время от времени мои выступления находили поддержку в передовых статьях газет, но наиболее влиятельные круги, как правительственные, так и деловые были более всего озабочены в то время Европой: трудноразрешимой проблемой репараций и безуспешными усилиями Ллойд Джорджа добиться какой-либо устойчивости в торговых и финансовых отношениях между европейскими государствами» [9, с. 53]. К тому же, описывая экономическую ситуацию первых десяти лет в Англии, Л. Эмери указывает, что политика дефляции и золотого стандарта, принятые Черчиллем при давлении Сити, привела к колоссальному обогащению кредиторов и лиц, имевших постоянный источник дохода за счет должников и трудящихся [9, с. 268-270]. Резко выросли социальные обязательства. Экспорт вздорожал, а цены падали, что вело к закрытию рынков и росту безработицы. При этом ни точка зрения парламентского большинства, ни мнение кабинета министров, взятого в целом, ничего не значили перед лицом оппозиции министра финансов, значение которого, по сути, было гораздо меньше, чем экономическое значение ведомств, связанных с производством и торговлей. В результате, большей части английской политической и экономической элите было не до Империи. Однако в мае 1926 г. года по инициативе Эмери, в то время министра по делам колоний, был создан Имперский маркетинговый совет для развития торговли внутри Британской империи и убеждения потребителей в необходимости «покупать британское», а также для продвижения концепции «Империи» [10, р. I], но в 1933 году его упразднили, т.к. на смену свободной торговле пришла система имперских преференций. К слову, за время своего недолгого существования Совет не смог увеличить объем импорта товаров из империи в Великобританию. К тому же в межвоенный период страх доминионов перед тем, что могло даже отдаленно напоминать централизованную империю, был необычайно велик. Не способствовало

единению империи и сохранение старых колониальных пережитков, вызывавших ощущение подчинения доминионов Британии. Но вызывает интерес вопрос, насколько Консервативная партия была вовлечена в процессы реформирования и укрепления империи. Для этого необходимо рассмотреть партийные манифесты консервативной партии в межвоенный период и стадийно им повестки имперских конференций. В результате получаем следующую картину.

1918 г. – признание заслуг доминионов и Индии в войне. Декларация о необходимости решения ирландского вопроса, без чего «не может быть политического мира ни в Соединенном Королевстве, ни в Империи» [11, р. 30].

1918 (12 июня – 26 июля) – Имперская военная конференция (Лондон).

Кроме экономических вопросов, был согласован вопрос работы делегации империи на Парижской мирной конференции [12, р. 531-532].

1922 г. – декларация о необходимости действовать «в тесной связи и постоянной консультации с правительствами доминионов, и Индии, чтобы наша политика полностью учитывала интересы и настроения наших соотечественников за рубежом и всегда пользовалась моральной поддержкой всего Британского Содружества». Признание необходимости ратификации Ирландского договора. Обязанность охранять свободу выбора и безопасность парламента Северной Ирландии. Преодоление анархии на Севере и Юге как залог процветания Ирландии. Содействие «спокойному и упорядоченному» развитию Индии в соответствии с конституцией (Акт о правительстве Индии 1919 г.), на основе сотрудничества всех классов и слоев населения [11, р. 36-38].

1921 (20 июня – 5 августа) – Имперская конференция (Лондон)

Главным вопросом конференции было согласование позиций в международной политике, в частности относительно отношений с США и Японией. На конференции должны были решить, продлевать ли в дальнейшем действие Англо-японского союза, но договоренности достичь не удалось и окончательное решение принято не было [13, р. 3-5].

1923 г. – Имперские преференции, которые позволят увеличить ассортимент и разнообразие продукции Империи. Содействие лучшему распределению населения с помощью Закона о расселении Империи. Особое внимание – развитию хлопководства за счет тарифов, для снижения стоимости сырья. Снижение пошлин на чай и сахар [11, р.45-47].

1923 (1 октября – 8 ноября) – Имперская конференция (Лондон)

В конференции принял участие созданный доминион – Ирландское Свободное государство. На конференции доминионы выступили за децентрализацию и расширение своих полномочий в ведении внешней политики и добились принятия резолюции, согласно которой все страны Британской империи получили право свободного подписания соглашений с иностранными государствами [14, р.13-15]. Также по итогам конференции в Великобритании, Новой Зеландии и Индии были созданы отделы научных и промышленных исследований, а в Австралии была проведена реструктуризация Института науки и промышленности Содружества.

1924 г. – 4 пункта: имперские преференции, единство империи, имперская внешняя политика, оборона империи. Развитие ресурсов и торговли Британской империи. Политика поощрения взаимной торговли в Империи с помощью имперских преференций и использования финансов для содействия развитию и расселению в Империи. Укрепление и развитие империи всеми возможными способами. Только благодаря полному сотрудничеству государств-партнеров Британского Содружества можно обеспечить общий мир, безопасность и процветание каждого из нас. Постепенное предоставление конституционных свобод во всех частях Империи, где способности и лояльность народа сделают эти меры благом для него самого и силой для Империи. Поддержка авторитета и единства Империи. Внешняя политика нашей страны

должна отвечать интересам доминионов и проводиться в самых тесных консультациях с их правительствами. Мы не будем принимать на себя никаких обязательств, касающихся вопросов мира и войны, без согласия доминионов. Оборона Империи – общие слова – «должны проанализировать», «тщательно изучить совместно с доминионами» и т.п. [11, р. 56-57]

1926 (19 октября – 22 ноября) – Имперская конференция (Лондон)

Главным решением конференции стало признание полной автономии доминионов в вопросах внешней и внутренней политики, а также подтверждение их равного государственного статуса с Великобританией как равноправных членов Содружества наций, что было утверждено Декларацией Бальфура [15, р. 12-13].

1929 г. – Политика любого британского правительства будущего должна основываться на принципе: единство Британского Содружества должно поддерживаться беспрепятственным сотрудничеством между его членами-партнерами, которые пользуются равной свободой под властью Короны. Во внешней политике, в обороне, в торговле и в миграции мы работали и будем работать, чтобы способствовать единству целей и всем формам полезного сотрудничества с доминионами. Среди этих форм сотрудничества ни одна не имеет такого значения, как политика имперских преференций. Мы выполнили все обязательства, данные на Имперской экономической конференции 1923 года, частично путем льготной отмены существующих пошлин, а частично путем создания Имперского совета по маркетингу (1926 г.). Преференции, которые мы тогда ввели, с тех пор были стабилизированы и расширены с отличными результатами. Наблюдается значительное расширение ассортимента товаров Империи. Имперский маркетинговый совет доказал свою ценность в качестве нового агентства имперского сотрудничества во многих отношениях, и не в последнюю очередь благодаря поощрению научных исследований как в Великобритании, так и в доминионах и колониях. Сегодня Империя является нашим лучшим рынком сбыта, покупая почти столько же нашей продукции, сколько все иностранные государства вместе взятые. Разрабатывая политику имперского развития, мы несем особую ответственность перед огромными колониальными территориями, за которые отвечает британская нация. Этот долг был определен в конце прошлого века Джозефом Чемберленом, когда он заявил, что эти территории должны рассматриваться как неосвоенные владения Британской империи, которые должны быть развиты британским капиталом и британским предпринимательством. Такая задача часто оказывается не под силу колонии, поскольку торговля и население будут следовать за открытием страны, а не предшествовать ему. Для этого необходимо улучшить транспорт и стимулировать производство с помощью научных исследований, но капитал, затраченный на эти цели, часто может не приносить отдачи в течение нескольких лет. Поэтому мы предлагаем расширить и ускорить политику, уже проводимую в Африке и других странах, которая за последние 4,5 года привела к столь значительному расширению колониального рынка для британской продукции. Будет создан Фонд колониального развития, который поможет колониальным правительствам в финансировании одобренных проектов развития. Выполняя таким образом свои обязательства перед местным населением и теми представителями нашей расы, которые связали с ним свою судьбу, мы рассматриваем использование британского капитала для финансирования британских предприятий как более плодотворное вложение средств для нашей страны, чем спекулятивные займы или гарантии иностранному правительству, которое растратило свои собственные ресурсы в бесполезной войне против капитализма и которое до сих пор не проявляло к нам ни дружеского расположения, ни готовности признать прошлые обязательства. Мы будем и впредь во всех сферах внешней политики действовать в теснейших консультациях и сотрудничестве с правительствами доминионов. Мы считаем, что это необходимо для сохранения единства империи и ее влияния в мировых советах [11, р. 70-71].

1930 (1 октября – 14 ноября) – Имперская конференция (Лондон)

На конференции были согласованы положения Вестминстерского статута, который был официально принят в 1931 г. и подтвердил основные положения об автономии доминионов. Также, были даны рекомендации по разрешению спорных вопросов между членами Содружества будут. Кроме того, были урегулированы экономические взаимоотношения между членами Содружества [16, р. 17-30, 39-73].

1931 г. – Проблема Империи заключается в том, чтобы обеспечить экономическое единство, к которому мы так долго стремились. Идеал имперского экономического единства широко распространен сегодня, и я уверен, что фундамент такого единства будет прочно и верно заложен при таком всеобщем согласии нашего народа, которое еще несколько лет назад казалось невозможным [11, р. 91].

1932 (21 июля – 20 августа) – Имперская экономическая конференция (Оттава)

В связи с Великой депрессией конференция была сосредоточена на экономических вопросах. Был подписан ряд соглашений и установлен режим «имперских преференций» с целью развития внутриимперской торговли. Конференция особенно запомнилась тем, что на ней были озвучены кейнсианские идеи, такие как снижение процентных ставок, увеличение денежной массы и государственных расходов [17, р. 20-27].

1935 г. – Соглашения, заключенные в Оттаве в 1932 году, ознаменовали начало новой эпохи в межимперских торговых отношениях. Результаты этих соглашений привели к увеличению занятости как в Доминионах, так и в нашей стране, не нанося ущерба остальному миру, и мы намерены и дальше развивать обмен товарами между нами и нашими партнерами в Империи, полагая, что любой рост их благосостояния всегда будет отражаться в увеличении объема британской торговли и занятости. Колониальная империя также получила значительную выгоду от договоренностей, достигнутых в Оттаве. Самая большая потребность британских колоний сегодня – это расширение их рынков. Особое внимание и сочувствие будет уделено возможностям создания дополнительных условий, которые позволят им выгодно продавать свою продукцию на мировых рынках и тем самым увеличить объемы закупок британских товаров. Растущий объем британского экспорта в доминионы и колонии в какой-то мере заполнил пробел, образовавшийся в результате сокращения международной торговли с 1929 года [11, р. 103].

1937 (14 мая – 15 июня) – Имперская конференция (Лондон)

Последняя Имперская конференция довоенного периода, созванная по случаю коронации Георга VI, была посвящена вопросам внешней политики и обороны на случай возможной войны. Также затрагивались проблемы внутриимперского гражданства и экономические вопросы [18, р. 12-36].

В итоге это сопоставление показало, что какой-либо связи содержания партийных манифестов и вопросов, которые рассматривались на Имперских конференциях нет, за исключением поворотных событий 1931 – 1932 годов. Но Х. Сесил писал: «Многие люди поддерживают консерваторов больше, чем любую другую политическую партию, потому что считают ее принципы по иностранным и колониальным вопросам мудрыми и патриотичными. Но эти принципы не просто обеспечили широкую поддержку Консервативной партии. Консервативная политика во внешних и имперских делах была в значительной степени принята и лидерами Либеральной партии за исключением фискальных разногласий, однако внешние дела страны больше не являются предметом явных партийных споров, а политика объединения империи была и будет оставаться главной целью консерватизма и сегодня» [2, р. 199].

Но иного мнения придерживался Л. Эмери, который едва ли не единственный был озабочен имперскими вопросами. А в это время «Болдуин успокаивал себя мыслью, что задача

премьер-министра не столько вырабатывать или навязывать свою политику, сколько не допускать злонамеренной политики со стороны других, пока он находится на своем посту» [9, с. 139-140], а назначение Черчилля он считал «гибельным» для нации и Консервативной партии, хотя в тот момент Англия и консерваторы крайне нуждались в позитивной политике, которая могла бы восстановить экономику, ликвидировав безработицу и возродив «идею империи у английских трудящихся» [9, с. 217-219, 271].

Подводя некий итог, необходимо отметить, что Великобритания и Консервативная партия в межвоенный период под давлением доминионов, перехвативших у нее политическую инициативу в расширении своих прав и экономических проблем постепенно, вынужденно двигалась в сторону демонтажа колониальной системы и замены ее Британским Содружеством наций. И как показал анализ особых заслуг в разработке принципов существования и развития империи у консервативной партии в межвоенный период не было. Разработка и внедрение этих принципов – это коллективный труд, который был начат, но не был завершен и в межвоенный период, однако в плане практического воплощения и поддержания мирного баланса взаимоотношений метрополии и доминионов приоритет несомненно принадлежит консерваторам, как основной политической силы страны того времени. А что касается тарифов, которые вначале были призваны способствовать имперскому единству, то они могли бы стать воплощением комплексной политической платформы консерваторов, которая, по крайней мере в теории, могла бы объединить интересы разных классов, и это было бы достигнуто за счет защиты британской промышленности и, как следствие, работников, занятых в этой промышленности. Кроме того, это дало бы возможность финансировать социальные реформы без необходимости увеличения налогового бремени на богатых и в соответствии с традицией торийского этатизма.

Библиографический список

1. Amery L.S. Union and Strength: A series of papers on imperial questions. London, 1912. 327 p.
2. Cecil H. Conservatism. London, 1912. 254 p.
3. Prescott W. The British Conservative Party and the State. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Oxford, 2020. 314 p.
4. Curtis L. A Letter to the People of India. 81 p.
5. Curtis L. Civitas Dei: The Commonwealth Of God. London, 1938. 985 p.
6. Curtis L. The Commonwealth Of Nations Part. I. London, 1916. 719 p.
7. Keith A.B. War Government of the British Dominions. London, 1921. 354 p.
8. Baldwin S. Democracy and the Spirit of Service / Baldwin S. On England, and other addresses. London, 1926. 275 p.
9. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 685 с.
10. Bower A.K. Consumers, Commodities, and the Empire Marketing Board, 1926-1933. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in History. Portland State University, 2019. 204 p.
11. British general elections manifestos. 1900-1974. London, 1975. 484 p.
12. Horne J. A Companion to World War I. London, 2011. 736 p.
13. Conference of Prime Ministers and representatives of the United Kingdom, the dominions, and India, held in June, July, and August 1921. Summary of Proceedings and Documents. London, 1921. 67 p.
14. Imperial Conference, 1923. Summary of Proceedings. London, 1923. 127 p.
15. Imperial Conference, 1926. Summary of Proceedings. London, 1926. 352 p.

16. Imperial Conference, 1930. Part I. Summary of Proceedings. London, 1930. 251 p.
17. Imperial Economic Conference, 1932. Report of the Conference. Ottawa, 1932. 159 p.
18. Imperial Conference, 1937. Summary of Proceedings. Ottawa, 1937. 73 p.

Сведения об авторах:

Федосов Андрей Владимирович, ассистент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, fedosov-andrey@yandex.ru

ПУТЬ В НАУКУ

УДК 94

М.А. Мешкова

ВОЕННЫЕ ЗАКУПКИ В США ДО 1916 ГОДА

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос исследования особенностей и развития военных закупок в США до 1916г. Принимается во внимание экономическая политика США, ведение военного хозяйства и организация ее структур, комиссий, снабжение вооруженных сил в предвоенный период. Особое внимание уделяется роли военно-технического сотрудничества, заключению межгосударственных договоров и союзов по закупкам, которые заложили основу для будущих закупочных военных проектов в годы Первой мировой войны. Анализируется значение заключения первых военных закупочных проектов и их развитие и влияние в развитии военно-экономического потенциала как в США, так и в странах, на которые распространились эти закупки. Рассматриваются достижения в сфере военных закупок, подчеркивая их значимость в способности США обезопасить себя и быть готовыми к военным конфликтам начала XX в.

Ключевые слова: военные закупки, первая мировая война, иностранные займы, страны Антанты, экономическое сотрудничество, политика «нейтралитета»

Meshkova M.A. Military Purchases in the USA before 1916

Abstract: The article examines the issue of studying the features and development of military purchases in the USA before 1916. The economic policy of the USA, the management of the military economy and the organization of its structures, commissions, and the supply of the armed forces in the pre-war period are taken into account. Special attention is paid to the role of military-technical cooperation, the conclusion of interstate treaties and alliances on purchases, which laid the foundation for future military procurement projects during the First World War. The article analyzes the significance of the first military procurement projects and their development and impact on the military-economic potential of both the United States and the countries that were affected by these purchases. The article examines the achievements in the field of military procurement, highlighting their importance in the ability of the United States to secure itself and be prepared for military conflicts in the early 20th century.

Keywords: military procurement, World War I, foreign loans, Entente countries, economic

К началу мировой войны 1914г. экономическая политика США находилась в состоянии «депрессии», однако спрос на военные материалы со стороны воюющих европейских держав, значительно поменял состояние Америки. [10, С. 465]. Важно отметить, что изначально страны Антанты не нуждались в заказах военных материалов у США, полагаясь на собственные силы, считая, что война будет не затяжной и сами смогут себя обеспечить, без посторонней помощи. Даже, когда обстановка изменилась, Англия в декабре 1914г. все равно считала, что нужно сдерживать себя в отношении заказов у США не нарушая пределы в 50 млн. долл. Но дальнейшая ситуация показала, что собственных военных материалов недостаточно следствием стало размещение военных заказов в Америке. [5, С. 61-62].

Размещение военных заказов стран Антанты в США были теснейшим образом связаны с проблемой финансирования воюющих стран. Вильсон негласно разрешил американским банкам выдавать кредиты участникам войны. Первоначально США официально отказывали странам Антанты в займе средств на военные нужды, так как это противоречило их политике «нейтралитета», были прописаны три причины отказа, всеми в дальнейшем они пренебрегли. Изначально Франция попросила заем, но Дж. Морган отказал, ссылаясь на правительство.

Тогда Франция предприняла еще попытку, но уже была вынуждена пойти на уступки, заверив Моргана, что займы будут израсходованы исключительно для закупки американских товаров. Но в то время американцы предпочли, чтобы воюющие страны закупали американские товары наличными, тем самым они рассчитывали на сохранение золота и вклада средств в американские банки. 14 сентября 1915г. официально объявлено, что США больше не будет препятствовать предоставлению займов воюющим странам. [5, С. 100].

Первые военные заказы у США совершила Англия в сентябре 1914г., закупив пшеницу и лошадей. В октябре было подписано соглашение об американских поставках винтовок. Затем последовали и другие военные закупки. Также в Англии была создана специальная правительственная комиссия, которая занималась приобретением в США нужных товаров. [5, С. 49].

Военный бизнес США рос с небывалой скоростью еще с конца 1914г. К декабрю 1914г. 35% всех текстильных фабрик США переключились на выполнение военных поставок. Больше количество заказов стали получать такие фирмы как: Винчестер, Вифлеемская стальная корпорация, компания Дюпона с сентября по декабрь 1914г. сумма заказов составила — 20 млн. долл. В 1915г. — 108 млн.долл. Был виден оживленный всплеск производства у многих фирм, росла торговля и экспорт.

Несмотря на то, что, США только переводили экономику на военные рельсы и предприятия не были ранее специализированы на выпуске военной продукции, уже к началу войны свыше 15% заводов оказались в состоянии производить оружие, артиллерию и снаряды. [7, С. 154].

Вывоз США в государства Антанты возрос с 927 000 000 долларов за 1914 бюджетный год до 2 432 000 000 долларов в 1915 г. и до 3 012 000 000 долларов в 1916 г. Эти иностранные заказы касались взрывчатых веществ, железа, стали, меди, латуни, бронзы, цинка, автомобильных частей, консервов, мяса и других подобных вещей. В результате этих военных заказов, фирмы, которые ими занимались значительно расширились и процветали. [1, С. 362].

15 октября 1914г. было подписан акт, о содействии вывоза американских товаров в воюющие страны, тем самым промышленникам и экспортерам было дано право, продавать любой товар, странам, участвующим в войне. Вильсон назвал этот документ «превосходным»

Говоря о военных закупках между США и странами Антанты, стоит отдельно обратить внимание на характер русско-американских экономических отношений и рассмотреть, как протекала обстановка по делу о снабжении России американскими военными поставками. Как известно из многочисленных источников об экономических связях России и США до первой мировой войны, были незначительными. Американский капитал и в целом экономическое сотрудничество между двумя странами имели не серьезные позиции. Приближение войны способствовало росту объема русско-американской торговли (преимущественно американский ввоз в Россию), заключению отношений по вопросу военных закупок и развертыванию экономических предприятий, и развитию экономических отношений в целом.

Заготовительное дело в Америке начинается с Комиссии Щербатского при российском посольстве. Начало войны выпало на состояние экономического застоя на американском рынке — большой сбыт товаров с переходом на военное положение потерял свою былую ценность. Размеры американской промышленности требовали помещения товаров на внешних рынках, что сделало их более чуткими ко всем призывам, которые открывали им новые возможности для сбыта залежавшихся товаров. На призыв к американским фирмам о закупке товаров для России посыпалась огромная масса предложений, которыми была загружена вся контора Щербатского [4, С. 16].

В первые месяцы войны в планах Америки уже была широкая активизация экономического проникновения в Россию и содержала в себе явный элемент авантюризма. В своем положении Россия начала искать экономическую поддержку у США. Решение Совета министров касалось вопроса о выпуске в Америке краткосрочных обязательств государственного казначейства для оплаты военных заказов и поставок промышленного оборудования.

Американские капиталисты стремились закрепить за собой русские заказы, чему свидетельствовал проект Национальной ассоциации промышленников (НАП), предложенный русскому правительству с момента образования русским послом в США закупочной комиссии. НАП предлагала разместить все русские правительственные заказы среди предприятий, являющихся ее членами, при этом обещая низкие цены и отказ от процентов. В своей «добродетельности» НАП преследовало следующие цели: захватить в собственные руки распределение русских заказов и вознаградить себя за подаренные России комиссионные.

Состояние России было достаточно в тяжелом положении, она была вынуждена прибегнуть к заказам военно-технического имущества за границей. Тем самым поставки оружия, сырья, техники стали для России средством преодоления кризиса вооружений. Историческое мнение спустя годы, анализируя принимаемую помощь со стороны стран союзников и США относились отрицательно, считая, что, масштабы помощи ограничивались промышленным потенциалом союзников, в частности касаясь заказов в США, считалось, что американские фирмы изначально брали заказы, которые не могли выполнить в виду слабой технической оснащенности. [2, С. 99].

Англия и Франция, не смотря на свои богатые рынки, не могла обеспечить Россию теми средствами, в которых нуждались сами, именно поэтому, Англия, чтобы не терять торговые связи с Россией, пыталась путем закупок нужных товаров в Америке удовлетворить спрос со стороны России. [4, С. 14].

Возникли трудности в отношении поступления заказов, не было системы и возникла угроза для США, что Англия начнет контролировать отдельные отрасли американской экономики, именно поэтому возникла необходимость, что руководство организацией снабжения воюющих стран должно полностью перейти к американцам. За решение этого вопроса взялся крупный монополист Морган, который уже давно был связан с деловыми кругами Англии и занимался снабжением ее товарами.

15 января 1915 года по соглашению с английским правительством Морган был облечен функциями коммерческого агента по всем закупкам и заказам английского правительства в США. К такому же соглашению подталкивали Россию и Францию. Русская сторона уклонилась от этого соглашения, но формально это ничего не дало, Морган все равно осуществлял закупки для России. Компания Моргана организовала экспортный департамент, возглавляемые Э. Стеттиниусом, главной задачей которого было размещение в США заказов Антанты.

Многие американские дельцы были заинтересованы в сближении с Россией. Не отставал от этой идеи и торговый дом Дж. Моргана был заинтересован, чтобы русские заказы проходили через его посредство, он делал невозможным заем заводами нужных кредитов в банках, которые давали бы заводам возможность употребить их частью на расширение производства или приспособление их для производства предметов боевого снабжения. [4, С. 20].

Многие заводы показали свою несостоятельность, заказы не были подготовлены в срок, к заказам не приступали, для них нужен был новый капитал, который не имели заводы. Не сделав ничего в плане закупок, русские чиновники решают оставить выгодный для их кармана способ закупок путем заключения сделок с заводами через Моргана. Тем самым Россия идет на сближение с конторой Моргана и целиком попадает в его «карман».

Россия практически теряет возможность закупок из-за кредитов, что ей приходится идти на следующий план: путем помещения английских ценных бумаг и облигаций внешних займов на американском рынке. Первое время контракты на закупки составлялись от имени Британского правительства, чему свидетельствует контракт от 9 сентября 1915 г. на дополнительные 300 000 винтовок, закупленных у Ремингтон Армс Юнион Металлик Картридж Ко. [4, С. 24].

Важным этапом за овладение монопольным правом контроля за заказами России за границей, и главным образом в США является получение в сентябре 1915 г. 5 процентного американского займа в 500 млн.долл. Для оплаты союзнических заказов в США. [7, С. 153].

Бизнес Моргана в области экспорта военных материалов из США составил в годы войны 1465%, в предвоенные годы 84%. В 1914-1915гг. поставки по моргановским контрактам составили Францию 49%, в Россию 44%, в Англию 32% всего экспорта США в эти страны. В первый год войны экспорт из США по таким статьям, как пшеница, сталь, цинк, огнестрельное оружие, патроны, артиллерийское снаряжение, порох и другие взрывчатые вещества, колючая проволока в Россию, Францию и Англию составил соответственно 8 882 597, 102 189 478, 115 639 255 долл. Для русско-американской торговли это был значительный этап развития их отношений. Особое значение имел ввоз металлических изделий, сельскохозяйственных машин. А также подвижной состав и прочее железнодорожное оборудование — 137 млн. руб. В 1915г. Америка превратилась в страну кредитора, возросли курсы акций монополий, перешедшие на военное производство.

Планы по экономическому проникновению в Россию стали обсуждаться еще с большей настойчивостью. Сама же Россия была недовольна своими союзниками и шла к выводу, что именно Америка должна заменить Германию на русском рынке, как импорт товаров и капиталов. [11, С. 15]. Еще в 1913 году московскими капиталистами была организована русско-американская торговая палата, в 1915 году в своей газете провозгласившая следующие цели: организация прямого товарообмена между Россией и США и широкое привлечение в Россию американского капитала.

Лето 1915 г попытки Моргана заставить русское правительство отдать русско-американскую торговлю во всем объеме. Первая касалась военных заказов. Англия на тот момент была согласна пойти на сближение с Морганом и оказать ему услугу по пересмотру договора, так как тоже хотела заполучить русские военные заказы в Америке. [3, С. 32-33].

Соглашение в Лондоне от 17 сентября предусматривало вывоз в Америку русского золота на 40 млн. ф. ст. (Англия и Франция также принимали участие). Россия получила возможность маневра на американском денежном рынке, поскольку имевшие особую срочность русские военные заказы в США оплачивались из сумм английского займа. Профессор военно-промышленного комитета в США Б.А. Бахметев видел в ситуации покупок через Англию и Моргана - отрицательное влияние на финансовое положение США - все выходило дороже, невыгодно и унижительно.

Также данное соглашение о займе союзников у США осложнило ситуацию с тем, что привнесло затруднение по размещению новых русских займов в Америке. Реакция американских монополистов была положительной, считали, что Россия станет более покладистой, так как зависима от кредитования американцами. Чтобы ускорить дело с закупками и наладить гармонию между двумя странами, Петроград посылает своего человека в Америку - генерала Сапожникова, но наладить отношения по вопросу закупок не только не получается, но и усложняется некомпетентным вмешательством и указаниями со стороны нового начальства. Несмотря на все недочеты в Америке быстрыми темпами развивается русское заготовительное дело, самые крупные американские заводы — заняты русскими заказами. В данном положении

начинается конкуренция между заводами, и чтобы систематизировать деятельность русских заготовительных учреждений необходим был единый управляющий орган.

Тем самым в сентябре в Америке был создан Русский заготовительный комитет, возглавляемый Б.А. Бахметевым, который начал свою деятельность с 13 октября 1915 г. Именно он сыграл значительную роль в поставке винтовок в 1915г., так как 60% поставленных винтовок были иностранного образца. [2, С. 100].

Сразу же после создания он начинает действовать с реорганизации заготовительного дела, основываясь теперь на системе разделения труда. До начала его работы всего было размещено заказов на сумму 450 млн.долл., в эти заказы не включалась сумма тех, что были переданы через Лондон. Заказы заготовительного комитета проводились без английского контроля.

Однако 25 октября 1915 г. был заключен новый порядок работы комитета, где заказы можно было разместить только лишь с предварительного соглашения английского казначейства, тем самым сохранялся контроль со стороны Англии и затормозилась деятельность самого комитета. [8, С. 164].

М.И. Гайдук, считает, что закупочное дело между Россией и США была неэффективным и достаточно убыточным для России из-за некомпетентности и корысти американских дельцов. Петроград рисовал для себя картину, что Америка окажет помощь по военным закупкам в мгновении ока, однако на деле оказалось, что американский производитель не может удовлетворить требованиям, которые ставились на рынке заготовительными учреждениями. Американцы брали много, а потом понимали, что задача не по силам. [9, С.356].

Помощь союзникам в закупочном деле привела США к тому, что образовался упадок во внешней торговле, так как их техника и суда, которые служили для обычных товаров, также перешли на военный лад. Свыше 60% ввоза отправлялось странам союзникам, а от них получали мало из-за малых излишков. [1, С. 391].

С момента как война стала приобретать затяжной характер и показала нужду европейских стран от военных заказов с США, стало ясно, что для самой Америки показывается перспектива превращения США в самую сильную капиталистическую державу мира и осуществить это можно только с условием затяжной войны между Антантой и Германией, убедившись в этом, они были уверены, что страну можно переводить на выпуск военной продукции, что рост военных заказов будет расти.

Америка больше ориентировалась на мирной производительности и для него были смутны представления о военной промышленности, им не приходила в голову мысль о создании пушечного или порохового завода, тем самым с начала войны США оказалось в смятении, было ясно, что Европа сейчас потребует — пушку и винтовки. Именно поэтому пришлось организовывать новое производство, с которым были мало знакомы — военное и подстраиваться под новые реалии.

Не смотря, на то новый этап для промышленности США, они с небывалой хваткой набрасываются на русские заказы, не думая, смогут ли их реализовать или нет. Тем самым многие конторы разоряются или терпят убытки. С течением времени американцы становятся более осторожными по вопросу закупок, поэтому при новых заказах устанавливают высокие цены.

Одной из главных причин развития военных закупок и в целом развития экономического сотрудничества США со странами Антанты стала нужда европейских воюющих стран в сырье, продуктах, техническом оснащении, так как в самих странах было приостановлено производство продуктов мирного времени, что создало для военных союзников необходимость военных закупок у США. Превышение вывоза над ввозом, которое много лет не менялось,

сильно изменило ситуацию и привело к экономическому скачку и в целом к реорганизации производства США, которое подстроилось под новое положение из-за войны, особенно отразилось на фабричном деле. С поступлением военных заказов прибыли США подскочили вверх, выросло число добычи угля и железной руды, заводы стали работать на полную мощность, американская экономика процветала.

Библиографический список

1. Богарт Э.Л. Экономическая история Соединенных Штатов. – М., 1927.
2. Виноградов П. В. Исследование военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны в отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 98–105.
3. Ганелин Р.Ш. Россия и США: Очерки истории русско-американских отношений. 1914–1917» — М., 1969. 423 с.
4. Гайдук М.И. Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918. 144 с
5. Гершов З.М. «Нейтралитет США» в годы Первой мировой войны., М — 1962. 243 с.
6. Гершов З.М. Вудро Вильсон — М., 1983. 336 с.
7. Лан В. США от первой до второй мировой. — М., 1947. 485 с.
8. Лебедев В.В. русско-американские экономические отношения (1900-1917гг.) — М., 1964. 378 с.
9. Россия и США: дипломатические отношения. 1900– 1917 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. Москва: МФД, 1999. 856 с
10. Севостьянов Г. Н. История США Т.2. 1877-1918 — М., 1983. 600 с.
11. В. М. Таралеко Заготовительное дело в сфере военного имущества: к деятельности русского заготовительного комитета в Америке в 1917 г.

Сведения об авторе:

Мешикова Мария Александровна, студентка Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г.Липецк, e-mail: maria.m017@yandex.ru

УДК 94

О.А. Перцева

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ РУМЫНИИ К АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИИ (1881-1918)¹

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос территориальных претензий Румынии к своим ближайшим соседям – Российской и Австро-Венгерской империям. Анализируется изменчивый курс румынской дипломатии в отношении Трансильвании, населённой преимущественно этническими румынами. Уделяется внимание бессарабскому вопросу, который по результатам Берлинского конгресса 1878 г. был решён не в пользу Румынии. Статья показывает, как эти территориальные претензии смогли стать одной из ключевых причин вступления Румынии в Первую мировую войну. Желая вернуть Трансильванию и Бессарабию, Карл I отступится от Тройственного союза и заключит соглашение со странами Антанты.

Ключевые слова: Румыния, Бессарабия, Трансильвания, Первая мировая война, мадьяризация, Тройственный союз, Антанта

Pertseva O.A. Romania's territorial claims against Austria-Hungary and Russia (1881-1918)

Abstract: The article examines Romania's territorial claims against its immediate neighbors, the Russian and Austro-Hungarian Empires. It analyzes the fluctuating course of Romanian diplomacy regarding Transylvania, which was predominantly inhabited by ethnic Romanians. Attention is given to the Bessarabian issue, which was resolved against Romania at the 1878 Congress of Berlin. The article shows how these territorial claims became one of the key reasons for Romania's entry into World War I. Seeking to regain Transylvania and Bessarabia, Charles I would abandon the Triple Alliance and enter into an agreement with the Entente powers.

Keywords: Romania, Bessarabia, Transylvania, World War I, Magyarization, Triple Alliance, Entente

Первое десятилетие становления румынской государственности сопровождалось чередой трудностей и испытаний. По результатам Русско-турецкой войны в 1877-1878 гг., согласно Статье XLIII Берлинского трактата: «Высокие договаривающиеся стороны признают независимость Румынии...» [9, С. 200]. Подобный жест Великих держав не был просто «щедрым подарком». Княжеству требовалось соблюсти несколько условий: разрешить железнодорожный вопрос с Германией и даровать нехристианским народам (в первую очередь 300 тыс. еврейскому населению) право получить подданство. После своеобразного урегулирования данного вопроса посредством введения в Конституцию 1866 г. ряда правок и покупки дорогостоящей неперспективной железнодорожной концессии, великие державы в лице Германии, Австро-Венгрии, Англии и Франции признали самостоятельность Румынии. Россия и Италия сделали это гораздо раньше. Петербург признавал бывшую союзницу ещё во время оглашения условий на Берлинском конгрессе «под честное слово» [2, С. 157]. Рим, пренебрегая немецким бойкотом, дал согласие в ноябре 1878 г. [2, С. 179].

Несмотря на то, что в ходе Берлинского конгресса Румыния получала Северную Добруджу, она была вынуждена уступить: «обратно е.в. императору всероссийскому часть бессарабской территории, отошедшей от России по Парижскому трактату 1856 г., ограниченную с запада руслом Прута, с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула» [9, С. 201]. Утрата Бессарабии в пользу Российской империи поспособствовала, по мнению известного румынского историка Н. Йорга «созданию вражды насмерть между румынами и русскими» [3, С. 135]. В ходе конгресса И. Брэтиану призывал европейские державы пересмотреть

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ Тихонов Юрий Николаевич

данное решение. По мнению румынского премьер-министра: «...Лишение нас части нашего достояния породит у румынского народа не только скорбь, но и разрушит у него всякое доверие к святости договоров..., парализует его мирное развитие и его порыв к прогрессу» [3, С. 137]. Бухарест претендовал на Бессарабские территории, апеллируя к истории. В XV в. Южная Бессарабия входила в состав Молдавского княжества, впоследствии попавшего под завоевание и управление Османской империи. Петербург же не считал, что каким-то образом нарушает румынские национальные права, так как румынское население на юге Бессарабии было представлено в меньшинстве. В ходе затяжного дипломатического конфликта, румынская сторона сделала заявление, что ранее не имела ни малейшего представления о претензиях России на бессарабские территории. Однако, подобный тезис развеивается депешей Д. Стюарта от 12 марта 1877 г., в котором российский генеральный консул сообщает, что И. К. Брэтиану признает: «Бессарабия впредь потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот лоскуток земли» [3, С. 136]. В результате агрессивных заявлений румынской стороны, Российской империи пришлось напомнить новорождённому государству о своем статусе великой державы и пригрозить оккупацией и разоружением румынской армии.

Несмотря на то, что румынской дипломатии не удалось заполучить желаемое на Берлинском конгрессе, бессарабские надежды не были преданы забвению. Так, в ходе переговоров накануне вступления в Тройственный союз, И. Брэтиану неоднократно намекал о территориальных интересах своего государства в случае возможной войны с Россией, предполагающие возвращение Бессарабии [4, С. 202]. Подобная риторика тут же была пресечена и Германией, и Австро-Венгрией. В результате бессарабский вопрос для Румынии был «заморожен» вплоть до революции 1917 г. в Российской империи и утраты её контроля над этими территориями.

Не последнее место в румынской истории занимает Трансильванский вопрос. Несмотря на заключение между странами Тройственного союза и Румынией в 1883 г. (с Италией в 1884 г.) секретного оборонительного договора, вопрос с румынами, проживающими на территориях Габсбургской империи, решен не был. Территории Трансильвании, населенные преимущественно румынским крестьянством, с 1868 г., после принятия закона о национальностях, как и большинство других народов, начали подвергаться всё более активной мадьяризации. Так, венгерское правительство начало проводить политику распространения венгерского языка среди всех немадьярских жителей. В 70-е годы XIX в. лишь 42,2% (5818 из 13 798) всех школ вели обучение на венгерском языке. В остальных учебных учреждениях образовательные программы велись на родных языках: словацком, румынском сербском и т.д. С 1879 г. во всех народных школах, в качестве обязательного предмета вводился венгерский язык. Через четыре года во всех гимназиях и реальных училищах венгерский язык и литература были объявлены обязательными предметами. С одной стороны, в условиях многонациональности необходимость единого государственного языка полностью обоснована. С другой, стороны венгерское просвещение стремилось перевести все национальности исключительно на свой язык, полностью предав забвению их родной. Кроме того, резкий переход на другой язык, способствовал снижению качества обучения детей других национальностей по сравнению с ровесниками венгров [5, С. 227-228].

Подобные методы образовательной и национальной политики постепенно начали собирать вокруг себя недовольства не только в среде многонационального населения. Так, Лайош Мочари – венгерский политический деятель, с трибуны парламента заявил о том, что просветительские органы на самом деле лишь прикрываются интересами венгерского народа. Истинной целью такая политика видит ассимиляцию национальностей. Оратор предупреждал,

что подобные действия спровоцируют лишь усиление оппозиции и отторжение всего венгерского. В 1888 г. получив огромную поддержку от румынского населения и румынской национальной партии, он вновь занял место в парламенте. Однако среди своих консервативных венгерских коллег Л. Мочари получил огромное количество критики и даже травли как на трибуне, так и в прессе [6, С. 275-276].

На территориях Румынии к вопросу ассимиляции своих собратьев всегда относились с трепетом. В результате усиления нажима Венгрии, возник комитет, основной целью которого было – объединение всех территорий, населённых румынами в единое государство. В мае 1887 г. состоялся очередной съезд комитета, где возникла идея о необходимости создания меморандума. В документе содержались претензии и обиды, нанесенные румынскому населению в Венгрии за последние 25 лет. Отдельное внимание уделялось неисполнению закона о национальностях 1868 г., а также несправедливому характеру избирательного закона в Трансильвании. 29 мая 1892 г. делегация из трёхсот человек во главе с И. Рациу, направились лично передать меморандум Франц-Иосифу. Выяснилось, что без согласия Будапештского кабинета ни один документ не может быть передан королю. В силу обстоятельств делегаты были вынуждены сдать свои письменные намерения в руки начальника канцелярии. Обратную связь румынские представители получили в виде судебного процесса и вынесения приговоров о тюремном заключении для 13 человек. Резонансный случай тут же получил широкую огласку, в том числе за территориями Трансильвании. Согласно сообщению Н. Врангеля от 6 августа 1893 г.: «Полная бесправность и притеснения, претерпеваемые трансильванскими румынами от венгерских властей, не могли не вызвать сочувствия в пределах королевства. Предание суду лиц, подавших известный меморандум императору Францу Иосифу, жестокое обращение венгерских властей с заключёнными в тюрьме трансильванскими патриотами..., новые стеснительные меры, принятые в Трансильвании исключительно по отношению к румынам ввиду съезда в Сибиу, придали недовольству этому более острый характер. Не только в главных центрах королевства, но и во второстепенных городах, стали открываться отделения так называемой «Культурной лиги румын», общества, задавшего целью способствовать облегчению участи трансильванцев. Члены этого общества насчитываются тысячами, и во главе его встали видные политические деятели королевства, профессора бухарестского и ясского университетов и почти вся учащаяся молодёжь...» [1, С. 289]. Благодаря Культурной лиге и её отделениям, данный процесс был освещён в европейском обществе, в результате им заинтересовались такие видные деятели как Жорж Клемансо и Уильям Гладстон. Берлинская консервативная газета «Крайццайтунг», а также французская, итальянская и бельгийская пресса осудили действия венгерского правительства, встав на сторону трансильванских румын [6, С. 276-278].

Долгие годы румынские территориальные устремления в отношении России и Австро-Венгрии оставались лишь в умах как несбыточные мечты. С Австро-Венгерской империей с 18 октября 1883 г. Румыния была связана союзническими обязательствами. С Российской империей было сложнее. Несмотря на охлаждение отношений после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Бухарест не получил поддержки Тройственного союза на развязывание конфликта с Россией. Бисмарк в ходе переговоров накануне объединения предупредил Брэттиану, что «для Австрии, как и для нас, война с Россией, даже победоносная, является эвентуальностью, которую мы по возможности стремимся избежать; расширяя нашу лигу, мы хотим воспрепятствовать войне, а не приближать её» [3, С. 146].

К 1914 году, ситуация изменилась, началась Первая мировая война. Карл I, самого начала был настроен на вступление в неё на стороне Тройственного союза, с которым был связан обещаниями. Однако, поддержки в правящих кругах он не нашёл. Не смотря на немецкие обещания бессарабских территорий, представление о России как о балканской угрозе

поутихли. Наиболее лакомым кусочком начинала видеться Трансильвания с её 3-х млн. румынским населением. Так, Румыния приняла решение занять позиции «нейтралитета», до момента пока в конфликте не выявится победитель. На протяжении двух лет премьер-министр Ионел Брэтиану ловко маневрировал между двумя лагерями, чтобы в нужный момент окончательно выбрать сторону [8, С. 537-539]. В первые годы войны – 18 сентября 1914 г., премьер сумел заключить с Российской империей невероятно выгодное для Румынии соглашение. В соответствии с ним, Россия «принимает па себя обязательство признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии...» и соглашается на то, что «Румыния может занять означенные выше территории в момент, который она сочтет удобным» [9, С. 426]. Единственным условием для Румынии было требование сохранять «доброжелательный нейтралитет в отношении России» [9, С. 427]. Относительно военного вмешательства Бухарест не давал никаких гарантий, но получал одобрение территориальных устремлений в Австро-Венгрии от Великой державы, которая также обещала заручиться одобрением этого вопроса со стороны союзниц – Англии и Франции. Окончательное присоединение к Антанте случилось после Брусиловского прорыва, когда российская армия перехватила стратегическую инициативу в войне. В большей степени данному союзу способствовали французы и англичане, стремившиеся отвлечь Германию от Западного фронта. В результате 4 августа 1916 г. Румыния становилось страной-участницей Антанты. В новых обстоятельствах Румыния претендовала не только на Трансильванию, но и на Западный Банат, Северную Буковину и некоторые районы близ р. Тисы [6, С. 543-544]. Румынская кампания не отличилась выдающимися успехами, несмотря на внушительные 670 тыс. солдат. После выхода России из войны, 24 апреля 1918 г. Румыния под давлением Центральных держав также была вынуждена пойти на сепаратный мирный договор. Однако, уже осенью того же года, благодаря успехам Антанты, 28 октября королевство вновь вступило в войну на стороне Англии и Франции. Подобное решение поспособствовало появлению Румынии на Парижской конференции в числе стран-победительниц.

В условиях распада Австро-Венгерской империи, территории с невенгерским населением начали активно подвергаться сепаратистским настроениям. Так, 1 декабря 1918 г. вошел в историю Румынии как день «Великого объединения». 1228 делегатов Национального собрания Трансильвании в Алба-Юлии приняли решение об объединении с Румынией [7, С. 507-508]. Похожая ситуация обстояла и в России. Бессарабские территории, ставшие отчасти независимыми после революционных событий, 27 марта 1918 г. приняли решение на заседании Совета края о присоединении к Румынии. Официальное объединение было закреплено Трианонским мирным договором 28 октября 1920 г. в Статье 45: «Венгрия отказывается..., в пользу Румыний от всяких прав и правооснований на территории бывшей австро-венгерской монархии, расположенные по ту сторону границ Венгрии, как они установлены в статье 27 Части II (Границы Венгрии) и признаны настоящим Договором или всякими иными Договорами, заключенными в видах урегулирования современного положения вещей, как входящие в состав Румынии» [10, С. 24].

Таким образом, придерживаясь стороны силы, Румыния за 37 лет смогла добиться включения в свой состав желанных территорий. Присоединение Трансильвании, Бессарабии и ещё ряда не менее значимых территорий ознаменовало новый этап развития государства, который войдет в историю как период «Великой Румынии».

Библиографический список

1. Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898) / editor: Flavius Solomon [et al.]. – Iași : Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2014. – 459 p.
2. Агаки, А. С. Присоединение Румынии к Тройственному союзу / А. С. Агаки // Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени : [сборник статей]. – Кишинев : Штиинца, 1988. – С. 152-178.
3. Виноградов, В.Н. Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914) / В.Н. Виноградов. – Москва: Индрик, 2003. С. 135-164.
4. Ерусалимский, А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм / А.С. Ерусалимский. – Москва: Наука, 1968. – 284 с.
5. Исламов, Т.М. Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней /Т.М. Исламов, А. И. Пушкеш, В. П. Шушарин; ответственный ред. Т. М. Исламов; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва: Наука, 1991. – 606 с.
6. История Венгрии: в 3 томах / [редколлегия: Т. М. Исламов (отв. ред.) и др.]; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва: Наука, 1971–1972. – Т. 2. – 1971. – 600 с.
7. История Румынии / И.-А. Поп, И. Болован (координаторы) [и др.]; перевод с румынского. – Москва : Весь Мир, 2005. – 680 с.
8. История Румынии. 1848–1917 / отв. ред. В.Н. Виноградов; редакционная коллегия: В.Н. Виноградов, Я.С. Гросул, Ю.А. Писарев [и др.]. – Москва: Наука, 1971. - 668 с.
9. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под редакцией Е. А. Адамова ; составитель И. В. Козьменко. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 462 с.
10. Трианонский мирный договор: полный перевод с французского текста / под редакцией Ю.В. Ключникова и Андрея Сабанина; со вступительной статьей Ю.В. Ключникова. – Москва: Издание Литиздата НКВД, 1926. – 109 с.

Сведения об авторе:

Перцева Ольга Александровна, студентка Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, e-mail: rashom0nn@yandex.ru

УДК 94 (439)

И.И. Понарьин

СЕРБСКАЯ АРМИЯ В 1915-1918 ГГ.¹

Аннотация: В статье исследуется положение сербской армии в 1915-1918 годах. Рассматривается состояние сербской армии и боевые действия сербской армии на Салоникском фронте. Затрагиваются вопросы путей снабжения войск при фактической утрате государства. Особенное внимание уделяется роли сербских войск во время Вардарского наступления, определившего исход балканской кампании. Выводом работы является то, что не смотря на фактическую утрату государства, сербская армия с мужеством и большой ценой, в тяжелейших условиях отстояла независимость Сербии и по праву входит в ряд победителей в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Салоникский фронт, Сербия, Болгария, армия

Ponaryin I.I. The Serbian Army in 1915-1918

Abstract: This article examines the situation of the Serbian Army from 1915 to 1918. It examines the state of the Serbian Army and its combat operations on the Salonika Front. It addresses the issue of supply routes for troops during the virtual loss of their state. Particular attention is given to the role of Serbian troops during the Vardar Offensive, which determined the outcome of the Balkan Campaign. The conclusion of the work is that, despite the virtual loss of their state, the Serbian Army, with courage and at great cost, defended Serbia's independence under extremely difficult conditions and rightfully ranks among the victors of World War I.

Keywords: Salonika Front, Serbia, Bulgaria, Army

Первая мировая война вошла стала одним из самых массовых конфликтов в истории человечества. С 1914 по 1918 годы десятки миллионов людей были оторваны от своего быта, будучи мобилизованными, а убитые и раненные исчисляются миллионами и десятками миллионов. И среди многочисленных жертв этой войны, нередко забывается народ, который первым пострадал от австро-германской агрессии – сербов. Сербия в ходе осеннего наступления Центральных держав в 1915 году, была полностью оккупированной, но сохранила армию, закалённую страданиями эвакуации и боями в Салониках. Армию, которая в 1918 году будет освобождать свой дом.

Что из себя представляла Сербия и её армия с января по октябрь 1915 года. Сербь пережили потерю и возвращение Белграда, и австрийские зверства на занятых ими в ходе удара землях [3, с. 72], а также потеряли в ходе двух австрийских наступлений до 180 тыс. человек ранеными и убитыми [8, с. 36]. В конце 1914 года на Сербию обрушилась эпидемия, распространяемая антисанитарией и отсутствием специалистов [5, с. 104], унесшая множество жизней гражданских [3, с. 49], военнопленных [3, с. 46] и выводя из строя целые воинские подразделения [5, с. 103]. Почти всё взрослое мужское население оказалось под ружьём, а властями для нужд армии был изъят весь тягловый скот [9, с. 664]. Уже осенью 1914 года, сербы столкнулись с проблемой продовольствия и не могли обеспечить хлебом ни солдат ни гражданских, а цены на него взлетели в 5 раз. Закупали его у других стран через Болгарию [5, с. 102] у России [5, с. 99], или морем у США [3, с. 50] и других стран. Союзники хоть и присылали сербам снаряжение, как например Россия [9, с. 666], не устранили дефицит и обмундирования всё равно не хватало [3, с. 38], а оружие, покупалось за огромный кредит [5, с. 96].

Такой Сербия вошла в 1915 год, надеясь на то, что Болгария не вступит в войну. Однако болгарские партизаны уже прошупывали сербов на прочность ещё до официального

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ Тихонов Юрий Николаевич.

объявления войны, пытаясь перекрыть ЖД пути [3, с. 39], что вынуждало сербов ставить охрану вдоль границ. Но не только битым было Сербское королевство. В июне 1915 года сербские войска вторглись на территорию Албании, что было нейтральным государством, и взяла под контроль столицу государства, Тирану и важный стратегический пункт, город Эльбасан [9, с. 662]. Данная акция не имела под собой реальной политической необходимости, и привлекло общественное внимание и недовольство союзников, которые вынудили сербов отступить из Албании. Особенно сильно это повлияло на Итальянское отношение к Сербии, которое и раньше видело в ней проблему, не говоря уже об народном мнении самих албанцев. И те и другие, в самый тяжёлый час для сербского народа, напомнят о цене этой ошибки со стороны сербской власти.

К октябрю 1915 года, сербская армия насчитывала около 400 тыс. бойцов [6, с. 118], что является внушительной силой, для страны с население 4,6 млн. человек [8, с. 8]. После поражения осенью 1915 года, сербы стремительно отступали, а потеря страны стала неизбежной. В этой ситуации королём и правительством было принято решение сражаться до конца. Потерять страну, но сохранить армию [5, с. 151]. Эвакуация проходила через Черногорию, а когда и та была на грани капитуляции, то через нейтральную Албанию. Сразу же сербы столкнулись с рядом проблем. Так, например, недавно мобилизованные бойцы эвакуировались без оружия [1, с. 65] и гибли под ударами противника, многие армейские подразделения голодали [1, с. 136], так как бросили или уничтожили запасы продовольствия, чтобы те не попали к врагу, а сам поход пролегал через албанскую труднопроходимую местность [5, с. 153], где сербские войска регулярно подвергались нападению албанцев [5, с. 169], за что саму эвакуацию прозывают «Албанской голгофой». Бойцы проходили в 10-15 дневных переходах, зимой, бежав горными тропами на расстояние в 100 километров, питаясь в день 200 граммами кукурузы вместо хлеба [8, с. 57].

Уводили войска и морем, через всё те же страны, но и этот путь был не менее трудным. Мало было того, что в Адриатике рыскали австрийцы, задерживая отплытие, так ещё и итальянцы снабжали сербов по остаточному принципу, согнав их в лагеря, окружные колючей проволокой [1, с. 163]. Продовольствие толком не поступало, солдаты по неделе могли ничего не есть [1, с. 163], нередко сербы обменивали свои личные вещи, обувь, даже палатки на еду [1, с. 180]. Итальянцы запрещали сербам выходить из лагерей [5, с. 170] и появляться в албанских городах [4, с. 144], а некоторым частям и на берегу. Люди массово умирали, а отношения с итальянцами быстро стали настолько напряжёнными, что дело едва не доходило до драк [1, с. 164].

Перевозкой сербов занималась преимущественно французы [4, с. 324-325] и направляли их в несколько лагерей для реорганизации и отдыха. Их перевозили в Бизерту, город во французском Тунисе, где солдаты проходили переподготовку, по окончании которой им вручалась французская форма и оружие [1, с. 211], и на остров Корфу, который был главным реорганизационным лагерем сербской армии. Прибывали на остров без оружия, снаряжения и обмундирования, в ужасной физической форме и больные [10, с. 130]. Греция была против высадки на Корфу [4, с. 7], тем более против размещения там больны холерой сербских солдат [4, с. 566-567], но их мнение игнорировалось. Однако, если греческое недовольство было возможно игнорировать, то болезнь нет. Тысячи больных и истощённых сербов было решено изолировать на острове Видо, ставшего госпиталем под открытым небом. Видо сербы называли «Островом смерти» [1, с. 189]. Туда свозили тех, кто должен был умереть. Корфа была не лучше. Жили под открытым небом, без регулярного питания, среди больных, в полной антисанитарии [5, с. 174], и лишь немногим повезло быть эвакуированными в материковую Францию. Закончилась эвакуация на Корфу, только к 25 февраля 1916 года. Сербские войска в ходе

эвакуации потеряли около 55 тыс. солдат. Общая же численность потерь за эвакуацию и реорганизацию достигла 150 тыс. человек [1, с. 174], хотя и с учётом гражданских лиц, бежавших вместе с армией, численность которой по разным оценкам, упала до 162 тыс. человек в лучшем случае и 100 тыс. в худшем, и не все из которых были боеспособны [6, с. 119].

На острове армия прошла реорганизацию войск. Собрав 72 батальона [7, с. 151], составивших 6 пехотных и одну кавалерийскую дивизию, общей численностью 125 тыс. человек [6, с. 120]. В апреле войска стали перебрасываться на Салоники, в военные лагеря на Халкидонском полуострове, где уже к 30 мая разместились все сербская армия [8, с. 59-60], а затем оттуда их перебрасывали на передовую и к концу лета на фронте оказалась вся сербская армия. В то же время, между сербской короной и союзниками велись споры о положении сербских солдат. Пашишь и Александр настаивали, чтобы их армия продолжила существовать и подчинялась им, то есть законной власти Сербии, не вливаясь в войска другой страны на фронте, что не могли обещать страны Антанты [11, с. 233-234]. В конечном итоге был достигнут компромисс. Сербская армия остаётся, и официально её возглавлял принц-регент Александр, но на деле сербы должны будут подчинены главнокомандующему армии союзников на востоке, генералу Саррайю [7, с. 151]. Данное решение удовлетворило обе стороны. По злой иронии, именно прошедшие кошмар албанской голоффы и острова смерти сербские войска, были в последствии размещены союзным командованием в самом тяжёлом центральном участке всего Салоникского фронта. Сербские позиции, преимущественно, располагались в гористой местности и протягивались вдоль фронта на сотню километров. Западная конечность их участка была в районе горы Каймачалан, недалеко от Битоля и соседствовала с французскими частями, что действовали в Эпире и Албании, которые, в свою очередь, соприкасались на западе с итальянцами. На востоке сербские войска соприкасались с англичанами не далеко от города Градско. Такие позиции сербам достались не случайно.

В августе того же года болгары успешно атаковали союзников, выбив их из Флорины и Баницы [7, с. 155], но после начала ответной атаки, вводимая в бой сербская армия не только отвоевала свои позиции, но и заняли к 30 сентября высоту Каймачалан, едва не прорвав оборону болгар [7, с. 161], но наиболее значимой победой было героическое взятие сербами Битоля [6, с. 121]. Но и потери сербской армии были внушительны. Раненые и убитые достигали 32 тыс. человек, а полностью боеспособными оставались только 3 дивизии [7, с. 173]. Само же наступление сил Антанты остановилось, так как проходило оно слишком медленно и ценой больших издержек. К тому же в районе Вардара вспыхнула эпидемия малярии [8, с. 74], заметно снизив боеспособность войск. Так, в связи с потерями личного состава, на некоторых участках сербов заменяли союзными армиями. Например, 18 ноября, на позициях у реки Црна, у деревни Груништы, сербские войска были заменены русскими солдатами из 7-го и 8-го особых полков русского экспедиционного корпуса [2, с. 68], пока сербы были переведены в тыл на отдых, вернувшись вновь на этот участок уже 9 мая 1917 года. Но бывали и обратные случаи, когда некоторые сербские части не отводили на отдых не просто месяцами, а бесценно оставляли на линии фронта с 1916 по конец 1918 года, то есть конец войны [10, с. 142]. Вызвано это острой необходимостью бойцов и отсутствием как самих резервов, так и возможностью их адекватно пополнять. Так на Салониках начался длительный период окопной войны, который надолго зафиксировал примерное положение сербских войск. В первой половине 1917 года была предпринята ещё одна попытка провести наступление восточными армиями Антанты, но она так же оказалась мало эффективной, и союзники не добились либо ничего, либо крупницы, в то время как сербы продолжали удивлять мужеством, и в мае 1917 года захватили передовые позиции у Доброполя, сражаясь, когда прочие армии союзников отвели

силы на отдых после неудачной кампании [7, с. 181]. И вплоть до кампании 1918 года, на Салониках продолжалась обычная окопная жизнь со всеми её издержками.

Потеряв государство, сербские войска лишились и всякого собственного способа финансирования. Они и раньше жили за счёт кредитов Антанты, но теперь зависимость стала абсолютной. Уже зимой 1916 года Сербией вновь был запрошен кредит на 150 млн. франков, для выплат зарплат солдатам, служащим, для покрытия имеющихся долгов по закупкам и на осуществление новых закупок [4, с. 187]. Сербия брала деньги у Антанты и отдавала эти деньги назад Антанте, оставаясь ещё и в должниках, всё время войны снабжая свою армию за счёт покупки иностранного, преимущественно французского снаряжения [1, с. 31], в котором многие и вернутся домой в 1918 году [1, с. 41]. Артиллерия, тоже была французская [1, с. 225]. Однако оружие нередко было устаревшим [1, с. 242] и поставлялось с запозданием, на что жаловался Пашич [4, с. 296-300]. Снабжение так же происходило некачественно и с задержками, что приводило к интересным примерам импровизации солдатской импровизации. Так, во время Вардавского наступления, командир одного из кавалерийских полков, договорился с французскими лётчиками, чтобы те сбрасывали подковы на позиции сербских кавалеристов [1, с. 402]. Так сербы сохраняли темп своего наступления, обходя логистические помехи. Но главное, что на Сербском участке фронта, дефицита патронов удавалось избегать [1, с. 184]. Помимо прочего сербская армия обладала собственными пилотами, хотя изначально они и входили в состав сербских вооружённых сил не входили, подчиняясь французам и числившись в 5 французских эскадрильях. Они выполняли задачи разведки и бомбардировки позиций противника [1, с. 262-263]. Но если в 1916 году пилотов было всего 12, то к 1918 году их было свыше 40, что привело к созданию 1-й и 2-й сербских эскадрилий, частично дополненные ещё и русскими добровольцами [6, с. 120], а в авиапарке сербской армии числилось 71 аэроплан [10, с. 144].

Что касается слияния на сербские войска событиями из вне, то как и весь мир, Февральская революция в России и отречения царя Николая II ввергла сербские власти в шок. Они боялись, что Временное правительство выйдет из войны, и Сербия лишится своего главного покровителя. Но Опасения были напрасны. Очень скоро Российская власть не просто подтвердила продолжение предыдущего внешнеполитического курса, но и обещало добиться создания «Великой Сербии» по итогу окончания войны [11, с. 292-293]. Но эти же события вынудили руководство Сербии к изменению внутренней политики и обёртки замыслов. В это же время шёл процесс радикализации армии, имели место братания, а где-то и «Рождественские перемирия» в миниатюре [1, с.256-258], но властям удавалось стабилизировать положение. Однако массовости процесс не приобрёл. Армия была очень сплочённая в стремлении освободить свой дом. Показателен и низкий уровень дезертирства, число коих с с мая 1916 по май 1917 года составлял всего 719 человек [10, с. 133]. Но и отрицать революционные брожения нельзя. Уже после Октябрьской революции издаётся ряд приказов, запрещающих сербским солдатам контактировать с русскими [5, с. 294]. Помимо этого, пресикалась всякая социалистическая агитация на фронте, как и распространение новостей из мира любым другим способом, кроме как при помощи правительственных редакций, чью литературу распространяли с утроенной силой, готовясь к завершению войны.

На кануне решающего наступления на Салоникском фронте сербская армия насчитывала непосредственно на поле боя от 111 тыс., до 80 тыс. солдат [10, с. 139]. С началом Вардарского наступления сербские войска, вновь показали себя, сумел прорвать оборону болгар, разрушив их фронт. Это достижение, вызвано отвагой, с которой бились сербы за свой дом, что даже австрийцы называли сербов достойнейшими из врагов в этой войне [6, с. 125]. Профессионализм сербов признавали и союзники. Французы называли сербов «гордостью

Салоникского фронта» [1, с. 47], а о скорости продвижения сербов при освобождении своей родины, которое заняло всего 45 дней, говорили, что у них будто «выросли крылья» [1, с. 97]. Но помимо отваги сыграл и фактов сложившегося на сербской линии соприкосновения превосходства в огневой мощи и пушках. Не смотря на то, что в сравнении с 1915 годом, сербская армия потеряла более чем половину своих пушек (с 678 в 1915 году на 312 в 1918 году) конкретно на том участке фронта, в нужное для этого время, их мощь превосходила силы болгар, которые, были скованы атакой других армий Антанты и не могли перегруппироваться. Потеряли же сербы при прорыве 4019 военнослужащих, из которых 681 – убитыми [10, с. 144].

По итогу Сербия, не смотря на фактическую утрату страны, что соразмерно с поражением, не только оказалась среди победителей, но и сумела реализовать свои планы по объединению южных славян. А обеспечил ей победу не союзнический договор, не морально устаревшая французская винтовка, а сербский солдат. Армия, которая смогла выжить в 1914 году, став первой жертвой войны, пройдя в 1915 албанскую голгофу и закалённую противостоянием на Салониках. Народ, что потерял страну, но сохранил армию и не сдался, внеся самый суровый вклад на южном театре Первой мировой войны заплатив за это страшную цену от 800 тыс. до полутора миллионов человеческих жизней.

Библиографический список

1. Бурик А. Солунци говоре седмо, допуњено издање. Београд. : ниро «књижевне новине». 1987. С. 425
2. Шаевский Д.А. Русские солдаты на Балканах: (воспоминания участника Первой мировой войны) / Д. Шаевский // Военно-исторический журнал – 1964 - №10 – С. 66-74.
3. Рид Д. Вдоль фронта. М. : Из-во «Кучково поле». 2015. 272 с.
4. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительства. Сер. III. Т. 10. М.-Л., 1938. 646 с.
5. Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М. : Из-во «Наука». 1968. 376 с.
6. Денда Д Сербская армия. 1804–1918 / пер. А.А. Силкина. М – С-П.: Из-во «Нестор-История». 2021. 160 с.
7. Данилов Ю.Н. Русские войска на французском и македонском фронтах 1916 – 1918 гг. (По материалам архивов французского военного министерства). Париж: «Издание союза офицеров участников войны на французском фронте» 1933.
8. Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны. М.: Государственное военное изд-во наркомата обороны СССР. 1939. 124 с.
9. История Югославии в двух томах – 1 т. / под ред. Ю.В. Бромлея, Ю.С. Достян, С.А. Никитина. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. 751 с.
10. Милорадович Г Численность сербской армии на Салоникском фронте и добровольческое движение 1916–1918 гг. / Милорадович Г // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Редколлегия: К.В. Никифоров (отв. редактор), А.А. Силкин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 127-155
11. За балканскими фронтами Первой мировой войны./ Отв. редактор В. Н. Виноградов. - М.: Издательство «Индрик», 2002. 504 с.

Иллюстрации к статье

Рис. 1 Умершие солдаты на острове Видо 1916 год. Источник. [Электронный ресурс].

Режим доступа: URL:
[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L%27île_de_Vido_devenue_%27île_des_morts%27_\(février_1916\)_-_Médiathèque_de_l%27architecture_et_du_patrimoine_-_APOR033183.jpg?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:L%27île_de_Vido_devenue_%27île_des_morts%27_(février_1916)_-_Médiathèque_de_l%27architecture_et_du_patrimoine_-_APOR033183.jpg?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera) (Дата обращения: 18.05.2026).

Рис. 2 Солдаты сербской армии 11-го полка Шумадийской дивизии на Салоникском фронте, Каймакчалан, сентябрь 1916 года. Фото в цвете. Источник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://tgstat.ru/channel/@wwimemes/4654> (Дата обращения: 18.05.2026).

Рис 3. Эвакуация сербской армии в Албанию, 1915. Источник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сербская_кампания_Первой_мировой_войны?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (Дата обращения: 18.05.2026).

Сведения об авторе:

Понарьин Иван Иванович, студент Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, e-mail: ponaryin.ii@gmail.com

УДК 94:327

И.Р. Субботин

ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ КРИЗИС 1902-1903 гг.¹

Аннотация: В статье рассматривается конфликт Венесуэлы со странами Европы, в связи с отказом президента Сиприано Кастро выплатить внешние долги и убытки, понесенные европейскими гражданами в ходе недавней венесуэльской гражданской войны. Анализируется поведение сторон и меры, предпринятые европейскими странами для достижения своих целей. Уделяется внимание предыстории событий, которые и привели к морской блокаде Венесуэлы. Объясняется значимость данного события в роли катализатора для дальнейшего ухудшения политической обстановки в мире целом.

Ключевые слова: Венесуэльский кризис, США, Германия, Британия, Италия, Латинская Америка, Т. Рузвельт, доктрина Монро

Subbotin I.R. Venezuela crisis, 1902-1903

Abstract: The article examines the conflict between Venezuela and European countries, which was caused by President Cipriano Castro's refusal to pay external debts and losses incurred by European citizens during the recent Venezuelan civil war. The article analyzes the behavior of the parties involved and the measures taken by European countries to achieve their goals. It also focuses on the background of the events that led to the naval blockade of Venezuela. The article explains the significance of this event as a catalyst for further deterioration of the global political situation.

Keywords: Venezuela crisis, USA, Germany, Britain, Italy, Latin America, T. Roosevelt, Monroe Doctrine

Международный Венесуэльский кризис 1902-1903 гг. стал важной вехой на пути США к лидерству в Латинской Америке. В одиночку молодая великая держава смогла противостоять ведущим европейским гос-вам: Германской империи, Великобритании и Италии. События вокруг Венесуэлы привели к изменению трактовки Доктрины Монро, что еще более ускорило американскую экспансию в Латиноамериканском регионе.

Венесуэльским кризисом 1902-1903 гг. называют морскую блокаду, введенную европейскими странами против Венесуэлы с декабря 1902 г. по февраль 1903 г., с целью вынуждения президента Венесуэлы – Сиприано Кастро, выплатить долги и убытки, понесенные европейскими гражданами в ходе недавней венесуэльской гражданской войны. Вопреки надеждам президента Венесуэлы на «доктрину Монро», американская сторона поначалу никак не препятствовала Британии, Германии и Италии, так как США рассчитывали применять положения доктрины только в случае захвата европейцами территорий в Америке, так что блокада изначально не вызывала у президента Теодора Рузвельта серьезных опасений. Кастро отказался сдаться и потребовал международного арбитража, против которого выступила Германия. Однако под давлением США, отправивших к берегам Венесуэлы собственный флот, немцы вынуждены были уступить [5, с. 300]. По результатам переговоров и последующего арбитража был подписан договор: блокада была снята, а Венесуэла обязалась отчислять 30 % своих таможенных сборов на покрытие долгов. Данный конфликт привел к развитию «доктрины Монро», утвердив право Соединенных штатов вмешиваться с целью «урегулирования» конфликтов, а также кризис привел к переходу от европейского к американскому доминированию в Карибском бассейне [1, с. 187].

¹ Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ Тихонов Юрий Николаевич.

Венесуэла расположена в северной части Южной Америки, имеет границы с Колумбией, Бразилией и Гайаной. С севера и востока она омывается Атлантическим океаном и Карибским морем. Общая площадь страны составляет 916 490 кв. км, из которых 1170 кв. км приходится на более чем 70 островов, расположенных в Карибском море. Крупнейшие из них – острова Маргарита и Кубачуа, славящиеся своими жемчужными отмелями. Главным ископаемым богатством Венесуэлы является нефть. Также есть никель, свинец, ртуть, уголь, известняки, сера, фосфориты, асбест и другие ископаемые [3, с. 5-7]. К сожалению, самостоятельно Венесуэла на момент начала XX в. не могла вести добычу этих ресурсов. «Дремлющее богатство» Венесуэлы привлекало множество охочих до чужого добра, в том числе крупные нефтедобывающие концерны Европы и Северной Америки, а также и некоторые государства.

К началу XX в. в Венесуэле лишь совсем недавно произошел очередной государственный переворот, поставивший к власти в 1899 г. Сиприано Кастро. Новое правительство намеревалось начать центристские реформы, уменьшить внешний долг, модернизировать военные силы по прусской модели. Огромную роль в модернизации Венесуэлы играли иностранные организации, такие как, например, немецкие банки Disconto-Gesellschaft (Берлин) и Norddeutsche Bank (Гамбург), которые полностью финансировали строительство Великой венесуэльской железной дороги (1888-1894) [6, с. 83], или британские компании Royal Dutch Shell и British Controlled Oilfields [3, с. 19], которые, в числе некоторых других компаний, получили концессии на добычу нефти в районе Сулия. Контракт с правительством Венесуэлы на строительство 179-километровой железной дороги от Каракаса до Валенсии заключил концерн Friedrich Krupp AG. Помимо этого, сотрудничество правительства Венесуэлы с Krupp распространялось и в военной сфере: были приобретены новейшее оружие и пароходы, контракты о поставке которых были подписаны в Берлине в 1894-1896 гг. [6, с. 83]. Стоит отметить, что влияние США в экономике Венесуэлы было не столь значительными на фоне выше представленных европейских стран. Ввоз американского капитала и его инвестирование в разведку и эксплуатацию нефтяных залежей начнет вносить существенные изменения в венесуэльскую экономику в основном начиная с 1919 г. Однако Соединенные Штаты стремились наверстать упущенное, причем не только на экономической, но и на политической арене [3, с. 19].

Во многом Венесуэльский кризис стал следствием соперничества Германии и США за влияние в регионе. Между Соединенными Штатами и Британией – также непосредственной участницей конфликта – к тому моменту уже не было былого соперничества. Конфликт с Британией значил бы для США отказ от британского рынка и блокированию рынков Европы, Азии, Африки, Ближнего и дальнего Востока, что неизбежно ударило бы по экономике развивающегося индустриального государства. В свою очередь Британия постепенно шла на ослабление своего влияния в Латинской Америке и Карибском регионе, что может свидетельствовать подписанный в 1901 г. договор, согласно которому предусматривалось монопольное право США на сооружение межокеанского морского канала, а также уступки в приграничном конфликте с Венесуэлой в 1896 г. [4, с. 177].

США, опираясь на доктрину Монро, стремились к доминации в Латинской Америке. Желание стать основополагающей силой в регионе уже привело к рассмотрению возможности внесения изменений в изначальные полномочия США, однако реальным поводом для президента Рузвельта стала именно блокада Венесуэлы [2, с. 73]. Еще до этого, в 1896 г., излагая предвыборную программу Республиканской партии, Рузвельт очертил новое направление развития государства: аннексию Гавайских о-в, сооружение межокеанского морского канала, возрождение и новая, более суровая концепция доктрины Монро и её признание миром. Для достижения поставленных целей нужен был «первоклассный боевой флот... из мощных линкоров». В своём первом президентском ежегодном послании конгрессу США в 1901 г. Рузвельт

сказал: «Военно-морской флот позволит нам отстоять доктрину Монро от насмешек и неуважения со стороны любой нации» [7].

В Германии особое влияние на политику играл Пангерманский союз (Alldeutscher Verband) – крупное объединение, включающее в себя к 1900 г. 21 тыс. человек [6, с. 80]. Пестрый состав участников отражал общие намерения той заинтересованной части немецкого общества, которая требовала от правительства рейха проведения активной колониальной политики. В руководящий состав организации входили банкиры и представители крупного бизнеса, которые использовали Пангерманский союз для неполитического воздействия на государство с целью достижения экономических интересов (Bayer, Hoechst, Ludwigshafen, Friedrich Krupp AG, Norddeutsche Bank). За счет крупных капиталовложений Пангерманский союз достаточно быстро стал влиять на систему массовых коммуникаций. Газеты и издания, выходившие массовым тиражом, стали инструментом для пангерманцев. Данное объединение открыто критиковало кайзера за различного рода дипломатические акции, предпринимаемые скорее в политических целях, нежели экономических. Сам Пангерманский союз возник в результате недовольства общества подписанием англо-германского соглашения «Гельголанд-Занзибар» в 1890 г. [6, с. 80].

Если принять во внимание публичное заявление министра внутренних дел Фридриха Эйленбурга, то интересы Германии в Южной Америке определялись отнюдь не желанием присоединить эти территории в состав молодой колониальной державы. Выступая перед сенаторами Гамбурга в 1875 г., Ф. Эйленбург предостерег от эмиграции в Венесуэлу, считая, что данная затея имеет минимальные шансы на успех. К тому же отношения между странами имели давнюю традицию, начиная со встречи Симона Боливара (1783 – 1830 гг.) и Александра фон Гумбольдта (1769 – 1859 гг.) в начале XIX в. После объединения Германии было открыто официальное консульство в Венесуэле. Именно с этого момента начинаются дипломатические отношения Берлина и Каракаса, мнение насчет которых в рейхе было, как минимум, двояким. Позиция канцлера Германии Отто Фон Бисмарка (1871 – 1890 гг.) предполагала мирные взаимоотношения со странами Латинской Америки, без распространения германского влияния на континент. Другая позиция принадлежала кайзеру Вильгельму II (1888 – 1918 гг.), и она, в свою очередь, предполагала экспансию рейха в регионе. Кайзер хотел воспользоваться конфликтом в Венесуэле чтобы проверить мощь своего флота, в строительство которого было вложено немало средств. В соответствии с двумя флотскими законами от 1898 и 1900 гг. численность германского флота возросла вдвое – до 38 линкоров в составе четырех эскадрилий. После отставки «железного канцлера» главной стала точка зрения кайзера, а сам О. фон Бисмарк в последние годы своего правления частично отказался от прежних осторожных взглядов в отношении американского экспансионизма, назвав доктрину Монро «наглой догмой» и «самонадеянной идеей» [6, с. 80-81].

На мнение О. фон Бисмарка могла повлиять как начавшаяся активная эмиграция немецкого населения в Латинскую Америку (к 1890 г. эмиграция на континент составляла до 30% от общей эмиграции рейха), так и увеличившийся товарооборот со странами континента (в начале XX века доходы от торговли с южноамериканскими государствами возросли до 656,2 млн марок с Аргентиной, 430,5 млн марок с Бразилией, 256,7 млн марок с Чили, 70 млн марок с Уругваем и т.д.). Венесуэла занимала десятое место по количеству товарооборота. Несмотря на отсутствие торгового договора, торговля кофе – главного продукта экспорта – приносила хороший доход ганзейским городам. Попытки заключить соглашение между державами постоянно откладывались в связи с желанием Венесуэлы включить в него пункт о том, что в случае убытков торговых компаний, вызванных в связи с бунтами и волнениями, иностранные предприниматели должны были подавать иски в суды Венесуэлы, которые рассматривались

бы в соответствии с нормами венесуэльского права. Вплоть до заключения договора (1909 г.) обе страны обязались уважать взаимные торговые интересы [6, с. 81].

В результате эмиграции немцев на территории Венесуэлы активно скупались земли. Земельные владения, находящиеся в собственности у немцев, оценивались от 10 до 12 млн марок. Также стоит отметить и то, что сами эмигранты стали рассматриваться пангерманцами как инструмент политического влияния в регионе, как «миссионеры, обеспечивающие коммерческую ориентацию в сторону рейха», как «проводники» немецкой культуры и образования, а также «пионеры Великой Германии» [6, с. 82].

Во многом интерес Германской империи к странам Латинской Америки связан с промышленным и экономическим подъемом государства в 90-е гг. XIX века, которому способствовало присоединение Эльзаса и Лотарингии с богатейшими запасами железной руды, промышленное освоение Рейнско-Вестфальского региона и французская пятимиллиардная контрибуция, выплаченная рейху по итогам франко-прусской войны. Достаточно быстро предложение внутреннему рынку превысило спрос, приведя к экономической депрессии, что заставило предпринимателей искать новые рынки сбыта. Крупные немецкие компании как раз нашли выход для своих денежных активов в южноамериканских странах, в частности в строительстве железных дорог и продаже оружия правительству Венесуэлы [6, с. 83].

Желала ли Германия сделать Венесуэлу своей колонией? В исследовании Нэнси Митчелл из университета Северной Каролины ставятся под сомнение более ранние интерпретации, приведенные такими исследователями, как А. Фагт, Р. Фибиг фон Хазе и Ф. Катц. Их точка зрения заключалась в том, что политика Германии в Южной Америке преследовала экспансионистские цели. Нэнси Митчелл утверждает, что германская угроза была очень сильно преувеличена средствами массовой информации, чтобы инициировать (в Германии) и легитимизировать (в США) экспансионизм. По мнению Митчелл у Германской империи банально не было средств для осуществления экспансионистского проекта в этой части мира, а достаточно эмоциональный кайзер под влиянием пангерманской пропаганды неверно оценил силы и возможности своей державы [6, с. 83-84].

Данная версия кажется вполне убедительной, особенно если учитывать крайнюю политическую нестабильность региона. За период правления Антонио Гусмана Бланко (1870-1877 гг., 1879-1884 гг., 1886-1887 гг.) и Сиприано Кастро Венесуэла подвергалась нападению со стороны Колумбии целых 22 раза. Постоянные военные конфликты опустошили казну, а частота их повторений лишала инвесторов возможности воспользоваться «дремлющим богатством» страны [6, с. 84].

В итоге касаясь Германии можно сделать вывод, что решение вопроса об отношениях с Венесуэлой оказалось для рейха крайне противоречивым: интересы страны, заключающиеся в стабильных экономических отношениях между рейхом и Венесуэлой расходились с риторикой немецких колониальных обществ, требовавших проведения активной колониальной политики, определенной уступкой которым стало участие Германии в блокаде 1902-1903 гг. [6, с. 84]

Впрочем, главной причиной морской блокады оставалась Венесуэла. Особенно тяжелое положение экономики государства пришлось на 1892 г., когда к власти в результате переворота пришел Хоакин Креспо, первые шесть месяцев у власти которого ознаменовались анархией и отсутствием эффективного управления [1, с. 186]. Уже в 1898 г. с приходом к власти Сиприана Кастро, во время гражданской войны, также ознаменовавшейся экономическим кризисом, правительство Венесуэлы было вынуждено вновь приступить к принудительным займам у европейских коммерсантов и изъятию их домов и имущества. В Берлин и Лондон непрерывно следовали жалобы и просьбы защитить европейских переселенцев от произвола и

убытков. Своеобразной точкой невозврата стало решение Сиприана Кастро в октябре 1899 г. приостановить выплаты по внешним долгам, что привело к закономерному протесту со стороны Германии и Великобритании, имевших наибольшую долю в венесуэльском долге.

В июле 1901 г. Германия призвала Венесуэлу добровольно согласиться на международный арбитраж через постоянную палату Третейского суда в Гааге. Сиприано Кастро в своей внешней политике рассчитывал на «доктрину Монро», согласно которой Соединенные Штаты имели возможность поддержать Венесуэлу в грядущем конфликте, однако его надежды не оправдались. Теодор Рузвельт в июле 1901 г. заявил, что если какая-либо страна Южной Америки плохо себя ведет по отношению к любой европейской стране, пусть европейская накажет её», а уже 3 декабря 1901 г., на заседании Конгресса, он повторил данный тезис [4, с. 179-180]. 11 декабря 1901 г. Германия заявила о намерении начать блокаду побережья Венесуэлы и временно оккупировать несколько её портов [2, с. 71-72]. Однако от решительных действий немецкое руководство на время воздержалось: в Венесуэле в это время во весь ход шла гражданская война, в этот раз уже против самого Кастро. Лидер восставших – Мануэль Антонио Матос, казался куда более сговорчивой альтернативой, так что Германия рассчитывала на смену власти [1, с. 187]. Однако надежды не оправдались: власть устояла, и европейские державы перешли к прямому вмешательству.

Министерство иностранных дел Великобритании озаботилось ситуацией вокруг Венесуэлы в конце 1901 г. В купе с постоянным давлением со стороны британских финансистов, требующих защиты своих интересов, Британия склонялась к союзу с Германией в деле проведения блокады Венесуэлы, и начала зондировать немецкую сторону на предмет совместных действий, но первоначально получила отказ. Однако, под давлением британских и немецких финансистов обе стороны пришли к соглашению. Затем в коалицию захотела вступить и Италия, правительство которой начало подозревать о существовании планов по обеспечению уплаты долгов, на что США ответили: «что если она собирается организовать выступление против Венесуэлы, то лучше это сделать не одновременно с Германией. В противном случае это может оказать вредное влияние на общественное мнение США» [2, с. 72].

К побережью Венесуэлы прибыли следующие военные силы: со стороны Германии броненосный крейсер Винета, легкий крейсер Фальке, канонерки Пантера, Газелле, Циклоп и захваченная канонерка Рестардор; со стороны Британии бронепалубные крейсера Ариадна и Харибда и две канонерские лодки. Со стороны Италии прибыл один крейсер – Карло Альберто.

9 декабря 1902 г. Германия и Британия начали блокаду венесуэльских портов. В первые дни блокады был захвачен или затоплен почти весь немногочисленный венесуэльский военный флот, что повело за собой ответные меры со стороны Кастро [4, с. 181]. Так, президент Венесуэлы арестовал свыше 200 английских и немецких жителей Каракаса, что, в свою очередь, привело к недовольству союзников, которые были вынуждены высадить войска для эвакуации своих граждан.

13 декабря, после захвата Венесуэлой торгового судна Британии, англичане потребовали извинений, и, не получив их, начали обстрел венесуэльских фортов в Пуэрто-Кабельо, при содействии немецкого крейсера Винета. В тот же день правительства Британии и Германии получили через Вашингтон пересланное от Кастро предложение передать спор в международный арбитраж. Рейх был против арбитражного разбирательства, в то время как в Лондоне склонялись к мирному решению конфликта [1, с. 187].

Венесуэльский конфликт выявил противоречия между США и Германией. В то время как страны-участницы блокады раздумывали над предложением Кастро, в Соединенных Штатах готовились к силовому разрешению конфликта. 14 декабря 1902 г. Рузвельт донес до посла

Германии фон Голлебена, что военная эскадра под командованием адмирала Дьюи готова отправиться к побережью Венесуэлы в случае, если Германия не согласится на арбитраж в течение 10 дней. В это время в США активно шла антигерманская пропаганда, настраивающая население против Германии. Фон Голлебен немедленно телеграфировал в Берлин, понимая масштаб надвигающейся проблемы. В итоге, через три дня, 17 декабря Британия приняла условия США относительно арбитражного решения проблемы. 19 декабря на международный арбитраж согласилась и Германия [4, 181].

20 декабря блокада венесуэльских портов была формально снята, однако боевые действия на этом не закончились. В январе 1903 г., когда переговоры уже активно велись, немецкая канонерка Пантера предприняла попытку войти в лагуну Маракайбо, центр немецкой коммерческой деятельности. 17 января военный корабль начал перестрелку с гарнизоном форта Сан-Карлос, но был вынужден отступить, из-за невозможности подойти к крепости из-за мелководья. Радость защитников крепости продлилась недолго – 21 января к форту прибыла куда лучше вооруженная Винета, которая без особых трудностей обстреляла Сан-Карлос и разрушила укрепления, при этом убив 25 гражданских лиц, находящихся в соседнем поселении. Данный инцидент был воспринят крайне негативно в США, однако на дальнейший ход переговоров он не повлиял [5, с. 300].

Необходимо отметить, что Венесуэльский кризис стал последней попыткой стран Европы укрепить свое влияние в Латиноамериканском регионе [4, с. 182]. Попытка, очевидно, оказалась неудачной. Смешанная американо-венесуэльская комиссия по взаимным претензиям определила размер долгов, а также порядок их постепенной выплаты. Венесуэла согласилась передать около 30% таможенных доходов со своих портов странам-кредиторам [1, 187]. В результате были установлены размеры выплат для стран-участниц блокады: для Германии 2,092 млн боливаров; Британии 9,401 млн; Италии 2,276 млн. Однако, страны-участницы блокады требовали первостепенное право компенсации убытков со стороны Венесуэлы (напомним, что Венесуэла имела задолженности перед большим количеством стран).

В результате дело было передано на рассмотрение Гаагского суда. 22 февраля 1904 г. государства, начавшие блокаду, получили привилегии в выплате налогов. Получалось, что международный суд фактически одобрил агрессивные действия стран-участниц блокады [4, с. 182]. Данное событие пошатнуло и так сильно нестабильную мировую обстановку, фактически став ещё одной косвенной предпосылкой для начала как Первой мировой войны, так и дальнейшего ухудшения мирового порядка. Также Венесуэльский кризис повлиял на изменение трактовки доктрины Монро. В письме министру Э. Руту в мае 1904 г., а затем в президентском послании в декабре 1904 г. Т. Рузвельт изложил доктрину Монро таким образом, что вооруженное вмешательство какого-либо европейского государства в Латинской Америке исключалось. Отныне США брали на себя роль «международной полицейской силы», окончательно закрепляя за собой контроль над странами латиноамериканского региона [5, с. 300-301].

Библиографический список

1. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. // Москва: Высшая школа, 1991. – 290 с.
2. Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX в. // Москва: Наука, 1969. – 471 с.
3. Козлов Ю., Ткаченко В. Социально-экономические проблемы развивающихся стран. Венесуэла // Москва: Мысль, 1976. – 150 с.

4. Лукач И.Б. Роль «Немецкого фактора» в трансформации доктрины Монро (конец XIX – начало XX в.) // Казань: Ученые записки Казанского университета, 2013. С. 176-184
5. История США в 4-х тт // Москва: Наука, 1985. Т.2. – 600 с.
6. Турыгин А. А. Венесуэла в фокусе пангерманизма. К вопросу о понимании Венесуэльского кризиса (1902-1903) в немецком обществе // Латинская Америка -2021-№8 - – С. 78-91.
7. Roosevelt T. First Annual Message. December 3, 1901 // The American Presidency Project. – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=29542>. (дата обращения: 11.06.2026).

Сведения об авторе:

Субботин Илья Романович, студент Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, e-mail: iliasubb1970@vk.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru